

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 3 (35)

2025

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, профессор, Россия
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
В. В. Михайлов, доктор исторических наук, профессор, Россия
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке
оформляются в соответствии с требованиями
для авторов, установленными редакцией.
Редакция не вступает в переписку с авторами
статей, получившими мотивированный отказ
в опубликовании. Статьи, оформленные
не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration III № ФС77-68612,
March 04, 2016

The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into
the list of reviewed academic journals
and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Full Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

V. V. Mikhaylov, Doctor of History, Full Professor, Russia

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

Статьи, представленные в № 3 за 2025 г., опубликованы
на основе докладов, подготовленных для участия в

**Шестой Международной научной конференции
«ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА
В ИСТОРИИ РОССИИ»
(Санкт-Петербург, г. Пушкин 18–19 апреля 2025 г.)**

Конференция проводилась в рамках гранта Российского научного фонда
и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025.
URL: <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- Д. А. Бауман**
«Немецкий вопрос» в контексте колониального
и национального дискурсов Российской империи
в конце XIX – начале XX в. [10]
- Е. А. Боголюбов**
Празднование Дня отмены калыма
в советском Казахстане [28]
- Н. В. Тихомиров**
Советизация финно-угорского крестьянства
(по материалам студентов ленинградского
партийного вуза) [46]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- А. Ю. Анфимова**
Прикладная и производственная деятельность
цыганского населения России в XIX – первой трети XX в. [66]
- М. С. Каменских**
«Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими
и китайцами»: китайцы в повседневной жизни
Урала 1920-х гг. [93]
- С. С. Падалко**
Обеспечение еврейских общин мацой в СССР
в 1960–1980-е гг. [107]

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Н. С. Волкович**
Драма исхода невесты-чувашки
в обряде «Девичья баня» [122]

М. С. Генслер

Иностранцы ремесленники в Петербурге:
правовые трансформации второй половины XVIII –
первой половины XIX в. [141]

Е. А. Берман

Еврейский некрополь Якутска как исторический
источник функционирования якутской еврейской
общины XIX–XXI вв. [156]

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

М. К. Чуркин

Дискурс культурной интеграции коренных
народов Азиатской России в публикациях журнала
«Православный благовестник» (конец XIX – начало XX в.) [177]

Р. А. Соловьев

Роль военно-подготовительных учебных заведений
в развитии национальных воинских формирований
Красной армии на территории Средней Азии
и Казахстана в 1920-х гг. [193]

М. А. Михайлец

От сакральности к повседневности:
история и современное состояние росписи
на стекле в Беларуси [210]

CONTENTS

THE AUTHORITIES AND SOCIETY

Daniil A. Bauman

The "German Question" in the Context of Colonial and National Discourses of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries [10]

Egor A. Bogolyubov

Celebration of the Kalym Abolition Day in Soviet Kazakhstan [28]

Nikita V. Tikhomirov

Sovietization of the Finno-Ugric Peasantry Based (on the Materials of the Leningrad Party University Students) [46]

ECONOMIC EVERYDAY LIFE

Anna YU. Anfimova

Applied and Industrial Activities of the Gypsy Population of Russia in the 19th – first third of the 20th Centuries [66]

Mikhail S. Kamenskikh

"Apparently, After all, There is Antagonism Between Russians and Chinese": the Chinese in Everyday Life of the 1920s Urals [93]

Semyon S. Padalko

Matzah Provision by Jewish Communities in the USSR in the 1960s – 1980s [107]

REGIONAL EVERYDAY LIFE

Nikita S. Volkovich

The Drama of the Chuvash Bride Exodus in the Maiden Bath Ceremony [122]

Mikhail S. Gensler

Foreign Craftsmen in Saint Petersburg:
Legal Transformations of the Second Half of the 18th –
First Half of the 19th Century [141]

Elena A. Berman

Yakutsk Jewish Cemetery as a Historical Source
on the Functioning of the Yakutsk Jewish Community
in the 19th – 21st Centuries [156]

EDUCATION AND CULTURE HISTORY

Mikhail K. Churkin

The Discourse of Cultural Integration of the Indigenous
Peoples of Asian Russia in the Publications of the Pravoslavny
Blagovestnik Journal (late 19th – early 20th centuries) [177]

Rustam A. Solovyev

The Role of Military Preparatory Educational Institutions
in the Development of National Military Formations
of the Red Army in Central Asia
and Kazakhstan in the 1920s [193]

Mikhail A. Mikhailets

From Sacredness to Everyday Life:
the History and Current State
of Glass Painting in Belarus [210]

«Немецкий вопрос» в контексте колониального и национального дискурсов Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Д. А. Бауман

В данном исследовании изучается так называемый «немецкий вопрос», который отражает широкие проблемы национальных и этнических отношений в многонациональной империи, позволяет понять, как различные этнические группы взаимодействовали друг с другом и как государственная политика влияла на эти отношения. Цель статьи состоит в выявлении глубинных причин возникновения данного национального вопроса в общественно-политическом пространстве империи, а также в анализе его сущности. Делается вывод, что можно проследить явную схожесть «немецкого» вопроса с другими национальными «вопросами» империи, в частности с «финляндским». Сравнив два, на первый взгляд, кажущихся разными «вопроса», можно выявить следующие закономерности: отцами-основателями «вопросов» были консервативные чиновники, исповедовавшие идеалы «единой и неделимой» России. Акторы «финляндского» вопроса ставили своей целью недопущение особых финляндских прав, а акторы «немецкого» – недопустимость создания немецкого «единства» (посредством создания обособленных немецких «государств») в Сибири как одной из главных угроз в национальном проекте колонизации региона, который следовало включить в имперское пространство.

Ключевые слова: «немецкий вопрос», колонизация, немецкие колонисты, имперский колониальный дискурс, национальная политика, Западная Сибирь, колониальная политика, немецкие колонии.

Для цитирования: Бауман Д. А. «Немецкий вопрос» в общественно-политическом дискурсе Российской империи в конце XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 10–27. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_10. EDN: AFJOMH

Введение

На рубеже XIX – начала XX в. на территории Российской империи проживало значительное количество немцев, часть из которых в результате социокультурных и экономических трансформаций середины XIX – начала XX в. начали переселяться в Сибирь. Их присутствие и интеграция в российское переселенческое общество Сибири создавали уникальные социальные и культурные условия, которые влияли на развитие региона. Немецкая колонизация Западной Сибири – это история взаимодействия различных этнических групп и становления новых идеологических конструкций, создаваемых общественно-политическим дискурсом позднеимперского периода. Изучение данного процесса позволяет оценить эффективность государственной политики в отношении не только немецкого меньшинства, но и выявить глубинные причины возникновения других национальных «вопросов», используя метод компаративистики.

Историография проблемы возникновения и развития «немецкого вопроса» на сегодняшний день обширна. Активное и более глубокое изучение истории «немецкого вопроса» в поздней Российской империи начинается с 2000-х гг. Так, в 2002 г. вышел сборник материалов 8-й международной научной конференции «Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.)» в котором появилась статья П. П. Вибе и С. В. Бааха «Антинемецкая кампания в Сибирском регионе в начале XX века», где историки анализируют обострение «немецкого вопроса» в связи с активизацией немецкой колонизации Западной Сибири в конце XIX в. и его пик в годы Первой мировой войны. Авторы приходят к выводу, что конец антинемецкой кампании положили революционные события 1917 г., смена власти в России и последующая за ними политика по отношению к немецким колонистам, которых вновь стали рассматривать как «хороших, рачительных хозяев, способных в трудную годину помочь отечеству» [1]. В 2004 г. в материалах X международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев «Ключевые проблемы истории российских немцев» вышла публикация С. В. Бобылевой «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй

половины XIX века», в которой автор отмечала, что «немецкий вопрос» не уходил с внутривнутриполитической арены страны с момента его появления на страницах периодической печати России в 1870-е гг., а национальная политика страны по отношению к немцам свидетельствовала о социально-политическом и духовном кризисе российского общества [2].

Начиная с 2010-х гг. в исследованиях по истории немецкой диаспоры в России, национальной политики государства, а также отношений различных социальных групп к немцам появляются новые методологические подходы, которые приходят на смену классической позитивистской парадигме. Все чаще можно заметить первые попытки более глубокого анализа всех тех процессов, в которых косвенно или прямо участвовала немецкая диаспора России, свойственного концепции «новой имперской истории».

Так, в 2013 г. было опубликовано сразу три исследования, касающихся эволюции и причин возникновения «немецкого вопроса». В материалах 4-й международной научно-практической конференции «Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию)» вышла статья Н. В. Венгер «Немецкая колонизация и Российский национализм: динамика формирования идеологических концептов и государственной политики (1760–1914)», в которой автор достаточно подробно исследует и анализирует эволюцию государственной национальной политики и «немецкого вопроса», привлекая широкий круг источников, в первую очередь сочинения его идеологов, публикации, воспоминания и выступления видных политических деятелей страны. Проводятся аналогии с другими национальными вопросами в общественно-политической плоскости и делается вывод, что «немецкий вопрос» развивался как социальное явление и как продукт националистической политики государства [3].

В статье Н. В. Морозовой и Т. П. Назаровой «Вопрос о немецкой колонизации России в отечественной публицистике конца XIX – начала XX в.» отмечалось, что актуализация «немецкого вопроса» стала возможна в результате политики поиска национального самосознания и культурной самобытности через построение и осмысление образа «чужого», а возникший еще задолго до Первой мировой войны рост антинемецких настроений был связан со стремлением реакционных поли-

тиков и общественных деятелей перевести контур внимания общественности с объективных проблем государства [4].

В свою очередь Р. А. Циунчук анализировал национальную политику в поздней имперской России через призму нарративов депутатов Государственной думы. Так, в условиях имперской неравноправной иерархии народов и конфессий оформлялись категории «свои», «иные», «другие», «чужие» и продемонстрировано, как они в разных условиях применялись к российским немцам, полякам, евреям. Из-за отсутствия равноправия и несмотря на сохранение общей лояльности к власти и надежды на диалог с властью думских этнических элит резко обострялся национальный вопрос, усиливалась ксенофобия и национальная нетерпимость [5].

Проблема возникновения и эволюции «немецкого вопроса» в партийной среде также рассматривалась в статье Н. В. Венгер «Немецкий вопрос в системе идеологии и деятельности правомонархических партий в Российской империи (1905–1917)». В ней дается анализ подходов к немецкому вопросу в политических программах и практической деятельности монархических партий Российской империи в период с 1905 по 1917 г. Немецкий вопрос был компонентом более широкой инородческой проблемы. Он развивался в направлении постепенной радикализации программы, соответствующей националистическому сценарию, и был тесно связан с внутренней политической ситуацией и внешней политикой Российской империи [6]. В статье «Низовой национализм как форма общественных отношений в поздней Российской империи: эмоционалогический анализ «немецкого вопроса», Н. В. Венгер анализирует истоки появления эмоциональной группы сторонников данной социальной проблемы, а также этапы ее развития [7].

На современном этапе проблему немецкой и любой другой национальной колонизации Западной Сибири перспективно рассматривать, по замечанию В. Н. Шайдурова, с точки зрения глобального и междисциплинарного подхода, который начинает «проникать» в исследования колониализма Сибири с недавних пор [8].

Исходя из этого, при рассмотрении данного вопроса мы опираемся на работы исторической школы «новой имперской истории».

В эту группу историографических работ в первую очередь следует отнести труд коллектива исследователей, которые

с 2000 г. разрабатывают современную версию наднациональной истории [9]. В этом же ключе работает один из основных исследователей колониализма в Сибири М. К. Чуркин [10–11]. Для сравнительного анализа имперской политики по вопросу немецкой колонизации автором привлекались исследования А. П. Петуховой, которая изучает национальные дискурсы и политику в позднеимперский период [12]. Для анализа немецкой колонизации в глобальном масштабе привлекались материалы сборника «Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири» под редакцией М. Котовой, в котором была пересмотрена роль Сибири в составе империи и политика центра по отношению к этой периферии, а также статья А. Ремнева, в которой анализируется возможность использования регионального нарратива в «новой имперской истории», которая по своей сути является историей глобальной [13–14].

Отдельного внимания заслуживают работы по эволюции идентичности российских немцев. Примером исследования данного вопроса служит статья О. В. Ерохиной и А. А. Кайряк «Преобразование этнической идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии в гражданскую (1763–1871)», в которой рассматривается процесс формирования этнической идентичности немцев, а также ее трансформации в гражданскую. Исследователи приходят к выводу, что формирование гражданской идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии произошла несколько раньше, в отличие от немецких колонистов, находившихся под влиянием общины, и началась в начале XIX в. [15].

Целью данного исследования является определение как объективных, так и субъективных причин возникновения «немецкого вопроса» в колониальном и национальном дискурсе позднеимперского периода методом компаративистики. Проводится анализ тех нарративов, которые касались немецких колонистов и немецкой колонизации Западной Сибири и вместе с этим входили в общеимперскую канву нового проекта империостроительства.

Результаты

С активизацией колониационного процесса в связи с проведением аграрной реформы правительством П. А. Столыпина на территорию Западной Сибири переселяется большая волна

немецких колонистов. Именно на этот период приходится обострение так называемого «немецкого вопроса», корни которого назревали еще в последней четверти XIX в.

Практически совпадая с началом проведения столыпинской аграрной реформы, в которой огромное место уделялось колонизации пустующих сибирских земель, в региональной и центральной прессе стали появляться статьи, содержащие информацию, а в большей степени и реакцию различных по положению чиновников на немецкую колонизацию. Так, уже в 1908 г. в журнале «Сибирские вопросы», который освещал широкий спектр проблем, касавшихся колонизационного процесса Сибири, в рубрике «Сибирские письма» вышла статья «„Немецкий полон“ и частная земельная собственность» [16, с. 51]. В ней говорилось о том, что в ряде публикаций в прессе утверждалось что земля около города Омска и чуть ли не вся Акмолинская область «завоевана немцами» и везде слышен «один немецкий язык». Эти сообщения, по мнению авторов, вызвали достаточно серьезные последствия. В частности, генерал-губернатор Степного края Назаров 12 января 1907 г. распорядился не допускать немецких колонистов в Омский уезд, на что последние написали жалобу депутатам сибирской группы, в которой назвали действия Назарова незаконными, а свое положение «ужасным», так как большинство переселенцев, ожидая разрешение на водворение в течение года и более разорились. В свою очередь депутаты передали письмо с жалобой начальнику переселенческого управления Г. В. Глинке, на чем, как писал автор, процесс был завершен [17, с. 49].

Важно подчеркнуть, что автор отмечал, что слухи и переживания царских чиновников о немецком переселении преувеличены «до полной вздорности», но в основе этих слухов, по его мнению, лежал «крайне неприятный факт», который заключался в том, что земли сибирского казачьего войска оказались в руках немецких крестьян. Тут же автор описывал схему произошедшего: те земли, которые казачьим офицерам давались в виде дополнения к пенсии, продавались ими же за небольшую сумму частным спекулянтам, которые в свою очередь перепродавали эти земли немцам. Именно около этого факта случился ажиотаж в прессе [16, с. 52].

Несмотря на то что объективные причины «немецкого вопроса» были преувеличены, волна антинемецких настроений в прес-

се продолжилась. Пиком данной кампании стал 1910 г., когда появились острые публикации по этой теме в уважаемых правых, националистических центральных газетах «Свет», «Новое время», «Объединение», «Дело Отечества», «Голос Руси».

Так, 5 ноября 1910 г. на страницах газеты «Объединение» была опубликована статья А. Папкова «Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казацкого владения», в которой освещалась проблема «чрезмерного» заселения немцами окраин империи. Колонисты, по его мнению, тяготели «всем своим бытом к своему прежнему Отечеству, а не к России», в ней же автор поднимал земельный вопрос, говоря о несправедливом соотношении при распределении земель между крестьянами-переселенцами разных национальностей: «...сотни тысяч десятин и притом лучшей земли перешли в немецкие руки. Немецкие колонии растут, как грибы, – и в этом нет ничего удивительного, так как главные должности переселенческих чиновников заняты немцами. В Акмолинской области переселением заведует фон Штейн, в Томской губернии – Шуман, в единственно годном для переселения уезде Семипалатинской области – Павлодарском – молодой, но ярый германизатор Питрих ...». Папков отмечал, что «в лучшей части Барнаульского уезда, вблизи возникшего города Славгорода, маленькое германское государство из сорока немецких сел. Отношение немецких колонистов к русским переселенцам весьма презрительное и злобное» [18].

Однако тезис о том, что немецкие колонисты заняли лучшие земли, был опровергнут генерал-губернатором Степного края Е. О. Шмитом. Он пояснил, что немцы заселяют лишь южные уезды Акмолинской области, которые «поставлены в более тяжелые жизненные условия». В ответ на статью последовала реакция и заведующего переселенческим делом в Акмолинском округе В. фон Штейна, который заявил, что в результате исследования 1909 г. было выявлено, что доля немецкого населения области составляет всего около 5 %, и следовательно, немцы занимают «весьма скромное место» [19, л. 18–21 об.].

Как видим, местная царская бюрократия сразу же реагировала на подобные публикации, говоря о преувеличенности враждебной тональности по отношению к немецкой колонизации. Данная ситуация ярко подчеркивает конфликт интерпретаций и взглядов на немецкую колонизацию региона. Поче-

му же тогда антинемецкая кампания продолжает существовать в общественно-политическом дискурсе? На наш взгляд, для того чтобы выяснить глубинную причину возникновения данного феномена и понять его суть, необходимо прибегнуть к методу компаративистики. Наряду с «немецким» в позднеимперский период на арену общественно-политического пространства империи выходит еще ряд национальных вопросов. Раскрыв схожесть данных вопросов, можно максимально приблизиться к выяснению причин этих самых вопросов.

В 1890-х гг. на страницах общественно-политических газет появляются громкие заголовки о «финляндском вопросе», развиваются антифинляндские настроения. Вопрос был о роли и месте финляндского княжества в составе Российской империи, его унификации со всей империей и полной интеграции. Конечно же, данные публикации касались и рядовых жителей княжества – финских крестьян. Экономический рост княжества и культурный подъем стали вызывать реакцию со стороны акторов, отцов данного инородческого вопроса [13, с. 195]. В эпоху модерности Российского государства и в период глобальных перемен на международной арене стала очевидна «западная» принадлежность финнов, сама Финляндия стала восприниматься как чужеродный элемент в теле империи. Быт, традиции, в целом образ жизни княжества был характерен для западной цивилизации.

В случае с немецкими колонистами мы наблюдаем ту же тенденцию. В публикациях ясно прослеживается выделение немцев как элемента «западной цивилизации», где всячески подчеркивалось их европейское происхождение и то, что они тяготели «всем своим бытом к своему прежнему Отечеству, а не к России», то, что патриотизм немцев склонен к Германии. Этот тезис стал играть одну из главных ролей в тот момент, когда отношения между Германией и Россией начали выстраиваться явно во враждебном ключе.

Как и в случае «финляндского», в «немецком» вопросе и во всем информационном потоке антинемецкой кампании существовало глубокое идейное содержание, из которого можно выделить два фрейма (ключевых посылов, смыслов) – двух «единств» и «национальную угрозу».

Фрейм «единства» использовался акторами вопроса в качестве призыва к объединению нации как в идеологическом, так

и в военном плане. На страницах газеты «Объединение», где описывался вышеизложенный сюжет про «захват» немцами земель сибирского казачьего войска, автор призывал ликвидировать опасность «военного единства» империи. Русскому «единству», которое, по мнению автора, еще не образовалось, он противопоставляет «единство» немецкое, которое сильно с учетом того, что немцы живут обособленно и всячески помогают друг другу в процессе колонизации Сибири. «Единству» угрожало и то, что высшими чинами Переселенческого управления в Западной Сибири являлись немцы. Примечательно, что автор, перечисляя фамилии, явно делал на этом акцент. В пример немецкого «единства» приводились организации, которые действовали с территории «немецкого Отечества» – всеобщий германский союз для поддержки немцев, живущих за границей (г. Берлин) и школьный союз Густава-Адольфа (г. Лейпциг). Ключевой посыл этого фрейма – необходимость объединиться против немецкого «единства», которое представляет «национальную угрозу», нависшую на востоке страны и необходимость имперской бюрократии (в частности чиновникам Переселенческого управления) «одуматься» и изменить свой курс в отношении немецкой колонизации.

Данный фрейм провозглашал необходимость строительства единой, монолитной империи при помощи мер унификации, которые смогут функционировать только при четко слаженной работе всех механизмов империи. Одним из действенных способов и методов построения такой империи акторы видели в «русской» колонизации имперского пространства, в расширении имперского ядра. Именно поэтому в публикациях особое место уделялось критике чиновников Переселенческого управления как института, который должен был решать главную задачу «русской» колонизации, но именно этот институт даёт во всей имперской системе «сбой».

Говоря о «единстве», идеологи вопроса лишь формально подчеркивали административную сторону, связанную с водворением немцев обособленными очагами колонизации или критикуя действия царской бюрократии на местах. Куда больше в «единство» вкладывалось идеологическое обоснование, которое кроется в цивилизационном, культурном, религиозном, историческом смысле.

Для построения фрейма был характерен прием повествования от множественного лица с использованием местоимения «мы». Часто упоминая местоимение «мы», авторы отождествляли себя с читателями, делая, таким образом, проблему немецкой колонизации Западной Сибири сферой общих интересов. Кроме того, «мы» употреблялось и в национальном контексте: «мы» означало «мы, русские», в данном случае можно говорить не конкретно о русской национальности (великорусской), а скорее обо всей славянской, православной цивилизации. И это самое «мы» было резко направлено против образа «они», что означало «они, представители другой, западной цивилизации». Таким образом, конструировалась дихотомия «мы» – «они», «свои» – «чужие». Подчеркивая эту дихотомию, авторы прибегали к использованию политических терминов: немцы в их публикациях создают собственные «государства», целые немецкие «царства», где все говорят на немецком и даже не могут назвать имя правящего монарха. Авторы специально делали упор на том, что внутри единой и монолитной империи возникают другие «государства» и «царства», в их представлении единое имперское пространство разрывается, в теле империи появляются инородные элементы.

Фрейм «национальной угрозы» тесно связан с «единством», немецкие колонисты и их «единство» есть угроза русскому «единству», угроза в проекте национальной колонизации как средству строительства монолитной и неделимой России. «Национальная угроза» в данном случае проявляется в разных аспектах – хозяйственно-экономическом, социокультурном и политическом. Хозяйственно-экономический аспект конструировал образ немецкой колонизации как угрозы хозяйственному освоению сибирских просторов, так как немецкие колонисты, часто при попустительском отношении Переселенческого управления и чиновников местной бюрократии, занимают более благоприятные и плодородные территории колониального фонда, что не соответствовало действительности.

Социокультурный аспект конструировал образ немецкого крестьянина из «нейтрального соседа» в «соседа-врага» посредством применения в публикации наглядности. В газете «Свет» в статье был приведен отрывок из разговора с неким «молодым крестьянином», который в беседе со своим товарищем рассказал

о «гостеприимстве» немцев по отношению к другим «национальностям». По этому диалогу, можно сделать вывод о том, что пользовавшийся добротой русского крестьянина немец получал от того ночлег и еду при длительном пути, однако, когда русскому крестьянину в жаркий день понадобился такой же «приют» от того же немца, то немец ему в грубой форме отказал. Такие же примеры, правда, не с таким наглядным диалогом, можно встретить и в других публикациях. В этой же газете автор статьи говорил о том, что немец даже в сильную сибирскую стужу не приютит русского крестьянина, зато с особым желанием даст укрытие от непогоды баптисту [19, л. 1]. Мы наблюдаем процесс наглядного и самое главное доходчивого конструирования образа немца как «плохого соседа». Можно предположить, что акторы явно делали упор на то, что этот диалог, который, скорее всего, стал предметом фантазии авторов, был написан специально с целью достижения пропагандистского эффекта, о чем нам косвенно может говорить и наличие в публикациях целого арсенала риторических средств.

Создавая образ немца – «чужого» и «врага», авторы прибегали к бытовым ситуациям, знакомым каждому крестьянину, используя всевозможные метафоры и гротески. Немцев сравнивали с «крысами», которые спокойно едят «русскую телятину», в данных словах явно прослеживается сравнение с тем, что немцы так же спокойно «едят» «русскую» землю. В публикациях смешивались политические, социальные, бытовые эмоционально окрашенные термины, в результате чего немцы, наряду с теми же финнами или китайцами превращались в «чужих», «соседей-врагов». Благодаря таким сравнениям у аудитории рождались нужные ассоциации.

Политический аспект «национальной угрозы» тесно связан с международной обстановкой, которая царил в предвоенной Европе. Для национальной консервативной элиты того времени характерен алармизм – повышенное, обостренное чувство опасности [13, с. 199]. Напряженные отношения России и Германии отражали ту враждебную тональность к немецким колонистам, которая присутствовала в дискурсе. Авторами поднималась серьезная проблема – в случае войны с Германией появление в глубине страны «пятой колонны» в лице немцев, которые, по их мнению, обладают и сохраняют поли-

тическую связь со своей исторической Родиной. Для придания большего эффекта военно-политической тональности публикации использовались словосочетания с ярко выраженными экспрессивными оттенками, такие как «удар в тыл», «германские полчища», русский солдат в годы войны будет вынужден «проливать кровь», защищая «немецкое благополучие». Через такие языковые средства авторами достигался необходимый эмоциональный тон и градус.

Через данный аспект, как и в «финляндском» дискурсе поднимался вопрос о социальном и политическом неравенстве национальностей. Правительство страны обвинялось в том, что оно породило чуть ли не уникальный случай, когда инородцы, национальное меньшинство, которое при всем прочем является «национальной угрозой», находится в более привилегированном положении по сравнению с коренным, титульным населением империи. Речь в данном случае шла о воинской повинности, которую баптистам разрешалось отбывать в лесной страже.

Обсуждение и выводы

Подводя итог анализу «немецкого» вопроса в общественно-политическом дискурсе позднеимперского периода, можно проследить явную его схожесть с другими национальными «вопросами» империи, в частности с «финляндским». Сравнив два, на первый взгляд, кажущихся разными «вопроса», можно проследить закономерность. Отцами-основателями «вопросов» были консервативные чиновники, исповедовавшие идеалы «единой и неделимой» России. Акторы «финляндского» вопроса ставили своей целью недопущение особых финляндских прав, а акторы «немецкого» – недопустимость создания немецкого «единства» (посредством создания обособленных немецких «государств») в Сибири как одной из главных угроз в национальном проекте колонизации региона, который следовало включить в имперское пространство. Среди акторов «вопросов» не было по-настоящему крупных чиновников, которые находились бы в структуре власти, однако оба актора побуждали правительство к решительным, в некоторых случаях кардинальным мерам устранения «национальных угроз». Главным результатом деятельности этих лиц стало то, что они вывели национальные «вопросы» из кабинетных разговоров в публич-

ное пространство, породив тем самым новый общественный дискурс. В разных условиях и говоря про разные институты (в антифинляндском дискурсе большее внимание уделялось политическому положению целого княжества, в то время как в антинемецкой кампании упор делался на вопросы колониционного проекта империостроительства), акторы поднимали одну и ту же проблему – проблему унификации и русификации империи. По их замыслу достигаться это должно было при помощи привлечения внимания широких слоев населения к данной проблеме посредством медийности.

Схожесть дискурсов заключается еще и в том, что они были выгодны и санкционированы государством, что косвенно подтверждается тем, что данные публикации, печатаясь в центральных консервативных газетах и, критикуя те или иные имперские механизмы, вообще допускались к этой самой печати и публикациям. Режим правления Александра III, а затем и его преемника – Николая II перешёл к воплощению идеи создания «национальной империи», идеального, гомогенного и однообразного общества [10, с. 301].

Почему «немецкий» и другие вопросы не приобрели такого масштаба или же вовсе не возникли в царствование Александра III? Это объясняется тем, что идеологи того царствования предпочитали говорить о Российской империи лишь в связи с её международным статусом, предполагая дальнейшее создание «золотого стандарта» однородного национального государства. Все, что не укладывалось в одномерную национальную схему, оказывалось в «серой зоне» умолчания. Если ранее империя справлялась с удержанием контроля и власти над пестрым по национальному, культурному и религиозному признаку населением благодаря тому, что оно жило в замкнутых и однородных общинах, то с наступлением эпохи массового общества в позднеимперский период государству необходимо было включить это общество в единую и гомогенную «нацию». Однако проект «включения», который выбрал Александр III и продолжил его преемник, оказался неэффективным.

Колонизация Сибири стала одним из главных инструментов нового проекта империостроительства, она рассматривалась как «национальная» задача расширения имперского локуса посредством именно «русской» колонизации [20, с. 60]. Од-

нако данный проект изначально можно назвать неудачным. Столкнувшись с пореформенным мобильным массовым обществом, пёстрым по своему национальному составу, идеологи проекта не учли многих важных деталей [21, с. 72]. В «русском» расширении имперского ядра начинают участвовать «чуждые» во всех смыслах группы населения, в том числе и немцы, и тем самым колонизация Сибири не способствовала её включению в единый имперский конструкт и формированию гомогенной социокультурной платформы империи. «Немецкий» вопрос во многом стал отражением той общей канвы империостроительства, когда государство начинает работать в «национальном» духе, а имперская власть пытается легитимировать себя новыми националистическими методами. Национальная идея правления Николая II представляла «русскую национальную империю» осажденным лагерем. Все инородцы, проживающие в ней, в том числе и немецкие колонисты, представлялись ему угрозой и несли гибель, они рассматриваются в качестве проводников интересов других государств. Таким образом, выстраивается образ немецкого колониста как «соседа-врага», и именно в этом кроются глубинные причины возникновения «немецкого» вопроса.

Список литературы

1. Вибе П. П., Баах С. В. Антинемецкая кампания в Сибирском регионе в начале XX века // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941): материалы 8-й международной научной конференции, 13–16 октября 2001 г., Москва / отв. ред. А. А. Герман. М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. С. 54–58.
2. Бобылева С. В. «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX века // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X-й международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, 18–21 ноября 2003 г., Москва / отв. ред. А. А. Герман. М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2004. С. 47–57.
3. Венгер Н. В. Немецкая колонизация и Российский национализм: динамика формирования идеологических концептов и государственной политики (1760–1914) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): материалы 4-й международной научно-практической конференции, 24–27 августа 2012 г., Москва / отв. ред. А. А. Герман. М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2013. – С. 34–54.
4. Морозова Н. В., Назарова Т. П. Вопрос о немецкой колонизации России в отечественной публицистике конца XIX – начала XX в // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–2 (27). С. 135–138. EDN: RNCLOR.
5. Циунчук Р. А. Немецкий, польский и еврейский вопросы в Государственной думе: "свои", "иные", "другие", "чужие" // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы международной научной конференции,

19 октября 2012 г., Санкт-Петербург / отв. редактор А. Б. Николаев. СПб.: ООО "ЭлекСис", 2013. С. 74–82. EDN: TQXTVB.

6. Венгер Н. В. Немецкий вопрос в системе идеологии и деятельности правомонархических партий в Российской империи (1905–1917) // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: материалы 15-й международной научной конференции, 5–9 августа 2015 г., Маркс / отв. ред. А. А. Герман. М.: РусДойч Медиа, 2016. С. 142–164.

7. Венгер Н. В. Низовой национализм как форма общественных отношений в поздней Российской империи: эмпириологический анализ «немецкого вопроса» // Харьковский историографический сборник. 2016. № 15. С. 128–147. EDN: YTXQEN.

8. Шайдуров В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с. EDN: SDMWJP.

9. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / отв. ред. И. Герасимов. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.

10. Чуркин М. К. "Плохие" и "хорошие" колонисты в дискурсе российских национал-консерваторов (вторая половина XIX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2. С. 118–126. EDN: XZCDML.

11. Чуркин М. К. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колониционных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 196–206. EDN: VHLUXR.

12. Петухова А. П. «Скажи мне, кто твой враг...»: «антифинляндский дискурс» в пространстве общественно-политической коммуникации Российской империи конца XIX – начала XX в. // AbImperio. 2010. № 3. С. 195–226.

13. Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири / отв. ред. М. Котова. М.: Новое издательство, 2013. 294 с.

14. Ремнев А. В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник ОмГУ. 2004. № 4. С. 6–13.

15. Ерохина О. В., Кайряк А. А. Преобразование этнической идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии в гражданскую (1763–1871) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 1. С. 42–55. EDN: PJIGEF.

16. Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1908. № 25. С. 51–52.

17. Околдумская хроника // Сибирские вопросы. 1908. № 8. С. 48–49.

18. Папков А. П. Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казачьего владения // Объединение. 1910. № 21–22. С. 139.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 235.

20. Ерохина Е. А. Сибирь как объект внутренней колонизации: воспроизводство отдельности и конструирование целостности // ЭКО. 2019. № 1 (535). С. 60–74. EDN: SNUQNJ.

21. Чуркин М. К. Имперский проект колонизации Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.): аграрное освоение или социокультурная инкорпорация? // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (3). С. 70–72. EDN: SMUECD.

The "German Question" in the Context of Colonial and National Discourses of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries

Daniil A. Bauman

In this study, the author examines the problem of the so-called "German question", reflecting broad problems of national and ethnic relations in the multinational empire. Studying this topic allows us to understand how different ethnic groups interacted with each other and how government policy influenced these relations. The study is aimed to identify the underlying causes of this national issue in the socio-political space of the empire, as well as to analyze

its essence. In his research, the author comes to the conclusion that it is possible to trace the obvious similarity of the "German" question with other national "questions" of the empire, in particular with the "Finnish" one. By comparing two seemingly different "questions", we can trace the following pattern: firstly, the actors and founding fathers of these questions were conservative officials who professed the ideals of a "united and indivisible" Russia. The actors of the "Finnish" question aimed at preventing special Finnish rights, and the actors of the "German" question aimed at the inadmissibility of creating German "unity" (through the creation of separate German "states") in Siberia as one of the main threats in the national project of region colonization, which should have been included in the imperial space.

Key words: the "German question", colonization, German colonists, imperial colonial discourse, national policy, Western Siberia, colonial policy, German colonies.

For citation: Bauman, D. F. (2025) «Nemeckij vopros» v kontekste kolonial'nogo i nacional'nogo diskursov Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX v. [The "German Question" in the Context of Colonial and National Discourses of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 10–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_10. EDN: AFJOMH

References

1. Vibe, P. P., Baah, S. V. (2002) Antinemeckaya kampaniya v Sibirskom regione v nachale XX veka [The anti-German campaign in the Siberian region at the beginning of the 20th century]. *Nemcy Rossii: social'no-ekonomicheskoe i duhovnoe razvitie (1871–1941)* [The Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871–1941)]. Proceedings of the 8th International Scientific Conference, 13–16 October 2001, Moscow. Ed. A. A. German. Moscow: CJSC "MDC Holding". Pp. 54–58. (In Russ.)
2. Bobyleva, S. V. (2004) «Nemeckij vopros» v ocenke rossijskogo obshchestvennogo mneniya vtoroj poloviny XIX veka [The "German Question" in the Assessment of Russian public opinion in the second half of the 19th Century]. *Klyuchevye problemy istorii rossijskikh nemcev* [Key problems of the history of Russian Germans]. Proceedings of the 10th International Conference of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans, 18–21 November 2003, Moscow. Ed. A. A. German. Moscow: CJSC MSNK-press. Pp. 47–57. (In Russ.)
3. Venger, N. V. (2013) Nemeckaya kolonizaciya i Rossijskij nacionalizm: dinamika formirovaniya ideologicheskikh konceptov i gosudarstvennoj politiki (1760–1914) [German colonization and Russian nationalism: the dynamics of the formation of ideological concepts and state policy (1760–1914)]. *Dva s polovinoj veka s Rossiej (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemcev v Rossiyu)* [Two and a half centuries with Russia (on the 250th anniversary of the beginning of the mass resettlement of Germans to Russia)]. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, 24–27 August 2012, Moscow. Ed. A. A. German. Moscow: CJSC MSNK-press. Pp. 34–54. (In Russ.)
4. Morozova, N. V., Nazarova, T. P. (2013) Vopros o nemeckoj kolonizacii Rossii v otechestvennoj publicistike konca XIX – nachala XX v. [The question of the German colonization of Russia in Russian journalism at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. No. 1–2 (27). Pp. 135–138. (In Russ.). EDN: RNCLOR.
5. Ciunchuk, R. A. (2013) Nemeckij, pol'skij i evrejskij voprosy v Gosudarstvennoj dume: "svoji", "inye", "drugie", "chuzhie" [German, Polish and Jewish issues in the State Duma: "their own", "another", "others", "strangers"]. *Tavricheskie chteniya 2012. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tauride Readings 2012. Actual problems of parliamentarism: history and modernity]. Proceedings of the International scientific conference, 19 October 2012, St. Petersburg. Ed. A. B. Nikolaev. St. Petersburg: OOO "ElekSis". Pp. 74–82. (In Russ.). EDN: TQXTVB.
6. Venger, N. V. (2016) Nemeckij vopros v sisteme ideologii i deyatelnosti pravomonarhicheskikh partij v Rossijskoj imperii (1905–1917) [The German question in the system of ideology and activities of right-wing monarchist parties in the Russian Empire (1905–1917)]. *Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemeckikh poselenij v Rossii* [Education, life and fate of German settlements in Rus-

sia]. Proceedings of the 15th International Scientific Conference, 5–9 August 5–9 2015, Marks. Ed. A. A. German. Moscow: Rusdeutsch Media. Pp. 142–164. (In Russ.)

7. Venger, N. V. (2016) Nizovoj nacionalizm kak forma obshchestvennyh otnoshenij v pozdnej Rossijskoj imperii: emociionologicheskij analiz "nemeckogo voprosa" [Grassroots nationalism as a form of social relations in the late Russian Empire: an emotionological analysis of the "German question"]. *Har'kovskij istoriograficheskij sbornik* [Kharkov Historiographical Collection]. No. 15. Pp. 128–147. (In Russ.). EDN: YTXQEN.

8. Shaidurov V. N. (2013) *Evrei, nemcy, polyaki v Zapadnoj Sibiri XIX – nachala XX v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia of the 19th – early 20th century]. St. Petersburg: Publishing House of the Nevsky Institute of Language and Culture. (In Russ.). EDN: SDMWJP.

9. Gerasimov, I. (2017) (ed.) *Novaya imperskaya istoriya Severnoj Evrazii. CHast' 2: Balansirovanie imperskoj situacii: XVIII–XX vv.* [A new imperial history of Northern Eurasia. Part 2: Balancing the Imperial situation: 18th – 20th centuries]. Kazan: Ab Imperio. (In Russ.)

10. Churkin, M. K. (2018) "Plohie" i "horoshie" kolonisty v diskurse rossijskikh nacional-konservatorov (vtoraya polovina XIX v.) ["Bad" and "good" colonists in the discourse of Russian National Conservatives (the second half of the 19th century)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Bulletin of Omsk University. Series "Historical sciences"]. No. 2. Pp. 118–126. (In Russ.)

11. Churkin, M. K. (2015) Perspektivy agrarnogo osvoeniya territorij Stepnogo kraya v kolonizacionnyh planah rossijskoj vlasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Prospects of agrarian development of the territories of the Steppe region in the colonization plans of the Russian government in the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 401. Pp. 196–206. (In Russ.)

12. Petuhova, A. P. (2010) «Skazhi mne, kto tvoj vrag...»: «antifinlyandskij diskurs» v prostranstve obshchestvenno-politicheskoj kommunikacii Rossijskoj imperii konca XIX – nachala XX v. [Tell me who your enemy is...]: "anti-Finnish discourse" in the space of socio-political communication of the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *AbImperio* [AbImperio]. No. 3. Pp. 195–226.

13. Kotova, M. (2013) (ed.) *Region v istorii imperii: istoricheskie esse o Sibiri* [The region in the history of the Empire: historical essays on Siberia]. Moscow: New Publishing House. (In Russ.)

14. Remnev, A. V. (2004) Regional'nyj narrativ v novej imperskoj istorii Rossii [Regional narrative in the new imperial history of Russia]. *Vestnik OmGU* [Bulletin of OmsU]. No. 4. Pp. 6–13. (In Russ.)

15. Erohina, O. V., Kajryak, A. A. Preobrazovanie e'tnicheskoj identichnosti nemcev Sankt-Peterburgskoj gubernii v grazhdanskuyu (1763–1871) [Transformation of the Ethnic Identity of the Germans of the St. Petersburg Province into a Civil Identity (1763–1871)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Journal of the Belarusian State University. History]. No. 1. Pp. 42–55. (In Russ.)

16. Sibirskie pis'ma [Siberian letters]. *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. 1908. No. 25. Pp. 51–52. (In Russ.)

17. Okolodumskaya hronika [Near-Duma chronicle]. *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. 1908. No. 8. Pp. 48–49. (In Russ.)

18. Papkov, A. P. (1910) Nemeckoe carstvo v Zapadnoj Sibiri na razvalinah kazatskogo vladeniya [The German kingdom in Western Siberia on the ruins of a Cossack domain]. *Ob"edinenie* [Union]. No. 21–22. P. 139. (In Russ.)

19. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 391. Op. 4. D. 235. l. 18–21 vol.

20. Erohina, E. A. (2019) Sibir' kak ob'ekt vnutrennej kolonizacii: vosproizvodstvo otdel'nosti i konstruirovaniye celostnosti [Siberia as an object of internal colonization: reproduction of separateness and construction of integrity]. *EKO* [ECO]. No. 1 (535). Pp. 60–74. (In Russ.)

21. Churkin, M. K. (2014) Imperskij proekt kolonizacii Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachala XX vv.): agrarnoe osvoenie ili sociokul'turnaya inkorporaciya? [The Imperial colonization project of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries): agrarian development or socio-cultural incorporation?]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies]. No. 2 (3). Pp. 70–72. (In Russ.)

Об авторе

Бауман Даниил Александрович, магистрант, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Российская Федерация; e-mail: bauman-2001@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4190-1123

About the author

Bauman Daniil A., Master's Student, Surgut State University, Surgut, Russian Federation; e-mail: bauman-2001@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4190-1123

*Статья поступила в редакцию 01.06.2025
Одобрена после рецензирования 25.06.2025
Принята к публикации 10.07.2025*

Празднование Дня отмены калыма в советском Казахстане

Е. А. Боголюбов

В 1920-е гг. в Казахской АССР существовал уникальный праздник – День отмены калыма. Его учредили в память о принятии декрета, запрещающего уплату и получение калыма. Праздник был учрежден 11 декабря 1923 г. и отмечался до начала 1930-х гг. Основными формами праздничных мероприятий стали демонстрации, митинги, собрания, театральные представления. Чтобы донести до населения основные идеи Дня отмены калыма, советские и партийные органы проводили агитацию на национальных языках. На татарском, казахском, башкирском языках ставились спектакли, выпускались брошюры и газеты. В честь праздника даже была проведена амнистия женщин. Все эти мероприятия организовывались и в Международный день работниц. Отличительной особенностью Дня отмены калыма стали показательные судебные процессы по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта. К 8 марта также были приурочены судебные разбирательства, однако они касались алиментов, побоев в семье и других аспектов семейной жизни.

Ключевые слова: раскрепощение женщин, советский Казахстан, советская Средняя Азия, советская национальная политика, пережитки родового быта, советские праздники, женский вопрос, Международный день работниц, гендерные исследования.

Для цитирования: Боголюбов Е. А. Празднование Дня отмены калыма в советском Казахстане // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 28–45. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_28. EDN: BLYIRL

Введение

День отмены калыма стал важным шагом в формировании новой культурной идентичности в советском Казахстане, поскольку в этом празднике отражались ценности и идеалы советского общества. Анализ праздника поможет выявить, как советская власть использовала его для политической пропаганды. Исследуя советскую праздничную культуру, включая День отмены калыма, можно увидеть, как местные традиции интегрировались в более широкий контекст глобальных и региональных изменений в социальной, экономической и культурной сфере.

День отмены калыма практически не изучался в исторической науке. Лишь Ж. Кундакбаева, используя архивные материалы, рассказывает о проведении праздника и вводит в научный оборот новые источники по этой теме [1]. Организация Международного дня работниц 8 марта в Средней Азии освещается в работе Л. А. Тульцевой [2], отдельные сведения представлены в труде Б. П. Пальвановой [3]. В обоих исследованиях о Дне отмены калыма есть лишь незначительные упоминания. Г. Алпыспаева, Ш. Саяхимова отмечают важность праздников, посвященных эмансипации женщин, в антирелигиозной кампании в Казахстане [4].

Целью данного исследования является рассмотрение празднования Дня отмены калыма в советском Казахстане в 1920-е гг. Задача – выявление хронологических рамок существования праздника; установление основных форм праздничных мероприятий; определение отличительных особенностей празднования Дня отмены калыма от Международного дня работниц.

В основе методологии исследования лежит теория модернизации, позволяющая проанализировать изменения в общественной жизни, вызванные политическими преобразованиями в стране. Советский праздник, по мнению М. Рольфа, выполнял несколько функций. Он популяризировал политические идеи, манипулировал людьми, а также был каналом проведения политики режима в жизнь. Праздники должны были отличаться от будней и быть частью символической политики государства. М. Рольф подчеркивает, что советские праздники были коммуникативным пространством, где встречались режим и его подданные. Э. Кустова, И. Пронина и Р. Бёрд также изучали советские праздники. Они отмечали важность места

проведения праздника и подчеркивали обращенность праздника в будущее [см. подробнее: 1, с. 89–91].

Исследование основано на документах из Объединенного государственного архива Оренбургской области. В директивных указаниях, отчетах, докладах, тезисах и инструкциях содержится информация о проведении Дня отмены калыма в Оренбургской губернии в 1924 и 1925 гг. [5; 6]. Ценные сведения об организации и ходе праздника в последующие годы представлены в опубликованных архивных документах [1] и в сборнике «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.)» [7]. Акты об амнистии позволили показать, что освобождение от уголовного наказания также было неотъемлемой частью празднования Дня отмены калыма и Международного дня работниц [8].

Таким образом, при проведении исследования были использованы как опубликованные, так и впервые введенные в научный оборот материалы. Источниками послужили различные виды документов, начиная от отчетов о проведении праздника и заканчивая постановлениями об амнистии. Все эти документы были составлены представителями советских или партийных органов. Эти лица могли исказить реальные события празднования, например завышать участие женщин в мероприятиях или сообщать о заинтересованности местного населения в отмене калыма. К сожалению, другой взгляд на праздник не дошел до наших дней, голоса женщин, которых «раскрепощали», не зафиксированы в источниках. О Дне отмены калыма мы знаем исключительно с точки зрения органов власти.

Хронологические рамки существования Дня отмены калыма

Обсуждение отмены калыма началось с момента образования Киргизской АССР (далее – КАССР). Учредительный съезд советов КАССР проходил с 4 по 12 октября 1920 г. На нем была принята резолюция по организации советской юстиции, в которой было сказано, что лица, уплатившие калым, лишаются права судебной защиты [9, с. 99]. Такая формулировка подразумевала, что вернуть калым в судебном порядке будет нельзя. 28 декабря 1920 г. ЦИК и СНК КАССР приняли декрет об отмене калыма. Именно к этой дате будет приурочен праздник – День отмены калыма.

В научной литературе нет единого мнения о времени его возникновения. Ж. Кундакбаева сначала указывает, что День отмены калыма в 1924 г. праздновался во второй раз [1, с. 42]. Затем она пишет, что праздник появился в 1924 г. [1, с. 85, 95]. С этой датой согласны и другие ученые [2, с. 13; 10, с. 22]. Другие авторы отмечают, что постановление о праздновании Дня отмены калыма было принято Президиумом КазЦИК в декабре 1923 г., правда тогда он назывался «Красным пиром киргизок» [7, с. 80–81].

День отмены калыма действительно был учрежден в 1923 г., но тогда он назывался иначе. 11 декабря 1923 г. Киргизский ЦИК в ознаменование раскрепощения женщины-киргизки и отмены калыма установил в республике празднование Дня освобождения киргизской женщины от пут вековых обычаев [11].

В Объединенном государственном архиве Оренбургской области сохранился отчет о проведении Дня освобождения киргизки. Из него следует, что праздник проходил в конце декабря 1923 г. Информация о совещаниях и демонстрациях размещалась в газетах и направлялась на предприятия и в учреждения. 26 декабря 1923 г. в Оренбурге было проведено делегатское собрание, на котором присутствовал 31 человек. Там был заслушан доклад о значении этого дня. 30 декабря состоялась демонстрация, в которой приняло участие 200 женщин [5, л. 2].

День освобождения киргизки можно рассматривать как предшественник Дня отмены калыма. Оба праздника проводились в одно время (декабрь-январь), поскольку были символически связаны с датой отмены калыма в КАССР. В лозунгах ко Дню освобождения киргизки уже были записаны слова о калыме: «Труженицы-киргизки, свяжите день 1-го января с упорной работой по уничтожению “калыма” и “многоженства”», «Девушка-киргизка, советская власть не позволит тебя больше продавать и покупать, так долой же позорный “калым”». Помимо этого, там были лозунги об искоренении многоженства и призывы вступать в партию, комсомол [5, л. 3].

Связь Дня освобождения киргизки и Дня отмены калыма прослеживается и в тезисах к празднованию последнего: «По постановлению Киргизика трудящиеся массы КССР будут праздновать 1-го января отмену “Калыма”, отмечая его, как день освобождения тружениц киргизок, как день протеста против варварских пережитков» [5, л. 4 об.]. В 1924 г. в плане

проведения мероприятия этот праздник одновременно называется Днем отмены калыма и многоженства и Днем киргизки [5, л. 12–12 об.]. Даже в 1926 г. лозунги писались ко Дню освобождения киргизки [1, с. 239].

Ж. Кундакбаева указывает, что праздновать День отмены калыма начали лишь в 1926 г., хотя учредили его в 1924 г. [1, с. 95]. Скорее всего, предположение о начале празднования она сделала на основе архивных документов, однако такая датировка является неверной. В Объединенном государственном архиве Оренбургской области сохранились материалы, касающиеся празднования Дня отмены калымы в 1924 и 1925 гг. Празднование занимало несколько дней и было целой кампанией. В 1927 г. День отмены калыма отмечался с 1 января по 15 января [1, с. 246–247].

С 1923 г. в Казахстане праздновался Международный день работниц 8 марта. Ж. Кундакбаева полагает, что празднование носило в Казахстане формальный характер и не имело отклика у населения, поскольку праздничный канон был разработан для России [1, с. 91–92]. Уже через несколько лет после учреждения Дня отмены калыма его стали совмещать с Международным днем работниц. В 1926 г. и 1927 г. некоторые уезды приурочили кампанию Дня отмены калыма к 8 марта, поэтому отмене калыма было уделено меньше внимания [1, с. 283, 259].

В 1928 г. День отмены калыма был совмещен с празднованием 8 марта и проводился как завершение кампании Международного дня работниц – 22 марта. Перенос праздника с 1 января на 22 марта был связан с тем, что в том году на этот день пришлось окончание мусульманского поста Рамадан и начало Науруза (нового года). По мнению Паулы Майклс, связав дату религиозного празднования с запретом на калым, советское правительство попыталось придать этому празднику новый, антирелигиозный смысл [12, р. 496].

По одной из версий, День отмены калыма отмечался в Казахстане до 1930-х гг. [7, с. 80–81]. Ж. Кундакбаева полагает, что с 1928 г. День отмены калыма перестает праздноваться, поскольку угас интерес к женским проблемам [1, с. 109]. Однако упоминание о Дне отмены калыма можно встретить в документах начала 1930-х гг. В 1931 г. в рамках кампании празднования 8 марта проводились показательные судебные процессы

по делам о многоженстве и калыме [7, с. 246]. В 1932 г. в рамках одной кампании отмечались Международный женский день (8 марта) и День отмены калыма (22 марта). О калыме в тезисах к этим праздникам было сказано лишь то, что нужно «вести борьбу за полное выкорчевывание пережитков феодализма (в быту – калыма и многоженства и т. д.)» [13, с. 4]. В тезисах 1933 г. упоминание о калыме осталось лишь в заголовке [14]. Все это говорит о том, что в начале 1930-х гг. День отмены калыма уже был связан с Международным днем работниц и занимал незначительное место в праздновании 8 марта.

Торжественные мероприятия в День отмены калыма

В планировании и организации праздника было задействовано множество партийных и советских органов. 12 декабря 1924 г. в Оренбурге состоялось расширенное совещание комиссии по проведению Дня отмены калыма. На нем присутствовали представители от учреждений культуры, медтехникума, рабфака, совпартшколы, опытно-показательной школы, обкома и губженотдела. На совещании было решено провести 1 января торжественное заседание с концертом и спектаклем, для чего предлагалось забронировать три клуба и один кинотеатр. Проведение концертов и спектаклей решено было возложить на учащихся, поэтому они должны были в срок до 25 декабря направлять в областной отдел работниц программу мероприятий. Для учащихся, которые уедут на праздники домой, ячейки РЛКСМ должны были до 28 декабря провести собрания с освещением вопроса о Дне отмены калыма [5, л. 7]. Схожим образом проходила организация праздника в Акмолинской губернии в 1926 г. [1, с. 99].

В помощь организаторам Дня отмены калыма от органов власти КАССР направлялись тезисы докладов, которые использовались как основа для публичных выступлений [1, с. 101–105; 5, л. 4–4 об.]. Порой документы доходили до мест с большим опозданием. Так, Джетысуйский губженотдел сообщал, что о проведении двухнедельника в честь Дня отмены калыма в 1927 г. в некоторых уездах узнали с запозданием лишь 9 января и то из газет. Тезисы к празднику, план его проведения пришли уже в феврале [1, с. 259]. Схожая ситуация произошла в 1928 г., когда циркуляр о праздновании 8 марта был получен

Костекским виком 15 мая [15, с. 308]. Возможно, по этой причине празднование переносилось на другие даты [1, с. 98].

Одной из форм празднования Дня отмены калыма были митинги, собрания, демонстрации. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует проводить широкие собрания женщин [5, л. 6–6 об.]. В отчетах с мест всегда подчеркивалось число участников демонстраций, отдельно отмечалось количество женщин, принявших участие. В отчете отдела работниц Казкрайкома РКП(б) за 1924–1925 г. говорилось, что в демонстрациях по случаю Дня отмены калыма в 1924 г. приняли участие 3896 казашек, 608 русских, 772 мужчин [1, с. 42]. В 1925 г. в Орском уезде в пяти аулах Кумакской волости на собраниях присутствовало 540 женщин и 146 мужчин [5, л. 22 об.].

К Дню отмены калыма были приурочены и другие торжественные мероприятия. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует открывать показательные учреждения, раскрепощающие женщину, через местные советские и хозяйственные органы [5, л. 6–6 об.]. Народный комиссариат просвещения рекомендовал приурочить к 1 января 1925 г. открытие ликпунктов для казашек [6, л. 1].

В Акмолинской губернии в 1926 г. к празднику приурочили открытие четырех женуголков на местах, в Кокчетавском уезде открывали ликпункты, создавали фонды на открытие яслей и уголков для женщин, в Октябрьской волости на открытии уголка для женщин присутствовало 23 женщины. В Петропавловском уезде был открыт уголок казахской женщины при Бенеткорской избе-читальне. В г. Кокчетав празднование началось 1 января с экскурсий казашек в дома матери и ребенка. Там для них была подготовлена выставка «уход за ребенком» [1, с. 106–107]. Медицинские работники должны были рассказывать женщинам о гигиене и уходе за ребенком [1, с. 97–98].

Помимо открытий к празднику были приурочены выпускные из учреждений. В 1926 г. к Дню отмены калыма был приурочен выпуск казашек из ликпункта [1, с. 108].

Важной составляющей празднования Дня отмены калыма было вовлечение женщин в партию. В Казахстане к середине 1925 г. женщины составляли 9,2 % всех кандидатов в члены партии республики. К 1926 г. в 935 ячейках ВКП(б) женщин-коммунистов было 189 (всего – 16 226), кандидатов – 475 [16,

с. 27]. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует «передать в РКП(б) и РЛКСМ активисток женщин-казашек» [5, л. 6–6 об.].

В отчете отдела работниц Казкрайкома РКП (б) было сказано, что в 1924 г. в процессе празднования Дня отмены калыма в ряды РКП(б) вступило 11 женщин [1, с. 42]. В Кокчетавском уезде в 1926 г. к торжествам приурочили прием в комсомол двух девушек-казашек и одной татарки [1, с. 107]. Аналогичные случаи вступления в партию были и в дни празднования Международного дня работниц. В 1926 г. в Джаркентском уезде Семиреченской губернии в эти дни 39 женщин стали членами партии, а 29 девушек вступили в комсомольскую организацию [1, с. 92–93].

Проведение Дня отмены калыма сопровождалось и другими действиями, которые были связаны с внутривнутрипартийной работой. Например, на заседаниях и собраниях давали торжественные клятвы и обещания. В 1925 г. в Орском уезде в ауле № 2 после доклада и спектакля жители аула «давали обещание крепко придерживаться декрета об отмене калыма» [5, л. 22 об.]. В Эңбекширской волости Акмолинской губернии в 1926 г. казахскому делегатскому собранию было вручено знамя в честь закрепления смычки города с аулом. В ответном слове казашка сказала: «Мы в дальнейшем будем работать рука об руку и выполнять заветы Ильича». Такое заявление было сделано от лица 95 человек, присутствующих на собрании [1, с. 107].

Торжественные мероприятия совмещались с другими важными символическими действиями. В 1925 г. после спектакля в ауле № 3 Домбаровской волости Орского уезда были проведены коммунистические крестины. Мальчику дали имя Бостандык (Свобода) и приняли в ряды РЛКСМ [5, л. 23]. В Каширинске торжественное заседание 1 января 1925 г. закрылось пением Интернационала [5, л. 17].

При проведении Дня отмены калыма большое значение уделялось молодежи. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) прямо говорилось, что при проведении праздника следует особое внимание уделить участию комсомольцев и юных пионеров, «жизнь и быт которых являются примером для остальной подрастающей молодежи Казахстана» [5, л. 6–6 об.]. Реализуя поставленную задачу, областной отдел работниц в декабре 1924 г. возложил проведение праздника на учащих и РЛКСМ [5, л. 7].

Устное и письменное слово

Еще одним публичным мероприятием в рамках Дня отмены калыма были театральные представления. Они могли посвящаться раскрепощению женщины, ее положению в семье и обществе. Например, 1 января 1925 г. в 1-м районе Оренбурга была поставлена пьеса «В рабстве калыма» на татарском языке [5, л. 26]. В 1925 г. в Орском уезде в ауле № 2 была поставлена пьеса «Алтын-Сакина» на казахском языке. На спектакле присутствовало 70 казашек и 50 мужчин. Перед спектаклем был прочитан доклад на тему «Отмена калыма и многоженства», состоялся вечер вопросов и ответов на тему пережитков родового быта и советского законодательства. Жители аулов высказались за дальнейшее проведение таких мероприятий [5, л. 22]. В ауле № 3 Домбаровской волости спектакль организовали местные жители-казахи. На нем присутствовало 80 женщин и 70 мужчин. Перед спектаклем также прочитали доклад, заслушали приветствия от РКП(б), РЛКСМ и советских органов [5, л. 23].

К сожалению, название других спектаклей и их содержание установить не удалось. В документах лишь отмечается, что спектакль был поставлен, и не указывается иной информации. В 1926 г. в Атбасарском уезде Акмолинской губернии после массового собрания казашек по случаю Дня отмены калыма были поставлены спектакли [1, с. 107]. Спектакли организовывали как местные жители, так и приезжие. В аул № 2 Орской волости к организации спектакля привлекли любителей драматического искусства [5, л. 22–23]. В 1926 г. в Петропавловске курсантки совпартшколы выезжали в подшефный им аул, где поставили спектакль [1, с. 107]. Участие местных жителей и постановка спектаклей на местных языках (казахском или татарском) позволяло доносить информацию о борьбе с пережитками прошлого до местных жителей на понятном им языке.

В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует широко использовать местную печать для популяризации идей освобождения женщин [5, л. 6–6 об.]. Информация о пережитках прошлого начала печататься уже в 1924 г. Тогда было решено отпечатать 1 тыс. экземпляров воззвания с положением декрета об отмене калыма. Воззвание печаталось на казахском языке и распространялось среди местного населения [5, л. 12]. В январе 1925 г. в Орском уезде было отпечатано 1 тыс. экзем-

пляров воззвания на казахском языке. Для татар и башкир были напечатаны отдельные циркуляры [5, л. 22]. К празднику 1926 г. в Акмолинской губернии был выпущен специальный номер газеты на казахском языке «Бостандык туы» и страничка в газете «Мир труда», в Кокчетавском уезде все материалы к празднику были переведены на казахский язык. Праздник сопровождали листовки на казахском и татарском языках [1, с. 106–107].

Последние номера женского журнала «Әйел теңдігі» за 1926 г. были целиком посвящены празднику [1, с. 160]. В клубах предлагалось выпустить специальные номера стенгазет, в библиотеках – организовать выставки произведений печати. Все это должно было быть посвящено отмене калыма и многоженства [1, с. 98].

Народный комиссариат просвещения КССР рекомендовал к Дню отмены калыма в 1925 г. провести в деревнях и аулах при избах-читальнях и народных домах «трудовые вечера». На них нужно было собрать казашек с домашней работой (пряжей, шитьем, вязанием) и читать им газеты и журналы «Крестьянка» и «Коммунистка», проводить беседы [6, л. 1].

Советской власти приходилось в буквальном смысле находить общий язык с местным населением. Спектакли были наиболее доступной формой донесения идей раскрепощения женщин. Брошюры, листовки, воззвания печатались большими тиражами, но их целевая аудитория (женщины) не умела читать. Грамотность женщин восточных национальностей Туркестана к 1924 г. все еще не превышала 2 % [3, с. 49]. В ноябре 1924 г. в Туркменистане насчитывалось всего несколько десятков грамотных женщин [7, с. 340]. Перепись населения 1926 г. установила грамотность туркменок и узбечек в 0,1 % [7, с. 391]. На этом фоне в Казахстане дела обстояли гораздо лучше. По переписи 1926–1927 гг., средний процент грамотности женщин Казахстана составляет 11,8 %, в том числе: процент грамотности женщин в городах – 36 %, в аулах, кишлаках и селах – 6,7 %, процент грамотности аульных казашек – 5,6 % [7, с. 424]. Но и эти данные показывают, что печатная агитация чаще всего не доходила до женщин.

Амнистия женщинам в ознаменование отмены калыма

Празднование Международного дня работниц в 1920-е гг. часто сопровождалось объявлением амнистии для женщин. Так,

5 марта 1923 г. ВЦИК принял постановление, допускающее применение условно-досрочного освобождения для женщин в отступлении от ст. 55 Уголовного и ст. 473 Уголовно-процессуального кодекса [8, с. 100–101]. 21 марта 1923 г. схожее постановление было принято Всеукраинским ЦИК [8, с. 155–156], 28 марта 1923 г. – Азербайджанским ЦИК [8, с. 186–187]. 22 февраля 1924 г. ЦИК СССР принял постановление об амнистии для женщин, которые отбыли половину и более от срока наказания. Распределительные комиссии могли выступать с предложениями об условно-досрочном освобождении женщин, которые еще не отбыли половину срока [8, с. 58]. Это приводило к тому, что не все такие ходатайства удовлетворялись. Например, в Кургане было предложено освободить 12 женщин, но пятерым из них было отказано в условно-досрочном освобождении [17, с. 267].

«В целях ознаменования 1 января – “дня отмены калыма”, великого события для КАССР и в жизни киргизской женщины», в конце декабря 1924 г. было принято постановление Киргизского ЦИК об амнистии женщинам. Согласно документу, от наказания освобождались все женщины КАССР без различия национальностей, если они были осуждены судами республики до 1 января 1925 г. к принудительным работам или к лишению свободы на сроки не свыше трех лет. Также были прекращены все не рассмотренные судами дела в отношении женщин, если они совершили преступление до 1-го января 1925 г. и максимальное наказание за эти преступления не превышало трех лет лишения свободы. Кроме того, судам предоставлялось право возбуждать при вынесении приговоров вопрос о применении амнистии в отношении других женщин с целью понижения наказания в пределах трех лет. Отдельно указывалось, что действие настоящей амнистии не распространяется на женщин, совершивших преступления, предусмотренные отдельными статьями УК РСФСР (статьи 57–73, 76, 85, 111, 114, 119, 130, 170, 171, 180а, 184, 197 и 213). Амнистия не покрывала наложенные на осужденных женщин в качестве наказаний имущественные взыскания [8, с. 293–294]. Это постановление Киргизского ЦИК было утверждено ВЦИК 12 января 1925 г. [18, с. 198].

Оренбургский губернский суд 15 апреля 1925 г. составил отчет о делах, прекращенных в силу амнистии женщинам в ознаменование отмены калыма. В результате применения

амнистии было прекращено производство по уголовным делам в отношении 815 женщин: из них 286 были крестьянками, 86 – мещанками, 13 – казашками, 4 – служащими, 2 – торговками, 30 – батрачек и работниц, 376 – прочих (лица неизвестного социального происхождения). Больше всего было прекращено дел по следующим статьям: ст. 140–109 женщин, ст. 140-б – 93, ст. 140-г – 255 (ст. с 140 и до 140-г касаются преступлений, связанных с незаконным оборотом спиртных напитков), ст. 172 (оскорбление) – 92 [5, л. 29].

Показательные судебные процессы

Отличительной особенностью Дня отмены калыма от 8 марта было проведение показательных судебных процессов. Ж. Кундакбаева считает, что показательные судебные процессы являлись главным символическим действием в День отмены калыма [1, с. 93]. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует ставить пьесы, проводить показательные судебные процессы, освещать новое и старое отношение к женщине [5, л. 6–6 об.].

Показательные судебные процессы в День отмены калыма проводились по всему Казахстану. В 1926 г. к празднику 8 марта были приурочены показательные суды по борьбе с калымом (один в г. Алма-Ата, три показательных процесса в Джаркенте, один в Алматинском уезде) [1, с. 93]. В г. Петропавловске была показана инсценировка «суд по калымному делу». В Акмолинском уезде в ряду символических торжеств была инсценировка «суд над калымом, где присутствовало много женщин и мужчин» [1, с. 107].

Проведение показательных судебных процессов возлагалось на судебных работников. В циркуляре Наркомата юстиции КССР от 12 января 1925 г. было сказано, что если «судебные работники, являющиеся единственной культурной силой деревни и аула, осознают в полном объеме свою роль и пойдут в самую гущу населения с живым словом, то цель наша будет достигнута». Наркомюст предписывал губернским судам тщательно продумать план пропаганды и агитации и согласовать его с местными организациями и женотделами. Судебные работники должны были пользоваться «всяким удобным случаем, чтобы в простой и душевной беседе с трудящимися раскрыть их глаза на истинное положение вещей», использовать каждое

собрание или скопление людей для этого, выступать с докладами по бытовым преступлениям. Только при частой и планомерной работе возможно было пошатнуть устоявшийся взгляд на бытовые пережитки [5, л. 18 об.].

Наркомюст видел в судебных работниках проводников советской политики в вопросах раскрепощения женщин и борьбе с бытовыми пережитками. Судебным органам рекомендовали «по возможности назначать и заканчивать к слушанию во время кампании дела по бытовым преступлениям, имеющимся в производстве судебно-следственных органов», проводить выездные сессии в аулах и районах, где имеются красные юрты, предварительно уведомляя об этом население [1, с. 98].

В таких процессах следовало делать акцент на классовой линии. Наркомюст считал, что при вынесении решений по бытовым пережиткам к бедняцкому населению следует относиться снисходительно, поскольку они совершали бытовые преступления в связи с «малоосознанностью и вековым подчинением трудовых киргиз традициям и обычаям более сильных экономических групп». К кулакам и баям следовало относиться гораздо строже, «чтобы своими приговорами разбить ту враждебную нашему течению группировку». Суду следовало всякий раз обращать внимание на имущественное и социальное происхождение преступника, выявлять его роль и место среди односельчан [5, л. 19].

Отправлением правосудия должны были заниматься не только судебные работники. В декабре 1926 г. Наркомюст КССР рекомендовал судебным органам привлекать женщин-казашек к участию в процессах по бытовым преступлениям. Они могли участвовать в качестве народных заседателей или же быть общественными обвинителями. Для этого прокурорским работникам было рекомендовано предварительно подготовить женщин к выступлениям [1, с. 101, 235].

Показательные судебные процессы должны были стимулировать местных женщин активнее обращаться в советские органы власти за защитой. В материалах к Дню отмены калыма в Казахстане от 6 декабря 1925 г. говорилось, что успех борьбы с калымом непосредственно связан с участием казашек: они должны обращаться в суд с жалобами на калым, становиться народными заседателями, быть членами советов, делегатками. Такая актив-

ность должна была способствовать формированию самостоятельности и чувства собственного достоинства [1, с. 233].

В обращении ЦИК Казахской АССР к женщинам в День отмены калыма от 1 января 1926 г. было сказано, что казахские женщины сами должны следить за тем, чтобы пережитки родового быта были искоренены. Женщинам предлагалось сообщать о бытовых преступлениях судье, следователю, прокурору, в милицию или ближайшему другому советскому органу, ведь только «при помощи казахских женщин эти преступления будут Советской властью прекращены навсегда» [7, с. 80–81].

Такие воззвания порой увенчивались успехом. Так, в 1925 г. после проведения праздника в Орском уезде Оренбургской губернии несколько женщин обратилось с заявлениями на своих родственников, обвиняя их в совершении бытовых преступлений. В Куманской волости женщина обвинила своего брата, что тот отдает свою сестру замуж за шесть голов скота. В Орской волости девушка просила спасти ее от насильственной выдачи замуж. От калыма страдали не только женщины, но и мужчины, которые несли материальные расходы, связанные с выкупом невесты и организацией свадьбы. Это приводило к тому, что и казахи обращались в судебные органы. К примеру, в Домбаровской волости с заявлением обратился мужчина, который жаловался, что его невесту родители повторно просватали за бая [5, л. 22–23].

При организации показательных судебных процессов отмечалось, что «дела, касающиеся правовой защиты женщин, действительно халатно и небрежно рассматриваются судебными органами, залеживаясь под судейским сукном по 3–4 года» [1, с. 99]. Проведение показательных процессов должно было подтолкнуть судебных работников к оперативному разрешению накопившихся дел.

Халатность и небрежность в отношении дел о пережитках родового быта проявлялась и в праздничные дни. Например, в День отмены калыма был назначен показательный процесс о калыме, но ввиду того, что милиция виновного не представила, суд пришлось отложить [1, с. 378]. Даже к празднику органы советской юстиции не могли работать слаженно.

Одновременно с проведением судебных процессов органы советской юстиции должны были выступать с докладами по семейно-брачному праву, проводить консультации населения

по вопросам отмены калыма и других пережитков родового быта, освещать в прессе и стенгазетах вопросы судебной практики по бытовым делам. Работники учреждений матмлада должны были популяризировать законодательство об охране матери и ребенка [1, с. 97–98]. В циркуляре Наркомздрава от 29 декабря 1926 г. указывалось на необходимость организации юридической консультации при детских учреждениях [1, с. 100].

В 1928 г. День отмены калыма был совмещен с празднованием 8 марта, но сохранил свою специфику. В двух губерниях Казахстана было проведено 59 показательных процессов, половину из которых составляли калымные дела [7, с. 229]. На 8 марта и в последующем проводили судебные процессы. В 1928 г. к 8 марту Курганский окружной суд разработал целую программу по правовой пропаганде женского населения. Планировалось провести показательные судебные процессы «дел бытовых», т. е. про «побои и истязания женщин» в семье, а также про изнасилования [17, с. 263]. В 1932 г. в Таджикистане в этот день было проведено четыре показательных судебных процесса [3, с. 187].

Приведенные примеры показывают, что показательные судебные процессы 8 марта и в День отмены калыма отличались тематически. В День отмены калыма акцент был сделан на преступлениях, связанных с пережитками родового быта. Чаще всего проводились процессы по делам об уплате и получении калыма. 8 марта судебные процессы тоже проводились, однако они уже показывали положение женщины в семье, нарушение ее прав со стороны мужа, например неуплату алиментов.

Обсуждение и выводы

День отмены калыма был учрежден 11 декабря 1923 г. Тогда он назывался День освобождения киргизки. Ж. Кундакбаева считает, что «учитывая культурную специфику Казахстана, московские эксперты разработали праздник, более близкий и понятный казахам» – День отмены калыма [1, с. 95]. При этом она ничем не обосновывает, что праздник был разработан в Москве и спущен оттуда в Казахстан. Но, действительно, праздник оказался уникальным, ведь в других среднеазиатских республиках его не отмечали. День отмены калыма был преимущественно посвящен борьбе с бытовыми пережитками. Другие элементы раскрепощения женщин (ликвидация безграмотности, внедрение

новых правил гигиены, вовлечение женщин в партию и советские органы власти) были на втором плане, поскольку о них больше говорили при праздновании Международного дня работниц.

В 1928 г. День отмены калыма был совмещен с Международным днем работниц и в таком сочетании просуществовал до 1933 г. Основными формами праздничных мероприятий были митинги, демонстрации, собрания, торжественные открытия учреждений, вступления женщин в партию и комсомол, постановка спектаклей. Эти события широко освещались в прессе на национальных языках. В декабре 1924 г. была проведена амнистия женщин в ознаменование отмены калыма. Такие мероприятия проводились и в Международный женский день. Отличительной особенностью празднования Дня отмены калыма являлись показательные судебные процессы по преступлениям, связанным с пережитками родового быта. Особое внимание уделялось делам о калыме.

Список литературы

1. Кундакбаева Ж. Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920–1930 годы. Алматы: Қазақ университеті, 2017. 412 с.
2. Тульцева Л. А. Из истории борьбы за социальное и духовное раскрепощение женщин Средней Азии (празднование 8 Марта, 1920–1927 гг.) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 12–22. EDN: YKYEXT
3. Пальванова Б. П. Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщины Советского Востока. М.: Наука, 1982. 304 с.
4. Alpysraeva G., Sayakhimova S. Gender Dimension of Anti-Religious Policy in Kazakhstan in 1920–1930s // Вестник КазНУ, Серия Религиоведение. 2022. Т. 31. № 3. С. 29–35.
5. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 569.
6. ОГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 832.
7. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): сборник документов и материалов / ред. коллегия: З. А. Астапович (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1971. 463 с.
8. Амнистия и помилование в СССР / сост. К. Я. Драгомирецкая; Авт. I раздела книги и сост. II–V разделов чл.-корр. Акад. наук СССР П. С. Ромашкин. М.: Госюриздат, 1959. 364 с.
9. Учредительный съезд советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы / под ред. и со вступительной статьей Е. Г. Федорова. Алма-Ата – М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. 127 с.
10. Лобанов В. Б., Ищенко М. Г. Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР (1920–1925 гг.) // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72–7. С. 20–23. EDN: OTTWTL
11. День освобождения киргизской женщины // Известия. 1923. № 285. С. 3.
12. Michaels P. A. Medical Traditions, Kazak Women, and Soviet Medical Politics to 1941 // Nationalities Papers. 1998. Vol. 26. No. 3. Pp. 493–509.
13. Тезисы доклада «Международный коммунистический женский день 8 марта и день отмены калыма 22 марта». Алма-Ата: гостип. № 2 Полиграфтреста, 1932. 4 с.

14. Материалы для докладчиков к Международному женскому коммунистическому дню 8 марта и Дню отмены калыма. Алма-Ата: Б. и., 1933. 8 с.

15. Ашаршылық. Голод. 1928–1934. Документальная хроника. Сб. док. Т. 1.: 1928–1929 / отв. ред. В. Әбдіғалиұлы. Алматы, Атамұра, 2021. 920 с.

16. Аманжолова Д. А. «Женский вопрос» в 1920–1930-е гг. в советской национальной политике: некоторые проблемы изучения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 2 (47). С. 22–36. EDN: EGLKLS

17. Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение: монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Масложенко. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2020. 284 с. EDN: LMODMI

18. Сапарғалиев М. С. История народных судов Казахстана. (1917–1965). Алма-Ата: Казахстан, 1966. 448 с.

Celebration of the Kalym Abolition Day in Soviet Kazakhstan

Egor A. Bogolyubov

In the 1920s, there was a unique holiday in the Kazakh ASSR – the Day of the Kalym Abolition. It was established in memory of the adoption of a decree prohibiting the payment and receipt of kalym. The holiday was established on December 11, 1923 and was celebrated until the early 1930s. Demonstrations, rallies, gatherings and theatrical performances have become the main forms of festive events. In order to convey to the population the main ideas of the Kalym Abolition Day, Soviet and party organs conducted agitation in national languages. Plays were staged in Tatar, Kazakh, and Bashkir languages, and pamphlets and newspapers were published. There was even an amnesty for women in honor of the holiday. All these events were organized on the International Day of Female Workers. A distinctive feature of the Kalym Abolition Day was the demonstrative trials in cases of crimes that constitute remnants of ancestral life. Court proceedings were also scheduled for March 8, but they concerned alimony, domestic violence and other aspects of family life.

Key words: women's liberation, Soviet Kazakhstan, Soviet Central Asia, Soviet national policy, remnants of ancestral life, Soviet holidays, women's issue, International Day of Female Workers, gender studies.

For citation: Bogolyubov, E. A. (2025) Prazdnovanie Dnya otmeny kalyma v sovetskom Kazahstane [Celebration of the Kalym Abolition Day in Soviet Kazakhstan]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 28–45. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_28. EDN: BLYIRL

References

1. Kundakbaeva, ZH. (2017) *Modernizatsiya rannej sovetskoj epohi v sud'bah zhenshchin Kazahstana, 1920–1930 gody* [Modernization of the Soviet era in the days of women of Kazakhstan, 1920–1930]. Almaty: Kazakh university. (In Russ.)

2. Tultseva, L. A. (1986) Iz istorii bor'by za social'noe i duhovnoe raskreposhchenie zhenshchin Srednej Azii (prazdnovanie 8 Marta, 1920–1927 gg.) [From the history of the struggle for the social and spiritual emancipation of women in Central Asia (March 8, 1920–1927)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 1. Pp. 12–22. (In Russ.). EDN: YKYEXT

3. Pal'vanova, B. P. (1982) *Jemansipatsiya musul'manki. Opyt raskreposhheniya zhenshhiny Sovetskogo Vostoka* [The emancipation of the Muslim woman. The experience of emancipation of a woman of the Soviet East]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

4. Alpyspaeva, G., Sayakhimova, S. (2022) Gender Dimension of Anti-Religious Policy in Kazakhstan in 1920–1930s. *Vestnik KazNU, Seriya Religiovedenie* [Bulletin of KazNU, Religious Studies Series]. Vol. 31. No. 3. Pp. 29–35.

5. *Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti* [The United State Archive of the Orenburg region (hereinafter – OGAOO)]. F. 1. Op. 1. D. 569.

6. OGAOO. F. 4. Op. 1. D. 832.

7. (1971) *Velikij Oktyabr' i raskeposhchenie zhenshchin Srednej Azii i Kazahstana (1917–1936 gg.): Sbornik dokumentov i materialov* [Great October and the emancipation of women in Central Asia and Kazakhstan (1917–1936): A collection of documents and materials]. Ed. board: Z. A. Astapovich (editor) and others. Moscow: Mysl. (In Russ.)
8. (1959) *Amnistiya i pomilovanie v SSSR* [Amnesty and pardon in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.)
9. Fedorov, E. G. (ed.) (1936) *Uchreditel'nyj s'ezd sovetoв Kirgizskoj (Kazakhskoj) ASSR. 4–12 oktyabrya 1920 g. Protokoly* [The Founding Congress of Soviets of the Kirghiz (Kazakh) ASSR. October 4–12, 1920. Protocols]. Alma Ata – Moscow: Kazakstan Regional Publishing House. (In Russ.)
10. Lobanov, V. B., Ishchenko, M. G. (2021) *Kirgizskaya Avtonomnaya Sovetskaya Socialisticheskaya Respublika v sostave RSFSR (1920–1925 gg.)* [Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic within the RSFSR (1920–1925)]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education]. No. 72–7. Pp. 20–23. (In Russ.). EDN: OTTWTL
11. (1923) *Den' osvobodzheniya kirgizskoj zhenshchiny* [Kyrgyz Woman's Liberation Day]. *Izvestiya* [Izvestia]. No. 285. P. 3. (In Russ.)
12. Michaels, P. A. (1998) *Medical Traditions, Kazak Women, and Soviet Medical Politics to 1941*. Nationalities Papers. Vol. 26. No. 3. Pp. 493–509.
13. (1932) *Tezisy doklada «Mezhdunarodnyj kommunisticheskij zhenskij den' 8 marta i den' otmeny kalyma 22 marta»* [Abstracts of the report "International Communist Women's Day on March 8 and Kalyim Abolition Day on March 22"]. Alma Ata: gostip. № 2 Poligrafrest. (In Russ.)
14. (1933) *Materialy dlya dokladchikov k Mezhdunarodnomu zhenskomu kommunisticheskomu dnyu 8 marta i Dnyu otmeny kalyma* [Materials for speakers on the International Women's Communist Day on March 8 and the Day of the Kalyim Abolition]. Alma Ata: B. I. (In Russ.)
15. (2021) *Asharshylyk. Golod. 1928–1934. Dokumental'naya hronika. Sb. dok. T. 1: 1928–1929* [Asharshylyk. Hunger. 1928–1934. Documentary chronicle. Collection of documents. Vol. 1: 1928–1929]. Editor-in-chief B. Abdigalievich. Almaty, Atamura. (In Russ.)
16. Amanzholova, D. A. (2024) «ZHenskij vopros» v 1920–1930-e gg. v sovetskoj nacional'noj politike: nekotorye problemy izucheniya [The “Women's Issue” in the 1920–1930 in Soviet national politics: some studying problems]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. No. 2 (47). Pp. 22–36. (In Russ.). DOI: 10.25693/SVGV.2024.47.2.002. EDN: EGLKLS
17. Kozelchuk, T. V., Maslyuzhenko, D. N. (eds.) (2020) *Kurgan mezhdru mirovymi voynami: antropologicheskoe izmerenie: monografiya* [Kurgan between the World Wars: an anthropological dimension: a monograph]. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.). EDN: LMODMI
18. Sapargaliev, M. S. (1966) *Istoriya narodnyh sudov Kazahstana. (1917–1965)* [The history of the people's courts of Kazakhstan. (1917–1965)]. Alma Ata: Kazahstan. (In Russ.)

Об авторе

Боголюбов Егор Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: bogolubovegor@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9312-7793

About the author

Bogolyubov Egor A., Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: bogolubovegor@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9312-7793

*Статья поступила в редакцию 14.05.2025
Одобрена после рецензирования 26.05.2025
Принята к публикации 05.06.2025*

Советизация финно-угорского крестьянства (по материалам студентов ленинградского партийного вуза)

Н. В. Тихомиров

Источниковую основу исследования составили отчетные материалы студентов Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ) им. Ю. Ю. Мархлевского, созданные в ходе и по итогам их практической работы в деревнях на северо-западе России с 1926 г по 1931 г. Объектами наблюдения стали колонии карельских, финских и эстонских крестьян. Проанализированы отчеты, дневники и выступления на конференциях учебных секторов, отразившие разнообразные факты обыденной жизни финно-угорских общин в период подъема и сворачивания НЭПа и начала сплошной коллективизации в СССР. Названные документы ранее не подвергались комплексному анализу, многие вводятся в научный оборот впервые. Цель работы – выявить черты своеобразия повседневности финно-угорских меньшинств в указанный период. Рассмотрены проблемы национальной работы, роль церковных организаций в жизни крестьян и восприятие последними советской власти. Выявлены противоречия, характерные для политики «коренизации» в регионе. Прослежены изменения в отношении обывателей к большевистскому государству в контексте его социально-экономических мероприятий. Полученные выводы расширяют научные представления о быте, нравах и поведенческих установках малых народов российского Северо-Запада в период становления советской власти, культурной революции и начала колхозного строительства.

Ключевые слова: коммунистический университет, карелы, коренизация, крестьянство, КУНМЗ, национальные меньшинства, повседневность, студенчество, финны, эстонцы.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Советизация финно-угорского крестьянства по материалам студентов ленинградского партийного вуза // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 46–65. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_46. EDN: BXLLLM

Введение

Исторические судьбы финно-угорских народов (финнов, карелов и эстонцев) на Северо-Западе России давно стали предметом научного изучения, нашли отражение в историографии. К настоящему времени созданы труды об их расселении на территории региона [1–3], демографической динамике и социально-экономических отношениях [4; 5–7; 8]. В публикациях отражены разные стороны их обыденной жизни. Получили научную проработку вопросы т. н. «коренизации», национальной работы среди названных меньшинств [9–10], их культурного развития [11–12]. Труды исследователей основаны на углубленном изучении жизни национальных групп в отдельных районах [13–15–21].

Однако ряд аспектов повседневности этих этнических групп в период становления новой общественно-политической системы остается малоизученным. Это обусловлено, среди прочего, скудостью источниковой базы, слабым вовлечением в научный оборот многих информационно насыщенных документов.

Настоящая работа призвана частично решить означенную проблему. Ее цель состоит в том, чтобы раскрыть черты своеобразия повседневной жизни финно-угорских колоний на Северо-Западе России в условиях советизации периода 1920-х – начала 1930-х гг. Оговоримся, что используем понятие «советизация» в узком смысле¹, разумея под ним идеологическую составляющую процесса всесторонних преобразований в России периода 1920–1930-х гг. Применительно к работе с крестьянским населением советизация выражалась в такой деятельности, как: 1) политическое просвещение; 2) культурно-массовая работа (борьба с религией, ликбез и пр.); 3) классовая борьба (выявление «кулаков», создание условий для их обструкции); 4) «коренизация», имевшая целью административное насаждение языков малых народов (зачастую не имевших ранее литературной нормы) в системе делопроизводства, образования и т. д. Приведенный перечень весьма условен, поскольку мероприятия разной направленности были всегда тесно переплетены и взаимообусловлены.

Агентами советизации деревни в это время становились не только партийно-правительственные учреждения в цен-

¹ В противоположность широкому толкованию данного понятия в смысле установления советской власти и соответствующих порядков.

тре и на местах, но также партийцы, комсомольцы, учителя, рабочие и другие активисты, мобилизованные советской властью на выполнение текущих задач. Особую категорию составляли студенты партийных учебных заведений (совпартшкол и коммунистических университетов), которых готовили в качестве будущих партийных кадров, и для которых участие в массовой работе являлось неотъемлемой частью обучения. Их вклад в осуществление модернизации страны и, в частности, советизацию малых народов российского Северо-Запада не изучен.

Объект настоящего исследования – материалы работы студентов ЛОКУНМЗ в сельских поселениях финнов, карелов и эстонцев на раннем этапе советского строительства; предмет – быденная жизнь названных поселений в условиях интенсивной советизации.

Основу источниковой базы исследования образует корпус отчетных материалов о деревенской практике студентов ЛОКУНМЗ. В него входят отчеты и дневники, составленные практикантами в ходе и по результатам работы в деревне, протоколы студенческих собраний об итогах практики. Указанные документы содержатся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГА-СПИ) в составе фонда Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского. Отдельные дневники были ранее введены в научный оборот посредством документальных публикаций [22–24], но систематическому анализу подвергнуты не были.

Хронологическими границами служат 1926 и 1931 гг., что обусловлено датировкой выявленных документов. Географическая рамка охватывает Северо-Западный регион России в пределах Новгородской, Петроградской и Псковской губерний, в 1927 г. вошедших в состав Ленинградской области, и отчасти Тверской губернии (Московской области).

Работа, ведшаяся в деревне студентами ЛОКУНМЗ, имела два измерения: помощь местным партийным органам и сбор информации о жизни колонистов-нацменов. Общие установки для работы давала комиссия ЛОКУНМЗ по внеуниверситетской практике. Затем студенты направлялись в распоряжение райкомов партии, где получали назначение в конкретное место

(в основном поселения финнов, карелов или эстонцев, редко – русские поселения)¹ и задание для работы.

Задачи, поставляемые перед практикантами, зависели от содержания государственной политики в данный момент времени. Так, если на протяжении 1920-х гг. партийное руководство на местах было озабочено кооперативным строительством, то с 1929 г. упор в работе делался на создание колхозов. Прибывшим из Ленинграда студентам поручали: «...помочь в работе по слиянию колхозов <...>, содействовать в организации избы-читальни в деревне Параложке, помочь в работе среди женщин, в работе редколлегии при колхозе...» [25, л. 13]; укрепить имеющиеся колхозы и вести производственные совещания [25, л. 65]; провести коллективизацию в окружающих деревнях [25, л. 122] и т. д. Вместе с тем оставались неизменными задачи по культурному и политическому просвещению крестьянства, налаживанию работы избы-читален, борьбе с религиозностью. Также практикантов призывали обращать внимание на состояние национальной работы – «коренизации» применительно к наблюдаемым группам этнических меньшинств. Таким образом, отчетные материалы воспитанников ЛОКУНМЗ отразили различные стороны повседневной жизни эстонских, финских и карельских деревень на Северо-Западе страны.

В данной работе рассмотрим несколько таких сторон, вызывавших наиболее пристальное внимание практикантов и получивших освещение в большинстве обсуждаемых архивных документов.

Национальный вопрос в деревне

Карельские, финские и эстонские крестьяне-переселенцы в рассматриваемый период сохраняли в значительной мере культурное своеобразие, связанное, в частности, с общением на соответствующих языках. Практикант Стальберг, бывший 20 декабря 1929 г. в Волосово, записал в дневник: «Живем в “Эстонии”. Вокруг эстонцы, эстонцы» [25, л. 207 об.]. Студент финского сектора Хайконен, работавший с карельским населением летом 1928 г. в Полновском районе Новгородского округа,

¹ Выбор контингента для работы был подсказан тем, что вуз готовил кадры для работы с конкретными национальными меньшинствами. В составе Ленинградского отделения КУНМЗ действовали два сектора – финский и эстонский, для обучения на них набирали представителей соответствующих национальностей.

писал, что карелы «хотят считать себя нацменами» и желают «осуществления преподавания детям в школах финского языка» [26, л. 147]. (В отсутствие учителей и учебных материалов на карельском языке «карелизацию» проводили посредством родственного ему финского языка). Также он отмечал: «Пожилые крестьяне в 35–40 лет также говорят, что в случае, если удастся поставить учебу в школе на двух языках, и русском, и финском языке, то они также будут обучаться финскому языку» [26, л. 146 об.]. Тот же автор описывал языковую ситуацию в наблюдаемых деревнях следующим образом: «Крестьяне говорят, что 30 лет тому назад ... ни один карел ... не умел говорить по-русски; в случае если попал в деревню русский, то пришлось разъясняться знаками. В настоящее время каждый, за исключением стариков и старух 70–80 лет, умеет по-русски. Молодежь говорит большей части времени по-русски, но, несмотря на это, каждый молодой парень и девочка знают карельский язык, хотя даже и мать русская. Замечается интересное явление: когда соберется группа домохозяйств соседи, хотя бы даже покурить, то после пары-трех слов, сказанных по-русски разговор переводится на свой, карельский, язык, что подтверждает желание карельского населения сохранить за собой свой карельский родной язык» [26, л. 142 об. – 143].

Последним замечанием практикант явно выдал желаемое за действительное. Учитывая его же сообщение о том, что деревенская молодежь общалась в основном по-русски, можно предположить, что «интересное явление» было наблюдаемо среди людей старших возрастов, и вывод о желании сохранить «свой» язык применим (если применим) именно к ним. Следовательно, объявляемое желание быть «нацменами» и добиваться обучения на финском языке не было насущной потребностью крестьян, а лишь их откликом на пропагандистские послы.

В некоторых местностях языковой вопрос (точнее, соответствующая политика государства) вызывал острые противоречия. Например, студентка Данилова так описала положение в Волосовском районе: «В беседах с крестьянами очень остро всплывает вопрос школы, т. е. вопрос обучения детей на русском языке. Большинство населения хочет, чтобы дети обучались на русском языке, а в школах преподают на финском. ... были случаи, когда родители отсылали своих детей в дальние

деревни только потому, что там обучали по-русски, но РИК издал приказ о водворении детей в школу их родной деревни, где преподают по-фински. У многих крестьян такое настроение: раз дети, оканчивающие школу, не умеют по-русски, то нечего их и учить (пассивное сопротивление), и уже дальше учиться детей не посылают, да их и не берут, так как в средних школах по большей части обучают по-русски. Все население здесь больше понимает по-русски, чем родной язык» [25, л. 10 об.].

Постепенное обрусение колонистов-националов отмечали практиканты, работавшие в разных местностях. Красноречивые свидетельства об этом содержатся, например, в сообщениях студентов эстонского сектора, обслуживавших в 1926 г. районы Ленинградской области: «не мог распространить эстонских газет, потому что колонисты читают русские газеты»¹ (Троцкий уезд, Губаницкая волость) [27, л. 27]; «Все охотно говорят на русском языке, в некоторых семьях домашним языком является русский язык. ... отлично знают русские праздники ... Постройки рубятся в русский угол, в доме русская печь...» (Холмский уезд, Бологовская волость) [28, л. 37]; «эстонцы ... обрусевши (не знают родного языка), и также отсутствие национального актива, владеющего родным языком» (Великолукский уезд, Рыковская волость) [28, л. 47 об.]; «В будущем при высылке групп необходимо иметь в виду, чтобы те товарищи, которые не владеют русским языком были направлены на работу с товарищами, хорошо владеющими русским языком» (Кингисеппский уезд, Врудская волость) [27, л. 24].

Студенты финского сектора, работавшие в конце 1929 г. в ряде деревень Бежецкого уезда (тогда Московской области), отмечали: «Большая часть населения (75 %) владеет русским языком, не владеют лишь старики и дети дошкольного возраста» [27, л. 63]. Последнее создавало затруднение в работе школ, где обучение велось на русском языке, который дети (вероятно, не все) не понимали, «особенно в первых группах» [29, л. 61]. Впрочем, учитывая предыдущее замечание, можно предполагать, что освоение русского языка юными карелами происходило быстро. Для взрослых и молодежи стимулом к этому было участие в общественных мероприятиях: «В повседневной жизни применяется карельский, на собраниях и беседах

¹ Речь о таких газетах, как: Edasi, Siberi Teataja и др.

на политическую тематику – русский, т. к. карельский язык не содержит достаточного количества слов» [27, л. 63].

Другая группа финских практикантов, побывавшая в том же регионе месяцем позже, писала: «карелы порядочно уже успели срастись с русским бытом и русским языком» [29, л. 31 об.]. Студенты того же сектора, попавшие весной 1930 г. в Детскосельский район, отмечали затруднения в политической работе. Местное руководство вело ее в основном на русском языке, которым не владело население (впрочем, в отчете не содержится точных указаний о языковой ситуации, что не дает оснований полагать, будто русскую речь не понимали все поголовно) [29, л. 128 об.].

Группа, проходившая зимнюю практику 1929–1930 гг. в Лихославльском районе, сообщала, что при большой доле карельского населения все местные партработники были русскими, не понимавшими карельского языка. Финского языка также никто не понимал, но «некоторые повседневные дела» можно было «разъяснить по-русски», к чему население постепенно привыкало. «Исследование показало, – говорилось далее, – что в повседневной жизни употребляемые слова имеют корень около 90 % от финского языка и 10 % от русского, но все т. н. культурные слова – русские». В заключение авторы отчета констатировали: «В настоящее время положение такое, что русский язык, в общем и целом, более близкий к молодежи, чем финский язык» [29, л. 143–145].

Практиканты подмечали не только возрастные, но и половые различия в степени освоения нацменами русской речи. Так, студенты-финны, обслуживавшие в начале 1930 г. Парголово в Ленинградской области, указывали, что член ВЛКСМ из райкома владел только русским языком и не мог проводить работу, поскольку население большей частью не понимает русский язык, особенно женщины [29, л. 122].

Группа, посещавшая весной 1930 г. финскую деревню Коркиомяки под Ленинградом, сообщала, что все местные женщины не понимали русский язык. При этом руководительница политического кружка, ведшая работу среди женщин, была русской и не говорила по-фински [29, л. 108]. О языковых препонах на других направлениях работы (с беднотой, комсомольцами и пр.) в отчете не сообщено, что может указывать либо на отсутствие таковых, либо на наличие местных кадров, владевших

финской речью. Последнее представляется маловероятным с учетом сообщений большинства практикантов о повсеместной нехватке таких работников.

Рассмотренные случаи показывают, что языковая ситуация по Северо-Западному региону отличалась от места к месту, но тенденция к постепенной ассимиляции национальных общин великорусским окружением (от медленной до почти завершившейся) просматривалась повсюду.

Примечательно, что практиканты, наблюдавшие колонистов-нацменов, сами принадлежали соответствующим народностям (КУНМЗ готовил кадры для работы среди национальных меньшинств из их же представителей). Причем некоторые (указать точное число не представляется возможным) успели в значительной мере обрусеть. Об этом говорят их русские фамилии (Данилова, Потапов, Прохоров и др.), а также уверенное владение русской письменной речью. Большинство материалов о деревенской практике, представленных в архивном фонде КУНМЗ, написано довольно хорошим русским языком, что характеризует их авторов как успевших овладеть им на высоком уровне. Нельзя исключать, что отдельные лица были его носителями, успевшими забыть язык предков. Интересно сообщение одной из практиканток об общении с крестьянами: «Стальберг делал доклад, а я переводила и разъясняла крестьянам» [25, л. 5]. Дело происходило в декабре 1929 г. в эстонской деревне Весикола. Выступавший, студент эстонского сектора ЛОКУНМЗ, как явствует из документа, не владел «родным» (в большевистской фразеологии) языком. Вряд ли можно говорить о широком распространении такого явления среди студенческого контингента, однако даже в качестве единичного примера данный случай показателен – тенденция к ассимиляции воспитанников университета была неизбежной. Этому способствовала среда крупного города (Ленинграда), вуза, разнообразных общественных организаций – партийных, профсоюзных и проч. Потому отдельные студенты, набранные в учебное заведение по национальной квоте, уже являлись нацменами лишь номинально, будучи фактически великороссами по языку, поведенческим привычкам и образу мысли.

Тем более курьезным представляется их рвание о национальной работе среди финно-угорских крестьян. Настоящи-

во пытаясь воплотить идеалистические установки партийно-правительственного руководства, они как будто не соотносили их с объективным ходом социально-культурных процессов, которые сами наблюдали во множестве проявлений. Корни такого, кажущегося очевидным, противоречия кроются в особенностях воспитания студентов партийного вуза. Многие из них были выходцами из пролетарской среды, либо успели значительно отдалиться от крестьянского мира (чему способствовали состояние на партийной работе, служба в армии, обучение в совпартшколе, коммунистическом университете). Потому их знания о деревне часто бывали производными от пропагандистских клише и вульгарных постулатов классовой теории. Это вело к тому, что некоторые практиканты после пребывания в сельской местности признавали, что плохо знают ее реалии. Один из них отметил в 1925 г.: «Из города наблюдать за газетными статьями не выясняется еще действительное лицо деревни»¹ [26, л. 5 об. – 6].

Показательны в этом отношении дневниковые записи студента Каратам. В начале 1930 г. он был на практике в паре с однокурсницей Нейто в поселке Синковицы (Волосовский район Ленинградской области), где проживал в доме ее семьи и обнаружил себя в «явно кулацком хозяйстве» [30, л. 144 об.]. Показателем этого был наем пастуха. Свои наблюдения он сопроводил неуклюжими рассуждениями: «Я считаю, что при хорошем желании можно было обойтись и без пастуха. Старушка могла бы пасти скот. (На 60 % надо пастуха, а на 40 % можно было обойтись без него)» [30, л. 143 об.]. О своей товарке он также оставил критические замечания: «Тов. Нейто А. имеет очень много “крестьянского” в себе. Она смотрит на вещи в очень сильной степени с личной стороны. Например, во время хлебозаготовительной кампании, когда ихнее хозяйство было обложено в 5 пудов, она запретила брату увезти эти 5 пудов, говоря, что тебе не надо везти хлеба, так как тебя обложили неправильно. Считаю, что такой поступок со стороны члена партии недопустим» [30, л. 143 об. – 144].

Дневник отразил нравственный конфликт между двумя людьми, принадлежавшими одному слою общества (партийцы, сту-

¹ В данном случае автор, не владевший в совершенстве русским языком, имел в виду, что он и его товарищи привыкли получать знания о деревне из публикаций в партийной печати, которые, как выяснилось, не давали полного представления о жизни крестьян.

денты коммунистического вуза), но значительно расходившимися во взглядах на жизнь. Каратам, происходивший из городской среды либо давно порвавший с деревней, смотрел на процессы в ней взглядом идейного коммуниста. Его товарка, сохранившая живую связь с крестьянским миром, видела проблемы последнего иначе, лучше понимая потребности и чаяния обывателей.

Религия и церковь

Объектом наблюдения студентов являлись также отношения крестьян с церковными организациями (в эстонских и финских колониях были распространены лютеранские верования). Нередко в отчетах встречаются упоминания об их существенном влиянии. Так, о положении в Куземкинском районе на начало 1930 г. студенты-финны сообщали: «Сектантство в районе развито сильно и ведут даже агитацию, что “докладов о коллективизации слушать не надо” и т. п. В одной из деревень просили открыть молельный дом и включить это в наказ сельсовету» [29, л. 73 об.]. «Сильно развитая религиозность» [29, л. 85], – читаем в отчете 1931 г. о финском Монделево-Коккелевском сельсовете (Детскосельский район). «Культурный уровень населения очень низкий. Сильно развиты разные религиозные организации» [32, л. 118–118 об.], – писали тогда же о финских поселениях Агалатовского и Кавголовского сельсоветов (Куйвозовский район). Годом ранее о том же районе указывали: «Об организации колхоза в некоторых деревнях не стоит и думать, пока они не вычищены от кулаков и их агентов религиозников» [29, л. 161 об.].

Похожее положение наблюдалось и во многих эстонских колониях. «Религиозный дурман сильнее, чем при царизме» [27, л. 106], – сообщали практиканты в 1926 г. о деревнях Гдовского уезда. В Симоно-Ложском и Новожелченском сельсоветах Лужского уезда отправление церковных обрядов носило «массовый характер» [26, л. 29 об.]. В некоторых местах религиозная жизнь протекала беспрепятственно, встречая даже поддержку со стороны местных властей. Так, председатель Камзовского сельсовета (Крестовский район) благоволил участию молодежи в церковном хоре. Находящееся в его ведении селение Бурги имело две лютеранские («эстонские») церкви, собиравшие по праздникам несколько сот прихожан, при них состояли собственные проповедники [28, л. 70 об.]. Где-то, как в Кам-

зове, обязанности священника в церкви исполнял местный крестьянин [30, л. 42 об. – 43]. В других местах богослужения проводили в частных домах, куда съезжались верующие даже из дальней округи. Такое наблюдалось в Кингисеппском [28, л. 34] и Холмском уездах [28, л. 37–37 об.].

Практиканты пытались противопоставить церковным действиям пропагандистские и просветительские мероприятия, но успех имели не везде. Один из отчетов сообщает о срыве «культурного праздника» в деревне Луговское Середкинского района: население всех возрастов отправилось в церковь на конфирмацию молодых ребят, в то время как на празднике присутствовала «горсточка своих» (видимо, местного немногочисленного актива) [30, л. 158]. «Церковники» нередко выигрывали у красных активистов соперничество за досуг обывателей. Одной из его традиционных форм было участие крестьян в церковном хоре (в котором участвовали порой даже комсомольцы [31, л. 22 об.; 28, л. 73–73 об.]). Студенты указывали в этой связи на необходимость устроить аналогичные кружки при изба-читальнях [27, л. 106]. Однако дело упиралось в нехватку подготовленных кадров культурработников. В селе Каравай Полновской волости хору, руководимому псаломщиком, пытались противопоставить театральные постановки, но затея провалилась ввиду отсутствия подходящего помещения [31, л. 21 об. – 22].

Материалы студенческой отчетности отражают и явления обратного порядка, связанные с упадком религиозности среди сельских обывателей ряда поселений. «Церкви нет и священника и тому подобных также нет <...> некрещеных детей имеется» [30, л. 107 об.], – писал практикант в начале 1925 г. об эстонских колониях Путиловского уезда. По его словам, верующих среди населения осталось «не больше как до 1,5 %». В деревне Холм Крестецкого района в 1928 г. крестьяне сочувственно встретили доклад на антирелигиозную тему и признавались, что давно перестали бы посещать церковь, «да некуда идти» [33, л. 114]. В карельской деревне Микшино (Лихославльский район) к началу 1930 г. священники были разогнаны, и церкви готовили к закрытию, что вызывало сожаление лишь у немногих старожиллов [29, л. 144]. О поездке в деревню Ванго-Мыза (Монделево-Коккелевский сельсовет Детскосельского района) весной того же года студенты финского сектора рассказывали,

что до их прибытия некоторые граждане «были целиком в цепях религиозного дурмана, а теперь уже сами насмеваются над религией и спорят с другими» [29, л. 130 об.]. Там, где удавалось наладить постоянную работу культурных учреждений (красного уголка, избы-читальни), положение в корне менялось в пользу таких начинаний. Например, о деревне Клопицы Троцкого уезда еще в 1926 г. сообщали: «Религиозных обрядов нет, принимает эстонская молодежь участие в кружковых работах <...> религиозных праздников не празднуют, в церковь не ходят» [26, л. 68].

Таким образом, нацменовские деревни в Северо-Западном регионе в обсуждаемый период были весьма неоднородными с религиозной точки зрения. Богоборческий натиск не привел к быстрому разрыву обывателей с церковью и обрядовой практикой. Вместе с тем их влияние на повседневную жизнь крестьян постепенно угасало. Последние, особенно молодое поколение, судя по всему, не были набожными и рассматривали церковь как одно из немногих мест проведения досуга; сказывались и культурные привычки. Потому при появлении новых организованных форм времяпрепровождения от церкви отказывались без особого сожаления. Легче прочих этот отказ должен был ощущаться подростками, которые не успели еще основательно сжиться со многими проявлениями старины в силу незавершившейся социализации.

Отношение крестьян к советской власти

Успешность мероприятий по социалистической перестройке деревни напрямую зависела от лояльности местного населения государственному руководству и одобрения его действий. Потому особое внимание практиканты обращали на настроения крестьян. В середине 1920-х гг. они были в целом доброжелательными. В отчетах по этому поводу читаем: «Отношение к советской власти вполне удовлетворительно» [34, л. 8 об.] (Ленинградский уезд); «отношение крестьян к советской власти удовлетворительное» [34, л. 9] (там же); «Отношение крестьян к советской власти удовлетворительное» [34, л. 13] (Троцкий уезд).

В последующие годы положение менялось. Например, летом 1928 г. о ситуации в Струго-Красненском районе Лужского округа студенты писали: «Критикуют страшно наши недостатки и сравнивают их со старыми царскими насилиями. Чувствуется

у них недоверие к устойчивости советской власти, к победе социализма, и ожидают чего-то другого. Говорят, что на словах у вас все хорошо, но на деле нажимаете на крестьянина, и мы не видим лучшего и живем плохо» [33, л. 19 об.].

В том же году другой студент подробно описал настроения жителей деревни Вошково (Полновский район того же округа). «От советской власти нам ждать нечего, земля наша собственная, дайте нам спокойно работать, мы обойдемся и без власти, коммун строить мы не хотим ... только не приставайте к нам» [33, л. 74 об.], – заявляли крестьяне. Истоки противоречий автор усмотрел в том, что люди жили на выкупных участках и не желали расставаться с правом собственности. По деревне ходили слухи о скорой войне и том, что «крестьянство целиком пойдет против советской власти, ибо эта власть хуже царской» [33, л. 74 об.]. Положение усугубил возникший недостаток хлеба, и прибытие практикантов обыватели трактовали сообразно: «в Советском Союзе и в особенности в Ленинграде никакого хлеба нет, люди там голодают, коммунистам там жрать нечего, поэтому, спасаясь от голода, разъедутся по деревням, чтобы здесь кормиться» [33, л. 74 об.]. Явившись в деревню без припасов, студенты столкнулись с отказом крестьян продавать им хлеб. Хозяев, пустивших их на постой, упрекали за такое решение [33, л. 82–82 об.].

В 1930 г. с развертыванием по стране сплошной коллективизации настроения крестьян стали еще более воинственными. Студенты-финны отмечали о Муринском сельсовете (Парголовский район): «хотя в деревнях и не было ярых кулаков, но настроения массы контрреволюционные, тем более зажиточных. На собраниях они организованно выступали против советских мероприятий» [29, л. 38]. В финской деревне Минолово вестна (Ленинский район) вел «антисоветскую пропаганду» некий пастор Лауриккала. В доме одного из крестьян имелось «радио с громкоговорителем, при помощи чего привлекают в свой дом крестьян даже из соседних деревень и где тогда ведут агитацию за “крестовый поход” и против советской власти» [29, л. 135 об.].

Некоторые студенты подмечали отрицательное влияние на политические настроения обывателей слухов, распространявшихся из-за границы (со стороны Финляндии и Эстонии). Характерны такие примеры: «чувствуется очень хорошо влия-

ние белой Финляндии, так как деревня близка к границе» [29, л. 106] (деревня Коркиомяки Куйвозовского района); «влияние пропаганды из-за границы» [29, л. 156] (деревня Юдикколово, там же). Некий зажиточный крестьянин в Муринском сельсовете грозил, что «скоро с Финляндии придут люди, и всех колхозников будут вешать» [29, л. 38 об.].

Враждебные выступления допускали также представители середняков и бедноты. Весной 1930 г. студенты с трудом провели общее собрание деревни Ванго-Мыза. Член сельсовета сначала даже не позволял его начать, упирая на наличие более важных вопросов. Селяне же кричали: «Не будем контрактировать молоко и не пойдем в колхоз, катитесь к черту отсюда» [29, л. 130 об.]. «У единоличников настроения не совсем здоровые, хотя они в большинстве бедняки. Имеются настроения, что у нас колхозы развалятся, и соввласти придется опять отступить», – констатировали студенты финского сектора, посетившие весной 1931 г. Агалатовский и Кавголовский сельсоветы Куйвозовского района. Они сообщали о выступлении некоего бедняка по поводу сельхозналога: «Раньше я держал на одной руке револьвер, и на второй соха. Потом на одной винтовка, а на второй соха. А теперь соху отобрали. Осталась одна винтовка. Не знаю, куда ее направить» [32, л. 119].

Практиканты, руководившие мероприятиями по коллективизации, в частности ограблением и выселением зажиточных крестьян, ощущали возникшую для них опасность со стороны части населения. Студент, активно занимавшийся раскулачиванием в Ронковицах (Волосовский район), 20 марта 1930 г. записал в дневнике: «Привез винтовку из адмотдела¹, т. к. без оружия жить теперь, когда кулаки начинают ходить по ночам, неудобно» [25, л. 117 об.].

Интересны свидетельства студентов о событиях, вызванных появлением статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Их записи запечатлели всплеск открытого сопротивления крестьян коллективизации. «Катастрофический распад колхозов» [25, л. 65 об.], – писал практикант о Молосковицком районе вскоре после упомянутой публикации. Похожая ситуация наблюдалась в Ронковицах: едва созданную артель разом покинули почти все хозяйства. На вопрос о причинах резкой смены

¹ Административный отдел райкома ВКП(б).

настроений крестьяне ответили: «мы думали, что это обязательно, а теперь прочли в газетах, что насильно нельзя, а только добровольно» [25, л. 150].

В документах отмечаются разнообразные заблуждения сельских обывателей касаясь колхозного строительства. Весной 1931 г. студент сообщал о положении в Волеярвском сельсовете (Куйвозовский район): «население не знает задач советской власти, слишком неразвитая публика, культурных сил нет. В колхозе все 100 %, но колхоз оказался больным по пущенной провокации, что если кто не вступит в колхоз, то выселят, а поэтому все вступили, и если кто уйдет, то 3 года не примут» [32, л. 23]. Неясно, о чьей «провокации» писал автор. Вероятно, имелся в виду какой-то партийный работник, ранее проводивший работу с населением в данной местности и указанным образом пытавшийся понудить его ко вступлению в колхоз.

Крестьяне же, насколько можно судить, довольно легко поддавались грубому давлению. Показательный случай описан студентами финского сектора весной 1930 г. В деревне Агала-тово Парголово-ского района они выявили двоих середняков, призывавших выгнать из деревни тех, кто записался в колхоз. Для воздействия на них был приглашен сотрудник ОГПУ, после чего оба «записались в колхоз и обещали на следующий день выступить на собрании за организацию колхоза» [29, л. 118 об.]. Надо полагать, что подобные факты явного приспособленчества практиканты расценивали как признак осознания крестьянами своих заблуждений и обретения верного понимания задач советского строительства. Такое ложное понимание действительности было, по всей видимости, следствием плохого знания ими деревни и людей в целом.

Анализ документов показывает, что отношение населения к советской власти и ее представителям ухудшалось по мере роста экономического давления на деревню. Раздражение политикой большевиков резко усилилось после начала массового колхозного строительства, усугубленного общими продовольственными затруднениями. Переход же к сплошной насильственной коллективизации стал временем наибольшего недовольства и озлобленности крестьян, что ощутили на себе авторы исследуемых документов.

Обсуждение и выводы

Рассмотренные материалы показывают, что советизация финно-угорских крестьян Северо-Запада в 1920-е – начале 1930-х гг. имела противоречивые последствия. Усилия, прилагаемые агентами советской власти для преобразования деревни, не всегда и не всюду были правильно понимаемы обывателями, часто возбуждали в них враждебность. Если просветительские мероприятия, как правило, находили живой отклик в крестьянской среде, то попытки насаждения классового антагонизма и ведения антирелигиозной пропаганды часто не встречали сочувствия, порождая пассивное сопротивление. Еще большее недовольство вызывала коллективизация.

Такое положение объясняется тем, что крестьянская масса в целом не выказывала интереса к политике как таковой, но остро воспринимала посягательства на собственные хозяйственные интересы, привычный бытовой уклад и традиционные ценности. Таким образом, конфликты, сопутствовавшие распространению новых порядков, имели не идеологические, а экономические и нравственные причины. Отношение деревенского населения к советскому руководству находилось в зависимости от того, насколько напористо и жестко последнее пыталось насаждать новые порядки. Это показывает, что, во-первых, на протяжении 1920-х гг. колонисты-нацмены в повседневной жизни оставались нередко приверженными старине, трудно усваивая представления и навыки новой культурной модели. Во-вторых, отношение к большевистскому государству напрямую зависело от степени вмешательства последнего в имущественные и хозяйственные отношения обывателей.

В то же время отказ от прежних устоев происходил зачастую помимо целенаправленной работы реформаторов. Это хорошо видно по тому, как изменялось отношение крестьян к институту церкви, терявшему культовое значение и все более выполнявшему функцию обеспечения досуга.

Национальная политика большевиков, напротив, осуществлялась часто вопреки тенденциям развития малых этнических групп. «Коренизация» финно-угорского крестьянства оказывалась оторванной от жизни, не учитывала действительного положения вещей, а именно закономерного обрусения коло-

нистов, которые порой даже противились навязывавшемуся обучению на «родном» языке.

Список литературы

1. Манаков А. Г. Изменение национального состава населения Северо-Запада России с 1897 по 1959 гг. // Псковский регионологический журнал. 2016. № 2 (26). С. 62–87. EDN: XBOEOX
2. Мусаев В. И. Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине XIX – первой половине XX вв. СПб.: Нестор, 2009. 212 с. EDN: RYVPNT
3. Ступин Ю. А. Эстонская диаспора на Северо-Западе России в 20–30-е гг. XX в.: итоги переселенческого движения // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 83–90. EDN: NBVQKH
4. Андриайнен С. В. Национальные меньшинства Ленинградской области в 1920-е гг.: расселение и хозяйственные занятия // Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании: материалы I Международной научно-практической конференции. СПб.: Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего», 2017. С. 9–14. EDN: WCNQLA
5. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барс, 1998. 321 с.
6. Ломанов В. А. Социально-экономическое положение национальных меньшинств Северо-Запада РСФСР в 1920-е гг. (на примере немцев, финнов и эстонцев) // Этнические меньшинства в истории России: материалы IV Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2023. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 149–155. EDN: VLYYWW
7. Маамяги В. А. Эстонцы в СССР, 1917–1940. 2-е изд. М.: Наука, 1990. 198 с.
8. Народы Карелии: историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с. EDN: WNFOPH
9. Деннингхаус В. Национальная политика в РСФСР в отношении нацменьшинств Запада во второй половине 1920-х гг. (на примере Ленинградской области) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 49–58. EDN: WKCOOH
10. Попов А. А., Куапала П. Новая советская национально-языковая политика в Карелии и Коми в условиях НЭПа: карелизация/финнизация и зырянизация // Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах республики Коми). Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы, 2016. С. 113–122. EDN: YPQSKV
11. Бландов А. А. Малоизвестные группы карел за пределами Карелии: история ассимиляции и современное состояние // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2020. № 5. С. 238–245. EDN: LJGBVY
12. Бландов А. А. «Нас все корелякам звали, а мы карельского языка не знаем»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 78–83. EDN: ТКВЕЕЛ
13. Ефимов А. Н. Эстонские евангелическо-лютеранские общины на Стругокрасненской земле // Псков. Научно-политический, историко-краеведческий журнал. 2018. № 49. С. 46–104. EDN: YOWNVB
14. Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карелии. Л.: АН СССР, 1928. 117 с.
15. Национальные меньшинства Ленинградской области: Сборник материалов / сост. П. М. Янсон. Л.: Орготдел Ленинградского Облсполкома, 1929. 103 с.
16. Тамби С. А. Клопицы: из истории эстонского православия // Этносоциум и международная культура. 2024. № 3 (189). С. 153–167. EDN: UIDTWS
17. Тамби С. А. Лужские эстонцы // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 85–92. EDN: ZDPHNL
18. Тамби С. А. Плюские эстонцы: из этнической истории северо-запада России (по материалам периодики) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. № 2. С. 293–311. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-293-311 EDN: WPCIAF

19. Тамби С. А. Струго-красненские эстонцы: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. № 2. С. 107–128. EDN: XUMOTZ

20. Тамби С. А. Эстонская диаспора на Дновской земле // Academy. 2019. № 7 (46). С. 35–46. EDN: LENDPU

21. Тамби С. А. Эстонская община в городе Торопце // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 7 (169). С. 99–143. EDN: DNMBLN

22. Тихомиров Н. В. Отражение повседневности карельских деревень Новгородчины конца 1920-х гг. в дневнике студенческой практики // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 3(54). С. 503–512. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.3(54).503-512. EDN: PBFZMS

23. Тихомиров Н. В. Повседневность карелов Новгородчины в наблюдениях студента-коммуниста (по материалам дневника деревенской практики 1928 года) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1041. EDN: PZWTF5

24. Тихомиров Н. В. «Советского влияния как такового совершенно нет»: новый источник по истории деревенской повседневности 20-х гг. XX века // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2024. № 4 (56). С. 18–29. EDN: KGWZEO

25. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 24. Д. 349 в.

26. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 181.

27. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 233.

28. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 282.

29. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 347.

30. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 235.

31. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 231.

32. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 397.

33. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 197.

34. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 230.

Sovietization of the Finno-Ugric Peasantry Based (on the Materials of the Leningrad Party University Students)

Nikita V. Tikhomirov

The research was based on the reporting materials of students of the Leningrad Branch of the Communist University of National Minorities of the West named after Yu. Yu. Markhlevsky, created during and following their practical work in villages in North-Western Russia in 1926–1931. Colonies of Karelian, Finnish and Estonian peasants became the objects of observation. The reports, diaries and speeches at conferences of educational sectors, reflecting various facts of everyday life of Finno-Ugric communities during the rise and collapse of the NEP and the beginning of continuous collectivization in the USSR are analyzed. These documents have not previously been subjected to a comprehensive analysis, a lot of them are introduced into scientific circulation for the first time. The work is aimed to identify the distinctive features of the everyday life of the Finno-Ugric minorities during this period. Problems of national work, the role of church organizations in peasants' life, and the latter's perception of Soviet power are considered. The contradictions characteristic of the policy of "korenization" in the region are revealed. The changes in the inhabitants' attitude towards the Bolshevik state in the context of its socio-economic activities are traced. The findings expand scientific understanding of the way of life, customs, and behavioral attitudes of the small peoples of the Russian North-West during the formation of Soviet power, the cultural revolution, and the beginning of collective farm construction.

Key words: communist university, Karelians, korenization, peasantry, KUNMZ, national minorities, everyday life, students, Finns, Estonians.

For citation: Tikhomirov, N. V. (2025) Sovetizatsiya finno-ugorskogo krest'yanstva (po materialam studentov leningradskogo partinogo vuza) [Sovietization of the Finno-Ugric Peasantry Based (on the Materials of the Leningrad Party University Students)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 46–65. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_46. EDN: BXLLLLM

References

1. Manakov, A. G. (2016) Izmenenie nacional'nogo sostava naseleniya Severo-Zapada Rossii s 1897 po 1959 gg. [Changes in the national composition of the population of the North-West of Russia from 1897 to 1959]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal]. No. 2 (26). Pp. 62–87. (In Russ.). EDN: XBOEOX
2. Musaev, V. I. (2009) *Estoniskaia diaspora na Severo-Zapade Rossii vo vtoroi polovine XIX – pervoi polovine XX vv.* [The Estonian Diaspora in North-Western Russia in the second half of the 19th – first half of the 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor. (In Russ.). EDN: RYVPNT
3. Stupin, Iu. A. (2010) Estonskaia diaspora na Severo-Zapade Rossii v 20–30-e gg. XX v.: itogi pereselencheskogo dvizheniia [The Estonian Diaspora in Northwestern Russia in the 20–30s of the 20th century: the results of the settlement movement]. *Baltiiskii region* [Baltic Region]. No. 4. Pp. 83–90. (In Russ.). EDN: NBHQKH
4. Andriainen, S. V. (2017) Natsional'nye men'shinstva Leningradskoi oblasti v 1920-e gg.: rasselenie i khoziaistvennye zaniatiia [National minorities of the Leningrad Region in the 1920s: settlement and economic activities]. *Vysokie intellektual'nye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [High intellectual technologies in science and education]. Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, The Strategy of the Future. 2017. Pp. 9–14. (In Russ.). EDN: WCNQLA
5. Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. (1998) *Istoriya karel'skogo naroda* [The history of the Karelian people]. Petrozavodsk: Bars. (In Russ.)
6. Lomanov, V. A. (2023) Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie natsional'nykh men'shinstv Severo-Zapada RSFSR v 1920-e gg. (na primere nemtsev, finnov i estontsev) [The socio-economic situation of the national minorities of the North-West of the RSFSR in the 1920s (using the example of Germans, Finns and Estonians)]. *Etnicheskie men'shinstva v istorii Rossii* [Ethnic minorities in the History of Russia]. Proceedings of the 4th International Scientific Conference. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 149–155. (In Russ.). EDN: VLYYWW
7. Maamiagi, V. A. (1990) *Estontsy v SSSR, 1917–1940* [Estonians in the USSR, 1917–1940]. Moscow: Science. (In Russ.)
8. Vinokurov, I. Yu. (2019) (ed.) *The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays* [The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika. (In Russ.). EDN: WNFOPH
9. Denningkhaus, V. (2015) Natsional'naia politika v RSFSR v otnoshenii natsmen'shinstv Zapada vo vtoroi polovine 1920-kh gg. (na primere Leningradskoi oblasti) [National policy in the RSFSR in relation to the national minorities of the West in the second half of the 1920s (on the example of the Leningrad region)]. *Ezhegodnik Mezhunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev* [Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans]. No. 1. Pp. 49–58. (In Russ.). EDN: WKCOOH
10. Popov, A. A., Kuappala, P. (2016) Novaya sovetskaya nacional'no-yazykovaya politika v Karelii i Komi v usloviyakh NEPA: karelizatsiya/finizatsiya i zyryanizatsiya [The New Soviet national language policy in Karelia and Komi in the conditions of the NEP: Karelization/Finization and Zyryanization]. *Sociokul'turnaya dinamika rossijskoi severnoj provincii: istoriya i sovremennost' (na materialah respubliki Komi)* [Socio-cultural dynamics of the Russian Northern Province: history and Modernity (based on the materials of the Komi Republic)]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby. Pp. 113–122. (In Russ.). EDN: YPQSKB
11. Blandov, A. A. (2020) Malozvestnye grupy karel za predelami Karelii: istoriya assimilyatsii i sovremennoe sostoyanie [Little-known Karelian groups outside the Karelian republic. History of assimilation and current state]. *Al'manah severoevropejskikh i baltiiskikh issledovanij* [Nordic and Baltic Studies Review]. No. 5. Pp. 238–245. (In Russ.) EDN: LJGBVY
12. Blandov, A. A. (2014) “Nas vse korelyakam zvali, a my karel'skogo yazyka ne znaem”: subetnicheskaya grupa valdajskikh karel v XX i nachale XXI v. [“We were all called Korelyaks, and we don't know the Karelian language”: a subethnic group of Valдай Karelians in the 20th and early 21st centuries]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World]. No. 4. Pp. 78–83. (In Russ.). EDN: TKBEEL
13. Efimov, A. N. (2018) Estonskie evangelicheskoe-liuteranskie obshchiny na Strugokrasnenskoj zemle [Estonian Evangelical Lutheran communities on Strugokrasnenskaia land]. *Pskov. Nauchno-politicheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pskov. Scientific, political, historical and local history journal]. No. 49. Pp. 46–104. (In Russ.) EDN: YOWNVB
14. Zolotarev, D. A. (1928) *Etnicheskie sostav naseleniia Severo-Zapadnoi oblasti i Karelii* [Ethnic composition of the population of the North-Western region and Karelia]. Leningrad: USSR Academy of Science. (In Russ.)
15. Janson, P. M. (1929) (ed.). *Natsional'nye men'shinstva Leningradskoi oblasti. Sbornik materialov* [National minorities of the Leningrad region: Collection of materials]. Leningrad: Orgodel Leningradskogo Oblispolkoma. (In Russ.). EDN: YOWNVB

16. Tambi, S. A. (2024) Klopitsy: iz istorii estonskogo pravoslaviia [Klopitsy: from the history of Estonian Orthodoxy]. *Etnosotium i mezhnatsionalnaia kul'tura* [Ethnosocium and international culture], No. 3 (189). Pp. 153–167. (In Russ.). EDN: UIDTWS
17. Tambi, S. A. (2017) Luzhskie estontsy [Luga Estonians]. *Finni-ugorskii mir* [The Finno-Ugric world], No. 2. Pp. 85–92. (In Russ.). EDN: ZDPHNL
18. Tambi, S. A. (2019) Pliuskie estontsy: iz etnicheskoj istorii severo-zapada Rossii (po materialam periodiki) [Plus Estonians: from the ethnic history of the North-West of Russia (based on periodicals)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], Vol. 13. No. 2. Pp. 293–311. (In Russ.). EDN: WPCIAF
19. Tambi, S. A. (2018) Strugo-krasnskie éstontsy: istoriia i sovremennost' [The Strugo-Krasnye Estonians: History and modernity]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], No. 2. Pp. 107–128. (In Russ.). EDN: XUMOTZ
20. Tambi, S. A. (2019) Estonskaia diaspora na Dnovskoi zemle [The Estonian Diaspora in the Dnovskaya land]. *Academy* [Academy], No. 7 (46). Pp. 35–46. (In Russ.). EDN: LENDPU
21. Tambi, S. A. (2022) Estonskaia obshchina v gorode Toroptse [Estonian Community in the City of Toropets]. *Etnosotium i mezhnatsionalnaia kul'tura* [Ethnosocium and international culture], No. 7 (169). Pp. 99–143. (In Russ.). EDN: DNMBLN
22. Tikhomirov, N. V. (2024) Otrazhenie povsednevnosti karel'skikh dereven' Novgorodchiny kontsa 1920-kh gg. v dnevnike studencheskoj praktiki [Reflection of the everyday life of Karelian villages of Novgorod region in the late 1920s in the diary of student practice]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Novgorod State University], No. 3 (54). Pp. 503–512. (In Russ.). EDN: PBFZMS
23. Tikhomirov, N. V. (2024) Povsednevnost' karelov Novgorodchiny v nabliudeniakh studenta-kommunisty (po materialam dnevnika derevenskoj praktiki 1928 goda) [Everyday life of Karelians in Novgorod region in the observations of a Communist student (based on the materials of the diary of village practice in 1928)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], Vol. 46. No. 4. Pp. 43–48. (In Russ.). EDN: PZWTF5
24. Tikhomirov, N. V. (2024) "Sovetskogo vliianiia kak takovogo sovershenno net": novyi istochnik po istorii derevenskoj povsednevnosti 20-kh gg. XX veka ["There is absolutely no Soviet influence as such": a new source on the history of rural everyday life in the 20s of the 20th century]. *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the State Social and Humanitarian University], No. 4. Pp. 18–29. (In Russ.). EDN: KGWZEO
25. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii* [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)] (hereinafter – RGASPI). F. 529. Op. 24. D. 349 v.
26. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 181.
27. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 233.
28. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 282.
29. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 347.
30. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 235.
31. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 231.
32. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 397.
33. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 197.
34. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 230.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

About the author

Tikhomirov Nikita V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Source Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

Статья поступила в редакцию 14.06.2025
Одобрена после рецензирования 25.06.2025
Принята к публикации 08.07.2025

Прикладная и производственная деятельность цыганского населения России в XIX – первой трети XX в.*

А. Ю. Анфимова

О быте и жизни цыганского населения России сложились устойчивые стереотипы, подчас негативного характера. Однако реальная жизнь цыганских общин была иная. Исторически цыганское население южных регионов было преимущественно осёдлым, а не кочевым. Большинство таборов северных регионов вели полукочевой образ жизни, сбывая продукцию своего ремесла, различные товары или нанимаясь на временные работы. Профессиональных научных исследований по теме производственного уклада российских цыган крайне мало. Цель настоящего исследования – раскрыть сущность и развитие производственного уклада жизни российских цыган и обозначить дальнейшие задачи исследований по данной тематике. В статье кратко освещены основные типы и виды цыганских производственных ремёсел и промыслов в разных регионах Российской империи и в довоенный период СССР. В исследовании использованы материалы полевых исследований автора, осуществлённые в течение многих лет, а также неопубликованные документы, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: цыгане, промыслы, производственный уклад, Российская империя, СССР начала становления.

Для цитирования: Анфимова А. Ю. Прикладная и производственная деятельность цыганского населения России в XIX – первой трети XX в. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 66–92. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_66. EDN: FQBYOX

Введение

Цыгане – многочисленные этнические группы, проживающие в большинстве стран мира. Цыгане разных стран очень сильно отличаются друг от друга не только языковыми характеристиками, но и бытом, традициями, внешним видом, занятиями. В Российской империи (РИ) цыгане проживали, по имеющимся научным источникам с XVI в., в южных регионах с XIV в. Со времени расселения цыган в Европе и Российской империи эти самобытные этнические группы стали привлекать внимание исследователей. В России XIX в. стоит отметить работы А. И. Защука [1], М. М. Плохинского [2], В. Н. Добровольского [3] и других авторов. Но аналитических исследований производственного уклада и причинно-следственных связей поведенческих аспектов не проводилось. В советское время систематизированные изыскания отсутствовали. Были лишь отдельные труды некоторых учёных, например В. И. Санарова [4], К. Крыжановской [5], Л. Н. Черенкова [6], И. А. Андронниковой [7], а также работы непрофессиональных исследователей, таких как Е. А. Друц и А. Н. Гесслер [8]. В российской науке в последнее время возрос интерес к истории и этническому многообразию цыганских групп. Появились профессиональные научные исследования, в первую очередь это работы Н. Ф. Бугая [9], А. В. Филимонова [10], М. В. Смирновой-Сеславинской [11]. Среди трудов, касающихся производственного уклада, интерес представляют работы О. М. Зарубиной [12], В. Н. Шкунова [13], В. Н. Шайдурова [14], Н. Г. Деметер [15], А. В. Черных [16], О. В. Ларюшкина [17], а также некоторые публикации независимых исследователей Н. В. Бессонова [18], С. М. Габбасова [19]. Изучение темы затруднено тем, что цыгане РИ до 30-х гг. XX в. не имели своей письменности, все аутентичные источники относятся к нарративу, поэтому полевые методы исследований представляют большую ценность. В настоящей статье автор методами исторических, статистических и полевых исследований предпринята попытка систематизировать имеющийся материал с точки зрения анализа производственных укладов цыганских общин в Российской империи и первых лет советской власти.

Целью работы является систематизация и периодизация имеющихся данных о промысловых и производственных укладах цыган в Российской империи. В научный оборот вводятся

некоторые архивные материалы Вологодской области о записях цыган в купеческое сословие и документы Государственного архива РФ из отчётов Центрального исполнительного комитета. Также приводятся авторские данные, полученные методом интервьюирования цыганских жителей различных регионов СССР и РФ за период полевых исследований в течение 1977–2014 гг.

Результаты

Большинство цыган изначально являлись ремесленниками, ещё в византийский период они были отмечены также как дрессировщики различных животных. Древние источники определяли основные занятия цыган Византии, как кузнечество, обработка металла [20]. Упоминаний о других ремеслах не имеется. С расширением популяции часть цыганских групп начала перемещаться на Балканы и постепенно развивать новые ремёсла, пользующиеся спросом у местного населения: плетение сит и корзин, деревообработку, изготовление саманных кирпичей и т. д. [21].

С течением времени производственный уклад цыганских общин претерпевал изменения. Так, например, в древних источниках нет упоминаний о занятиях цыган лошадьми. Не видим мы лошадей и среди изображений цыган у художников XIII–XIV вв. В изобразительных произведениях в основном фигурируют ослы, возможно, мулы. Первые лошади у цыган появляются на гравюрах Жака Кало в середине XV в., что даёт повод предположить отсутствие у цыган лошадей в быту в их византийский и балканский периоды. Впрочем, в Бессарабии вплоть до 40-х гг. XX в. цыгане перемещались в основном на ослах и волах, запряжённых в арбу. Лошади издавна считались дорогой собственностью, поэтому приобрести их могли только обеспеченные люди. Ремесленники-цыгане не были богатыми людьми и вряд ли могли позволить себе дорогой вид передвижения. Впрочем, до XIV в. цыгане в границах Византийской империи проживали осёдло и никуда особенно не перемещались. В начале XIII в. большая часть Европы была завоёвана Золотой Ордой. Для кочевников лошади были основным средством передвижения и пропитания, поэтому цена монгольской лошади не была высокой. Территория Крыма, до нашествия монголо-татар входившая в Византийскую империю, осталась под властью татарских ханов. Вероятно, что

цыгане населяли Крым уже в византийский период. Поскольку основным видом деятельности византийских цыган было кузнечество, очень необходимое для разведения лошадей и изготовления оружия ремесло, цыгане не истреблялись во время частых военных действий. Поэтому неудивительно, что ни татары, ни османы цыган не трогали во время своих нашествий. Хорошие ремесленники на Востоке всегда ценились. Впоследствии крымские цыгане так же, как и татары начали разводить лошадей и даже употреблять их в пищу, что недопустимо у прочих этнических цыганских групп. Поэтому логично предположить, что лошадь появилась в цыганском быту в XIII–XIV вв. И именно этот факт позволил цыганам быстрее осваивать новые регионы сбыта своей ремесленной продукции.

Производственный уклад предполагает два основных направления: обеспечительный – направленный на производство изделий для собственного быта; и профессиональный – производство изделий для заработка. Работавшие изначально в основном по металлу, цыгане практически всё необходимое им в быту производили из металла (посуда, котлы, орудия производства и т. п.) Безусловно, большая часть ремёсел возникла из обеспечительного уклада. Но поскольку любое ремесло требует определённого мастерства и условий производства, то со временем сложились предпосылки для разделения ремесленного труда. Цыгане не были исключением.

Ремесленный уклад предполагает два основных типа производства изделий: под заказ и на продажу. Первый, как правило, индивидуальный и соответственно более дорогой. Изготовление изделий под заказ требовало большего времени и высокого качества. За них хорошо платили. Однако дорогие заказы бывают не часто. Поэтому основную долю ремесленного производства составляют изготовленные на продажу изделия, как правило, пользующиеся широким спросом и недорогие. Именно такие изделия различных видов цыганских ремёсел – будь то гвозди, корзины, ложки, или корыта, стали предметом основных торговых сделок цыганских общин. Следует отметить тот факт, что женщина в семье цыгана-ремесленника (в отличие от восточных женщин) не только вела домашнее хозяйство, но и активно помогала мужу в его ремесле [22]. Если он занимался обработкой металла, женщина помогала ему разводить

огонь в кузне, раздувать меха, держать щипцами заготовку. Занимались женщины и другими мелкими производствами наравне с мужчинами. Также женщины в семьях цыганских ремесленников активно участвовали в продаже ремесленных изделий совместно с мужчиной, если это были объёмные изделия, или самостоятельно, если изделия были мелкие или лёгкие. В восточных регионах, включая Крым, цыганские женщины торговали косметическими средствами [19].

Все промысловые занятия цыган можно разделить на основные и вспомогательные. Основными занятиями у разных этнических групп являлись те промыслы, которые обеспечивали семью материально. Вспомогательные в основном служили для добычи повседневного пропитания. Стоит отметить, что вспомогательные виды появились в тот период, когда основные виды промыслов перестали приносить регулярный доход. Мужчина, уходя на промысел, мог и не заработать денег на пропитание, и эта обязанность ложилась на плечи женщины и детей. В различные периоды развития цыганских общин роль основных и вспомогательных промыслов могла меняться. Так, например, торговля в начальный период являлась вспомогательным видом промысла, а с течением времени у многих групп стала основным. Надо отметить, что переходили цыгане от одного вида промысла к другому далеко не сразу. Патриархальный уклад цыганского производства предполагал, что все потомки рода обязаны с детства учиться ремеслу, который был исторически свойственен данному роду, и продолжать его. Именно по этой причине цыгане очень сложно изменяли свой жизненный производственный уклад. Они предпочитали менять место жительства на новое, но сохранять привычное для них ремесло. Однако, с учётом разрастания родовых общин (*таборов*), рынки сбыта быстро уменьшались.

Были примеры, когда цыгане одного табора (рода) объединялись в артели для выполнения крупных заказов. Реже в артели объединялись цыгане разных таборов, но одной этнической группы и единого производства, например лудильщики (медники) или кузнецы. Такая производственная кооперация существовала вплоть до конца XX в.

Цыгане, освоив новый более быстрый вид транспорта – лошадь, стали осваивать и новые ремёсла, необходимые для

управления ею: шорничество, кожевничество и др. Они стали изготавливать сбруи, сёдла, кнуты, сапоги – в первую очередь для собственного потребления. Перемещаясь из региона в регион уже более мобильно, молодые цыгане, общаясь с новыми потребителями их продукции, узнавали об иных потребностях жителей и начинали осваивать новые ремёсла: деревообработку, изготовление сит, корзин, кирпичей. Заметим, что последний вид ремесла не предполагал активного перемещения. Переселяясь с Балкан всё дальше вглубь Европы и в Дунайские княжества, в XV в. цыгане проживали там преимущественно осёдло, занимаясь скотоводством, частично земледелием, подражаясь на уборку урожая, добычу руды, строительство, даже в мануфактурные производства, которые в Европе к этому времени начали развиваться. В XVI в. среди цыган уже было много сапожников, ювелиров, оружейников. Дрессировщики разных животных и музыканты также сохранили свои промыслы. Работа с лошадьми сделала из цыган отличных коновалов и знатоков этих животных. Мужчины также водили медведей на ярмарках. В южных регионах медведями «лечили» суставы. К XVI в. цыганские общины владели уже многими ремесленными промыслами, что давало им возможность различного заработка. Та часть цыган, которая жила осёдло, преимущественно сохраняла родовые старые или приобретённые новые виды ремёсел, также освоила земледелие. Те же, кто искал новые рынки сбыта, постепенно осваивали и новые для себя ремёсла. Надо отметить, что лошадь играла важную роль в жизни далеко не всех цыганских этногрупп. Так, например, цыгане Бессарабии, как уже было упомянуто выше, использовали для передвижения волов и ослов, которые имели гораздо меньшую мобильность. Но, видимо, их миграции имели и небольшую дальность перемещения. Кэлдэрары, которые занимались лужением и обработкой металлов, использовали лошадей исключительно как средство передвижения [24]. И когда появились новые современные виды транспорта, они с лёгкостью поменяли лошадей на поезда, пароходы и машины. В отличие от них польские, прибалтийские и русские цыгане использовали лошадей не только как часть семейного промысла, но и как основу производственного и жизненного уклада. Для многих представителей этих групп лошадь была очень важным эле-

ментом быта и предметом гордости, признаком статуса. Такой уклад сохраняется у многих представителей этих групп до настоящего времени, несмотря на индустриальный прогресс.

Постепенно перемещаясь из Юго-Восточной Европы на север и восток, цыгане осваивали новые земли. Так в Малороссии, где плодородная земля позволяла местным жителям жить в достатке, многие цыгане стали жить осёдло и приняли местный жизненный уклад – обрабатывали землю, выращивали скот и птицу. В Белороссии цыгане также жили осёдло уже в XVIII в., среди экономических укладов были развиты мануфактурные производства, также они работали на разных заводах (например, кирпичных). Иными словами, уже в XVIII в. на территории РИ цыгане осваивали фабричные производства. Цыгане, проживавшие осёдло в селениях, занимались хозяйством и ремеслами (наибольшее распространение получило изготовление обуви, в первую очередь, сапог) [25]. Те же таборы, которые двинулись вглубь Российской империи, столкнулись не только с более суровым климатом страны, но и с бедностью большей части среднерусского крестьянства, которое вело сельское хозяйство на территориях рискованного земледелия. Урожаи в нечернозёмных зонах были нестабильными и не такими богатыми, как в южных регионах. Так, например, по отчётам московских чиновников, крестьянский труд Подмосковья не окупался, и большинство крестьян было вынуждено зимой искать дополнительных заработков в город [26]. Нужда заставила русских крестьян осваивать дополнительные ремёсла для обеспечения своего быта. Поэтому в большинстве деревень были мастера почти всех видов народных промыслов, что существенно сократило спрос на изделия цыганских ремесленников. Цыганам пришлось перестраивать свой бытовой и производственный уклад под нужды российского крестьянства. В первую очередь доминирующим видом дохода стала торговля. У вольных цыган было преимущество перед закрепощёнными на земле крестьянами. Большие расстояния делали выгодной почти любую торговую деятельность. Цыгане скупали на ярмарках необходимые крестьянам товары и привозили их в деревни, а из деревень везли на ярмарки продукцию сельского хозяйства. Зачастую действовал и натуральный обмен. Именно поэтому большинство цыган, как только получили возможность запи-

саться в купеческое сословие, сразу это сделали. Купцы имели возможность беспрепятственно перемещаться с коммерческой целью по региону. Большинство цыган занималось мелкой торговлей и записывалось в купцы третьей гильдии. Особо удачливые цыгане, сохранившие связи с родственниками в Европе, налаживали оптовую торговлю, например, возили соль, сахар, муку и другие товары в Польшу и Прибалтику – становились купцами второй гильдии. Самые удачливые цыгане-лошадники разводили лошадей и записывались в купцы первой гильдии. Их было немного, поскольку хорошие лошади стоили дорого, и для их разведения требовался внушительный капитал. Известны цыгане-лошадники, которые продавали лошадей за рубеж, поставляли в армию, и даже к императорскому двору.

Большая часть русских цыган промышляла не разведением лошадей, а меной, коновальством и барышничеством. Барышничали даже хоровые цыгане в свободное от основной работы время. *Барышничество* – посредничество между покупателем и продавцом, позволяло участвовать в сделке и либо помочь повыгоднее продать лошадь, либо повыгоднее купить. У барышников существовал свой кодекс чести, нарушать который они не смели. Даже участники конных рынков отмечали порядочность цыган в сделках. Им даже доверяли деньги (например, на размен, и те всегда приносили всё до копейки, не обманывали) [26]. Это не значит, что при продаже коней цыгане не скрывали недостатков. Тут уж все участники торга знали, что может быть подвох, но сами шли на риск. Мена лошадей обычно проходила в деревнях (реже на рынках с доплатой). Обычно кочевые цыгане забирали у крестьян с доплатой (как правило, продуктами, или тканями, одеждой) плохонькую лошадь, взамен отдавая лошадь получше. Эту крестьянскую лошадь на вольных пастбищах подкармливали и меняли другим крестьянам [22].

С углублением в центральную бедную крестьянскую Россию, цыгане обрели новые для себя виды промыслов, такие как извоз всех видов (ломовой и пассажирский), возделывание (пахота, боронение) крестьянских наделов, выращивание скота и птицы. Эти виды производственных промыслов многие цыгане сохранили до настоящего времени. Как и в южных регионах, цыгане по возможности нанимались на различные работы: пастухами, на перевозку различных грузов, строительство,

уборку урожая, добычу руды, лесоповал и др. За свой труд цыгане просили очень не много, зачастую брали натуральными продуктами, поэтому их часто охотно принимали на работу. В Санкт-Петербургской губернии цыгане даже занимались сплавом леса по р. Волхов [19].

Механизм разделения рынков сбыта ремесленной продукции между родственными цыганскими общинами (таборами), был перенесён русскими цыганами и на торговые сделки. Цыганские семьи обычно в тёплое время года концентрировались вокруг крупных городов, где проходили ярмарки. Ярмарки давали возможность приобретать самые различные товары и развозить их по региону, реже по нескольким регионам, на продажу. Главы родов (таборов) обычно собирались вместе во время проведения ярмарки и обсуждали между собой дальнейшие маршруты семейств, чтобы не мешать друг другу. На этих ярмарочных сходах цыганские купцы обычно оплачивали все необходимые сборы и пошлины, оформляли документы на торг, подорожные карты. Подтверждали свою принадлежность к гильдиям. После окончания ярмарки цыгане следовали установленным по договорённости маршрутам. Такая практика имела место в центральной России, где русских цыган в XIX в. проживало уже большое количество. Стоит отметить, что договорённости заключались, как правило, только между родственными таборами. В XIX в. в Центральной России стали появляться переселенцы с южных регионов и иностранные таборы, которые могли заниматься аналогичными ремёслами или торговлей. Чужаков русские цыгане принимали недружелюбно. Никаких переговоров с ними не вели. Имели место и стычки между чуждыми таборами за регион сбыта. Но это случалось крайне редко, поскольку большие территории страны давали много возможностей для поиска незанятых конкурентами мест.

Русские цыгане вели, как правило, полуосёдлый образ жизни. В холодное время года они арендовали дома в городах или в деревнях, некоторые имели собственные дома. В зимнее время занимались в основном ремёслами, изготавливая изделия на продажу. Возили крестьянам дрова. Подражались на разные работы. Детей отдавали в школы. В тёплое время года после окончания крестьянских работ таборы собирались в торговые поездки. Если зимы были не очень холодные, то торговлей

занимались и в зимнее время. Сами цыгане не считали себя кочевниками и редко употребляли слово «кочевать». Обычно они говорили о себе – «мы ездили»¹. И это более точное выражение, поскольку их миграции, как правило, имели очень чёткий маршрут и ареал движения. К осени большая часть торговцев возвращалась домой к месту приписки. Имели место случаи, когда крупные таборы мигрировали довольно долго в поисках лучших для обеспечения семьи экономических условий, задерживаясь на год-два и дольше на одном месте. А когда находили подходящий город, оставались там на постоянное жительство, обзаводились собственными домами. Такая практика лишь подтверждает тот факт, что основной причиной миграции были не привычки, как утверждали многие ранние исследователи, а поиск лучшей жизни для своей семьи. Переход в мещанское сословие во многом способствовал тому, что цыгане приобретали желание лучшей жизни для себя и своих детей, и стали стремиться к этому. Поэтому к концу XIX в. большая часть русских цыган проживала или осёдло, или полусёдло, мигрируя в тёплое время с коммерческими целями.

Большое недоумение тех, кто описывал быт цыган в XIX в., вызывал именно факт миграций целыми семействами, вместе со стариками и детьми, а подчас и со скотиной и птицей. Причина заключается в патриархальном укладе жизни цыганских общин. Большая цыганская семья состояла, как правило, из трех-четырёх поколений. Так, например, Каинский табор Томской губернии, описываемый Зарубиной, насчитывал 139 чел. родственников. Все взрослые были записаны либо в купеческое сословие, либо в ремесленное – кузнецами [12].

В цыганской патриархальной семье обустройством быта занималась женщина. Существовало строгое разделение между мужскими и женскими занятиями. Мужчина обеспечивал семью, женщина – пропитание для семьи. Эта традиция распространена среди многих восточных народов. Если восточная семья куда-либо едет, то едет всем составом вместе с детьми. Считается, что дети обязательно должны быть под присмотром старших и помогать в делах. Женщины и дети, как уже отмечалось, тоже участвовали в обеспечении семьи в первую очередь продовольствием. Очень уважаема у цыган была жена-добыскара

¹ Записано Анфиимовой А. Ю. от Козловской М. П. г. Сафоново Смоленской области, 1994 г.

(добытчица), которая уйдёт утром с пустыми руками, а к вечеру вернётся с полной котомкой еды¹. Как правило, женщины брали с собой на заработки маленьких детей. Они пели и плясали на ярмарках, реже по домам. Многие женщины выступали с дрессированными мелкими животными, с балаганными представлениями на ярмарках. Женщины также занимались гаданием. Просили подаяние. Стоит отметить, что далеко не у всех цыган была такая практика. Например, у кэлдэрар долгое время женщины гаданием и попрошайничеством не занимались. Этот промысел был отмечен у них с начала XX в. Как уже было сказано выше, проживая среди различных народов, цыгане подстраивались под их традиции и экономически. Так, например, в византийский период не было упоминаний о том, что цыгане просили милостыню, зато часто они выступали заклинателями змей. Гадали цыгане изначально только по руке. Хиромантия была широко распространена в Индии. А вот гадание на картах появилось значительно позже – в XIV в. Сами цыгане признают, что настоящих предсказателей среди них немного – это дар. Всё остальное является ремеслом, основанном на хорошем знании психологии людей и наблюдательности. До XXI в. профессиональных гадалок (имеющих свой салон) среди цыган РФ не было. Это был лишь дополнительный вид заработка.

Пропошайничество среди цыган также распространилось не сразу и не везде. В Западной Европе оно не приветствовалось. В Российской империи исторически сложился своеобразный культ нищенства и подаяния бедным. Просить бедному о подаянии было не зазорно и не преступно, а подавать сирому и убогому считалось делом богоугодным. Цыгане очень быстро приняли это к сведению и стали использовать для дополнительного заработка. Впрочем, как правило, они выпрашивали самые недорогие или ненужные вещи, которые хозяевам было отдать не жаль, а поэтому не вызывали отторжения у местного населения. К цыганам в Российской империи местное население в целом относилось лояльно. Кроме того, в отличие от прочих иноземцев, большинство цыган были православными, что встречало одобрение среди жителей России. В целом в Россий-

¹ Записано Анфимовой А. Ю. от Абауровой (в замужестве Ильинской) Зинаиды Николаевны 1939 г. р. в г. Москва в 1993 г.

ской империи можно отметить два сложившихся полностью противоположных мнения о цыганах:

- 1) абсолютно никчёмный бесполезный народ, тунейдец [27];
- 2) очень полезны крестьянству своими недорогими услугами и умениями [5].

Первое мнение обычно отражало отношение к цыганам официальных представителей власти, что неудивительно. Учитывая, что РИ была аграрной страной, для властей естественным занятием населения являлось сельское хозяйство. Официальные власти не уделяли внимания тому, что основными занятиями у цыган были ремёсла и торговля.

Второе мнение о цыганах – обывательское. Очевидцы отмечали, с каким нетерпением крестьяне (особенно бедные) ждали появления цыганского табора, да и зажиточные тоже. Первые видели в цыганах продавцов недорогих услуг и товаров, вторые – дешёвую рабочую силу.

Как было отмечено выше, к середине XIX в. среди русских цыган первое место по доходной части семейного бюджета занимала торговля преимущественно мелкими товарами. Также цыгане освоили ремёсла по пошиву обуви, верхней одежды и головных уборов (этот вид деятельности сохранился до настоящего времени), плотницкие работы и другие полезные виды труда. С принятием указов, позволявших цыганам записываться в мещанское сословие, многие цыгане-ремесленники стали обживать окраины крупных городов, организуя ремесленные артели и торговые лавки. Наиболее удачливые обзаводились даже собственными питейными заведениями, как правило трактирами. Работали ямщиками, ломовыми извозчиками. Содержали цыгане и почтовые станции на оживлённых трактах.

До конца XVIII в. музыкальное творчество не было у русских цыган отдельным видом заработка, цыганки подрабатывали песнями и плясками на ярмарках, устраивали балаганные представления. Профессиональные музыканты среди цыган были только в Молдавии и Крыму. В этих регионах музыка была промыслом исключительно мужчин. В их оркестрах не было вокалистов, только музыканты. Когда в конце XVIII в. вошли в моду цыганские профессиональные хоры, некоторые цыгане перешли в эту категорию, которую прочие цыгане именовали пренебрежительно «тарелочники» [22]. Это пренебрежительное

отношение к артистам сохранилось у цыган до настоящего времени. Хотя многие талантливые представители цыганского народа мечтали попасть в хор, это было не так просто. В хорах также присутствовала семейственность, и чужих туда принимали неохотно. Однако, попав в профессиональный хор, цыгане сразу поднимались на совершенно иной социальный уровень в глазах соплеменников и даже людей иных сословий. Большинство представителей цыганских хоров были людьми обеспеченными. Снимали большие дома, держали прислугу, детей отдавали в учебные заведения [28]. С популяризацией цыганского творчества таборных цыган тоже начали приглашать в зажиточные дома для развлечения хозяев и их гостей.

Надо признать, что далеко не все полукочевые цыгане были безграмотными. Исследователи отмечали, что цыгане хорошо разбирались в законодательстве, часто пытались отстаивать свои права в суде. Многие владели несколькими языками, умели читать и писать. Очень часто цыгане подавали прошения о наделении их землёй и выделении ссуд на постройку дома и приобретение скота, что лишь подтверждает тот факт, что цыгане вовсе не были кочевниками. Многие из них сами стремились к осёдлой жизни. В XIX в. в Смоленской губернии перепись показала, что цыгане работали даже писарями. А в одном из сибирских городов глава цыганского семейства – купец 3-й гильдии был избран обществом в «добросовестные свидетели» [12], что говорит о глубоком доверии и уважении к нему горожан.

Цыгане были грамотными и экономически и вкладывали свои сбережения в различные доходные отрасли. Следует сказать о том, что состоятельные певицы имели доходные дома в Москве, а также счета в банках, т. е. они вкладывали средства в пассивный доход, заботясь о своём экономическом благополучии. Но самым главным средством сбережений у большинства цыган было золото. Золото является универсальным платёжным средством, и цыгане исторически его использовали. Золото не тратили, копили на чёрный день.

Отдельным видом деятельности у русских цыган была служба в армии. Изначально их так и называли *хладытко рома* – военные цыгане. Служили цыгане на воинской службе в различных государствах издавна. Имеются исторические свидетельства об участии их в обороне различных городов. Отмечалась их во-

инская удадь. Поскольку цыгане были хорошими наездниками, они состояли на службе преимущественно в кавалерийских частях и в казацких подразделениях [29]. Цыгане принимали участие во всех известных войнах. Они не только призывались в армию принудительно, но и записывались в рекруты добровольно. Но отдельно следует сказать о сотрудничестве цыган с войсковыми подразделениями. С давних времён цыганские таборы в разных странах сопровождали войсковые части. За интендантскими обозами шли цыганские таборы. Они обслуживали войсковые части: подковывали лошадей, чинили сбруи и сёдла, правили холодное оружие, лечили и объезжали коней. В 1843 г. на Тамани привлекли к обслуживанию военных структур 420 цыган. Из них формировались даже войсково-рабочие роты [30]. Эта практика продолжалась вплоть до Великой Отечественной войны. Нанимали цыган и для выполнения определённых работ. Очень подробно описывал ремонтёр дивизии С. М. Будённого Ф. Кудрявцев о том, как цыгане объезжали американских мустангов для Красной армии [31].

В результате анализа различных видов ремесленной и производственной деятельности цыган в Российской империи было выявлено, что основными видами заработка для большинства цыган являлись различные ремёсла, торговля и работа на подрядах. Все остальные виды промыслов были второстепенными, включая мелкое воровство и конокрадство. Это темы для отдельных исследований, поэтому ограничимся лишь их краткими характеристиками. Многие цыгане действительно сами подтверждали, что брали то, что «плохо лежит, когда совсем худо было» [18]. Это отмечали и крестьяне. Впрочем, на мелкое воровство многие крестьяне смотрели сквозь пальцы. В целом маргинализации и криминализации цыганских общин способствовали те же причины, что и у всех других народов: плохой сбыт товаров и услуг при понижении платёжеспособности спроса, общий экономический спад, неурожай и т. д.

Конокрадство считается цыганским промыслом. Но и это лишь распространённый миф. Исследователи отмечают, что на цыган частенько сваливали ответственность за конокрадство, учитывая их мобильность, чтобы отвести подозрения от местных воров. Такие примеры отмечены среди казачества [32]. В Псковской области цыгане по участию в конокрадстве

занимали лишь 16 % от общего количества преступников [10]. А вот скупали цыгане краденых лошадей часто и продавали на ярмарках в других регионах, т. е. они «барыжничали» и тем самым давали повод обвинять их в этих преступлениях.

Всего в процессе анализа различных источников нами было выявлено 35 видов ремёсел и деятельности цыган различных этнических групп в период с XVI по XX в. Основные виды занятий цыганского населения Российской империи представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные виды занятий цыган по регионам Российской империи в XIX в.

Регион РИ	Вид занятий	Этногруппы	Вид проживания	Период
Центральные губернии	Торговля, скотоводство, найм, ремёсла	Русска-рома, польска-рома, сэрвы	Осёдлый, полусёдлый	С XVII в.
Северо-Запад и Белороссия	Торговля, скотоводство, сельское хозяйство, ремёсла, найм	Русска-рома, польска-рома, лотвы, финска-рома	Осёдлый, полусёдлый	С XVII в.
Малороссия, Новороссия	Торговля, скотоводство, сельское хозяйство	Польска-рома, сэрвы	Осёдлый, полусёдлый	С XVI в.
Поволжье и Сибирь	Торговля, скотоводство, сельское хозяйство, ремёсла, найм	Русска-рома	Осёдлый, полусёдлый	С XVIII в.
Бессарабская губерния	Скотоводство, сельское хозяйство, ремёсла	Молдавайя, кэлдэрарэ, влахи, кишинёвцы	Осёдлый	С XIV в.
Крым	Торговля, скотоводство, сельское хозяйство, ремёсла, найм	Крыморэ/татарчэ, влахи, кишнёвцы, сэрвы	Осёдлый	С XIII в.
Азиатские губернии	Торговля, ремёсла нищенство	Люли (мугат)	Осёдлый, полусёдлый	С XIII в.
Северо-Кавказский регион	Торговля, ремёсла	Боша	Осёдлый	С XIII в.

*Сост. авт.

К концу XIX в. у старожильческих цыган Российской империи в целом закончилось расселение по регионам страны, включая

Сибирь. Большинство из них к этому времени вели осёдлую или полуосёдлую жизнь и занимались самыми различными видами деятельности. Так, например, по данным переписи 1897 г. деятельность цыган Сибири включала:

- земледелие – 286 чел.,
- торговля в целом – 514,
- услужение – 256,
- ремесленная и промышленная – 140,
- медицинская (знахарство и коновальство) – 85,
- прочая – 533 (найм на временные работы) [25].

Иными словами, из всего списка – 30 % занимает торговля, 25 % – сельское хозяйство, 30 % – временные работы.

Крымские цыгане, по воспоминаниям Л. Н. Селимова, «выращивали сады, виноградники, занимались огородничеством и бахчевыми культурами, орешниками, кизилом, миндалем, выращивали коноплю и хмель. Первая культура – это масло, полотно (одежда, паруса, палатки-шатры), канаты, пенька. Вторая культура была предназначена для использования её в виноводочной и пивной отрасли, но в основном хмель шел на материковую часть Р. И. (до этого в Европу и Турцию). Фрукты и овощи цыгане *вывозили на арбах, запряженных верблюдами*, к местам оптовых закупок. Это: Эски-Кырым, Джанкой, Керчь. Были целые кланы " арабажилер" – это извозчики грузов, которые приходили в порты Севастополя, Евпатории, Феодосии, Керчи и Ялты»¹.

В Бессарабской губернии, по данным переписи 1897 г., среди цыган из 2272 чел. значились по видам деятельности:

В управлении – 5 чел.

Военнослужащих – 3.

Образование, наука, культура и медицина – 6 чел.

Рантье – 23 (сдавали в аренду, скорее всего, земельные участки) [33].

Эти сведения дают представление о том, что к концу XIX в. в Бессарабии цыгане уже занимали видные должности. И некоторые имели пассивный доход от своего имущества. Также цыгане были заняты:

- в промышленности (ремесле) – 1 264 чел.,

¹ Записано Анфимовой А. Ю. от Селимова Леонида Николаевича (1953–1921) в п. Коктебейль республики Крым в 2013 г.

- земледелии и животноводстве – 546,
- транспорте – 339,
- услужении – 150,
- неопределенных занятий – 156 чел.

По сословиям: мещане – 4809 чел., крестьяне – 3777, дворяне – 1, почётные граждане – 6 чел.

Если проанализировать развитие цыганских общин в Европе и Российской империи, можно заметить, что в тех странах, где были антицыганские законы, цыгане в основном сохраняли свой патриархальный производственный уклад. В регионах, где к ним относились лояльно: в Крыму, Малороссии, Белороссии и Великороссии, цыгане очень быстро социализировались. Многие проживали оседло, стали заниматься земледелием, как и окружавшие их местные жители. Россия дала цыганам равные возможности наряду с остальными подданными и даже преимущества по сравнению с крепостными крестьянами. У многих цыган появилось стремление жить лучше. Если в Бессарабии в начале XIX в. цыгане говорили: «хлеб есть – уже счастье, а каса (хата) – не важно», то в Малороссии многие цыгане уже в XV в. мечтали о собственном доме и хорошем хозяйстве, чем и обзаводились. Серьёзные изменения можно наблюдать на примере бессарабских и молдавских цыган после отмены крепостного права. По переписи 1852 г. там числились среди цыган преимущественно домовые (подневольные) работники и ремесленники – 4866 чел. и земледельцы (также в основном крепостные) – 4922 чел. [1]. У одного только помещика из селения Маракочы наряду с музыкантами, котельниками, кузнецами было 185 крепостных сапожников [5]. Перепись 1897 г. показала, что среди цыган числятся шесть почётных горожан и даже один дворянин! Таким образом, через 30 лет после отмены крепостничества цыгане существенно повысили свой социальный статус, пусть даже некоторые.

Проанализировав источники, можно отметить, что уже в XV в. среди цыганского населения произошло расслоение по материальному состоянию. Очевидцы отмечали, что среди цыган имеются как очень богатые люди, так и совсем нищие, живущие подаянием. Это частично можно объяснить тем, что продолжалась миграция цыганского населения из стран Европы в более привлекательную с точки зрения жизни Россию.

В сенатском указе от 16 июля 1880 г. сказано: «В некоторых губерниях некоторые цыгане вышли в купцы и мещане – и все они платят положенные пошлины бездоимочно» [34].

На самом высоком уровне находились богатые цыгане – в основном купцы первой гильдии, преимущественно лошадаики, а также некоторые профессиональные артисты. Они были не только собственниками значительного имущества, но и нанимали работников.

На втором месте стояли обеспеченные цыгане – купцы 2-й гильдии, скотоводы, хоровые исполнители, собственники различных предприятий и заведений.

Третий низший уровень занимали купцы 3-й гильдии, ремесленники, барышники и представители прочих видов деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Представительство цыганского населения
в купечестве Российской империи в XIX в.

Гильдия	Количество чел.	Регион/город	Промысел	Имущество	Примечание
1-я	10	Санкт-Петербург, Москва, Смоленск ¹ , Уфа, Харьков, Краснодар	Выращивание лошадей и поставка по госзаказам и за рубеж, трактиры, ломбард, доходные дома	Табуны лошадей, усадьбы, дома под сдачу внаём, земля, драг. металлы	Среди них одна женщина, Занимались также благотворительностью
2-я	10	Москва, Вологда, Малороссия, Смоленск, Казахстан	Конная торговля и оптовая торговля	Лошади, дома, драг. металлы	Торговля скотом, мукой, солью, сахаром
3-я	531	Северо-Запад, Москва, Томск, Уфа, Смоленщина, Вологда, Малороссия	Розничная торговля различными товарами	Лошади, у некоторых дома	Среди них две женщины (вдовы)

*Сост. авт. по [12; 17; 18; 22; 35–38].

Таким образом, к 70-м гг. XIX в., только по имеющимся данным, в купеческом сословии состояли не менее 550 лиц цыганского

¹ Записано Анфимовой А. Ю. от Белугиной Надежды Григорьевны 1938 г. р. в г. Москва в 1987 г.

происхождения (главы семейств). Все они исправно платили сборы и налоги в казну. Большое количество цыган по перечисленным регионам было также записано в мещанское сословие.

После разрешения цыганам жить вблизи крупных городов, они начали селиться на городских окраинах и образовывать целые ремесленные и рабочие посёлки. В Москве мастеровые цыгане селились сначала в районе Донского монастыря, позже у Рогожской заставы, где размещалась конная торговля. Там, на Рабочей улице размещались ремесленные лавки цыган: кузнецов, шорников, сапожников [39]. Иные ремесленники и наёмные работники из цыган селились в районе Марьиной Рощи [40]. Именно там и в Бутырской слободе после революции возникли первые цыганские промышленные артели. Многие осевшие вокруг городов цыгане обзаводились собственными домами, занимались садоводством и огородничеством, держали скот и домашнюю птицу. Цыгане имели магазины, дома. Дети состоятельных цыган учились в гимназиях и вузах. Они имели равные права с остальными гражданами империи. В целом по Российской империи к концу XIX в. торговля заняла прочное место среди основных промыслов [13]. Среди ремёсел лидировало кузнечество, как сопутствующий конной торговле вид производства, остальные виды ремёсел стали постепенно отмирать.

Как и представители других народов, цыгане разных социальных групп предпочитали общаться с себе подобными. Кроме того, в цыганской среде продолжала действовать кастовость. Цыгане одних этнических групп очень неохотно общались с другими группами, хотя в торговых сделках могли быть и партнёрами. В отличие от местного населения, цыгане уважали богатство и богатых людей, поскольку их доходность напрямую зависела от платёжеспособности клиентов. В цыганской среде практически не было зависти к удачливым соплеменникам, наоборот – они вызывали восхищение и желание подражать им и добиваться успеха. Но и страсти к богатству цыгане не испытывали. Поэтому, когда большевики начали всё экспроприировать, большинство богатых цыган побросали всё нажитое имущество и вернулись к кочевой торговле и найму.

Советский период

С развитием промышленного производства и железнодорожного транспорта многие традиционные виды деятельности

цыган стали невостребованы. Цыгане стали искать замену тем видам ремёсел, которые уже не приносили доход. Большие объёмы строительства по всей стране дали цыганам возможность осваивать эту отрасль. После Октябрьских событий 1917 г. для цыган открылись возможности по обучению различным специальностям. Многие цыгане получали среднее техническое, и даже высшее образование, новые, востребованные временем профессии. В период НЭПа в крупных городах активно создавались цыганские производственные артели. В Москве действовали «Цыгпищпром», «Цыгхимпром», «Цыгхимлабор», в Ленинграде «Румынский иностранец», «Нацменбыт», где работало более 200 мастеров (артель продержалась до начала войны) и др. Создавались артели и в других городах. В отчётах ЦИК отмечалось, что нормы выработки в этих артелях были установлены высокие: в 1932 г. для артели «Цыгхимпром» план составил 1 731 000 р., а для «Цыгпищпром» – 5 003 000 р. И цыгане очень успешно с ними справлялись. Так, по «Цыгхимпром» промфинплан за первые три квартала 1931 г. был выполнен на 100 %, а за октябрь 1931 г. – на 124 % промыслов [41].

Цыгане работали на строительстве метрополитена в Москве и на многих других стройках. Многие кочевые цыгане организовывались в колхозы и осваивали земледелие. В 1925 г. был организован первый цыганский колхоз-коммуна, названный «Хутор Крикунова», в честь его основателя – Николая Крикунова [42, л. 22–24]. Примечательно, что инициатива организации этого колхоза шла снизу – т. е. цыгане сами захотели стать коммуной. Это дало старт организации цыганского колхозного движения. Не везде этот процесс проходил гладко, но тем не менее к началу Второй мировой войны в стране насчитывалось свыше 50 цыганских колхозов [43]. Наиболее успешным был опыт Смоленской области и Краснодарского края. В колхозах Смоленской области трудилось 800 цыган. На промышленных предприятиях Брянска – 300 человек. Также трудились цыгане в Ярцевской артели «Первый год второй пятилетки» [44, л. 368–369].

В Москве до 150 цыган работали на производстве, из них 129 чел. – на заводах АМО, Динамо, фабрике Москвошвей и т. д. Женщины на производстве составляли до 30 % из общего количества занятых на производстве цыган. В 1931 г. только в Москве работали 28 артелей, куда входили 1351 цыган, вместе с чле-

нами семьей – 3 755 человек. Они ударно трудились. Имелись цыгане-ударники на предприятиях; так, на деревообрабатывающем заводе была организована женская цыганская ударная бригада [41]. Многие цыгане трудились в заготовительных конторах. Работали цыгане и в леспромхозах – на своих лошадях вывозили лес, по весне пахали крестьянам огороды, получая взамен молоко и сметану.

В целом практика первых и предвоенных советских лет опровергает исторически сложившиеся стереотипы о том, что цыгане бездельники и неспособны к труду. Ранний советский опыт наглядно показал, что когда власть проявляет заботу о своих гражданах и помогает им встать на новый путь развития, то и люди, в частности цыгане, с готовностью идут на перемены в своей жизни и становятся полноценными гражданами страны.

Непонимание истинных причин миграций цыганского населения породило не только негативное восприятие этого народа официальными властями, но и множественные ошибки в попытках приобщить цыган к осёдлой жизни. Нам известен лишь один документ царской России, который точно воспроизводит экономическую сущность миграций цыган. Из отчёта Министерства государственных имуществ: *«было то, что их причисляли к городам и селениям целыми таборами, которые не могли в подобном составе приобретать в данной местности достаточно средств для пропитания всех своих членов. Поэтому цыгане вновь обращались к привычной кочевой жизни»* [45].

Обсуждение и выводы

Проанализировав развитие ремёсел у цыганских общин, выделим несколько этапов:

1. Ранний или византийский – до XIII в. – характеризуется узким количеством ремёсел с преобладанием кузнечества. Также имели место творческие заработки, гадания и незначительная розничная торговля.

2. Ремесленный – XIII–XV вв. – преобладание в укладе цыган большого разнообразия ремёсел и незначительная розничная торговля.

3. Ремесленно-сельскохозяйственный XV–XVII вв. – развитие наряду с ремёслами земледелия и скотоводства, распространение розничной торговли.

4. Ремесленно-торговый – XVIII–XIX вв. преобладание торговых сделок, сокращение ремёсел.

5. Торгово-промышленный – с начала XX в. до 1917 г. – преобладание торговли и объединение ремесленников в артели.

6. Промышленно-сельскохозяйственный – с установления советской власти до Великой Отечественной войны – сокращение торговых сделок, переход в сельское хозяйство и промышленность.

Проанализировав основные промысловые виды деятельности цыган Российской империи, отметим следующие выводы:

– Ремесленный уклад цыганских этнических групп был развит неравномерно и имел различия в зависимости от места проживания и спроса.

– С течением времени под воздействием внешних факторов различные этно-группы изменяли свои основные промыслы.

– К концу XVIII в. у старожильческих цыган РИ стала активно развиваться торговая деятельность. К середине XIX в. торговля стала доминирующим видом промыслов у русских цыган.

– Большинство цыган вопреки сложившемуся стереотипу вели не паразитический образ жизни, а постоянно искали себе заработок, нанимаясь на самые различные виды работ.

– Ранний советский опыт показал готовность и способность различных цыганских групп к коллективному труду.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что каждый этап характеризуется развитием определённого производственного уклада цыганских этносов. И у каждого этноса эти периоды имели различные характеристики, что может стать темой для последующих исследований.

Список литературы

1. Зашук А. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Бессарабская область. Ч. 1. СПб.: Тип. Генерального Штаба, 1862. 582 с.
2. Плохинский М. М. Иноземцы в Старой Малороссии. Ч. 1: Греки, цыгане, грузины. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1905. 235 с.
3. Добровольский В. Н. Киселевские цыгане // Живая старина. 1897. № 1. С. 3–36.
4. Санаров В. И. Проблемы историко-этнографического изучения цыган II СЭ. 1971. № 3. С. 59–67.
5. Крыжановская К. Из истории крепостных цыган Бессарабии в первой половине XIX века // Труды центрального государственного архива МССР. Т. 1. Кишинёв: б. и., 1962. С. 221–241.

6. Черенков Л. Н. Некоторые проблемы этнографического изучения цыган СССР // *Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР: (география расселения и культурные традиции)* М.: МФГО, 1985. С. 5–15.
7. Андроникова И. А. Эволюция жилища русских цыган // *СЭ*. 1970. № 4. С. 31–45.
8. Друц Е. А., Гесслер А. Н. Цыгане: Очерки. М.: Сов. писатель, 1990. 331 с.
9. Бугай Н. Ф. Проблемы адаптации и интеграции этнических меньшинств России в 1990-е годы – начале XXI века (на примере российских цыган) // *История и историки*. 2007: историкографический вестник. М.: Институт Российской истории РАН, 2009. С. 188–228. EDN: SYMAOB
10. Филимонов А. В. Цыгане в Псковском крае // *Псков*. 2019. № 51. С. 124–160. EDN: TTSZLU
11. Смирнова-Сеславинская М. В. Формирование цыганского населения России: ранние миграции // *Обсерватория культуры*. 2015. № 1. С. 134–141. EDN: TPVTTZ
12. Зарубина О. М. Цыгане в Российской империи в первой половине XIX века: история одной общины (опыт историко-антропологического исследования) // *Молодой учёный*. Международный научный журнал. 2024. № 6 (505). С. 130–143.
13. Шкунов В. Н. Цыгане и торговля в Российской империи // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 10. № 6–1. С. 11–18.
14. Шайдуров В. Н. К вопросу о положении цыган в Российской империи (по материалам губернаторских отчетов конца 18 в.) // *Вопросы истории*. 2020. № 1. С. 181–191. EDN: YPQNAC
15. Деметер Н. Г. Занятия цыган как этнообразующий фактор // *Культурологические исследования в Сибири*. 2011. № 1. С. 123–128.
16. Черных А. В. Цыгане-кэздэары в России во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Пермского университета. История*. 2018. № 1. С. 138–148. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-1-138-148. EDN: YVOJRG
17. Ларюшкин О. В. Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII – начале XIX в. // *Российская история*. 2018. № 4. С. 121–127. DOI: <http://10.31857/S086956870000137-1>.
18. Бессонов Н. В. История цыган-кишинёвцев. СПб.: Маматов, 2020. 238 с.
19. Цыгане: Сборник статей / С. Габбасов. Б.М.: Издательские решения, 2024. 214 с.
20. Marushiakova E., Popov V. *Gypsies in the Ottoman Empire. A Contribution to the History of the Balkans*. Hertfordshire: Centre des recherches tsiganes (Gypsy Research Centre). 2001. P. 108.
21. Marushiakova E., Popov V. «Gypsy» groups in Eastern Europe: Ethnonyms vs. professions. *Romani Studies* 5. 2013. Vol. 23. No. 1. Pp. 61–83. DOI: 10.3828/rs.2013.3
22. Деметер Н. Г., Черных А. В. Цыгане. М.: Наука, 2018. 614 с. EDN: UDCNVC
23. Черных А. В. Цыганский номадизм: российские модели (XIX – первая половина XX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 2. С. 109. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-2-111-130. EDN: PMJRSD
24. Шайдуров В. Н. и др. Цыгане в Сибири конец XVIII в. – XX в. // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022. № 2. С. 60–72. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-2-60-72. EDN: LENCUN
25. *Статистический ежегодник Московской губернии за 1898 г. М.: Московское губ. земство, 1899.*
26. Александров Ю. Н. *Московская старина*. М.: Правда, 1989. 127 с.
27. Несколько слов о цыганах // *Смоленские губернские ведомости*. 1865. № 2.
28. Ром-Лебедев И. И. От цыганского хора к театру «Ромэн». М.: Искусство, 1990. 271 с.
29. Бугай Н. Ф. Забытые страницы жизни. Сообщества цыган в Союзе ССР: 1930–1960-е годы // *Приволжский научный вестник*. 2015. № 7 (47). С. 46–65.
30. Шайдуров В. Н., Новгородский Т. А. Цыгане и военная служба в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 838–850. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850. EDN: XSCFHM
31. Кудрявцев Ф. Ф. *Тогда были лошади*. Сборник «Большой приз. Повести и новеллы». М.: Московский рабочий, 1980. 432 с.
32. Бугай Н. Ф. Цыгане: от атамана Г. А. Рашпиля до начала XXI века (к 170-летию появления цыган на Кубани) // *Голос минувшего*. 2009. № 3–4. С. 26–50.

33. Зиновьев В. П., Суляк С. Г. Межэтническое разделение труда в Бессарабской губернии по данным переписи 1897 г. // Русин. 2023. № 74. С. 133–147.

34. Баранников О. П. Українські цигани. Киев: «Народознавчі зошити», 1931. С. 275–290.

35. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 388. Оп. 1. Д. 1913.

36. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 2249.

37. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 2333.

38. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 4598.

39. Деметер Н. Г., Черенков Л. Н. Цыгане в Москве // Этнические группы в городах европейской части СССР (Формирование, расселение, динамика культуры): сб. ст. / редкол.: Е. М. Поспелов (пред.) и др. М.: МФГО, 1987. 146 с.

40. Загоскин М. Н. Полное собрание сочинений М. Н. Загоскина: Т. 1–10. Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского. 10 т.; 24. СПб. – М.: т-во М. О. Вольф, 1898. 526 с.

41. Бриль М. Трудящиеся цыгане в ряды строителей социализма // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 60–66.

42. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. С. 3316. Оп. 20. Д. 653.

43. Герман А. Цыгане вчера и сегодня. М.: Учпедгиз. 1931. 100 с.

44. ГАРФ. Ф. С. 1235. Оп. 123. Д. 28.

45. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ 1837–1887 гг. Ч. II. СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888 г. 31 с.

Applied and Industrial Activities of the Gypsy Population of Russia in the 19th – first third of the 20th Centuries

Anna YU. Anfimova

Stable stereotypes, sometimes of a negative nature, have developed about the daily routine and way of life of the Gypsy population of Russia. However, the real life of the Roma communities was different. Historically, the Romani population of the southern regions was predominantly sedentary rather than nomadic. Most of the camps in the northern regions led a semi-nomadic lifestyle, selling the products of their craft, various goods, or taking temporary jobs. There are very few professional scientific studies on the industrial structure of Russian Gypsies. The purpose of this study is to reveal the essence and development of the industrial lifestyle of Russian Gypsies and to identify further research objectives on this topic. The article briefly highlights the main types of Gypsy industrial crafts and works in different regions of the Russian Empire and in the pre-war period of the USSR. The study uses the materials of the author's field research, carried out over many years, as well as unpublished documents introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Gypsies, Crafts, Industrial Structure, Russian Empire, the Beginning of USSR Formation.

For citation: Anfimova, A. Yu. (2025) Prikladnaja i proizvodstvennaja dejatel'nost' cyganskogo naselenija Rossii v XIX – pervoj treti XX v. [Applied and Industrial Activities of the Gypsy Population of Russia in the 19th – first third of the 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life], No. 3. Pp. 66–92. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_66. EDN: FQBYOX

References

1. Zashchuk, A. I. (1862) *Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo Shtaba. Bessarabskaja oblast'* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The Bessarabian region]. Part 1. St. Petersburg: Type. General Staff. (In Russ.)
2. Plokhinsky, M. M. (1905) *Inozemcy v Staroj Malorossii. Ch. 1: Greki, cygane, gruziny* [Foreigners in Old Little Russia. Part 1: Greeks, Gypsies, Georgians]. Moscow: Tip. G. Lissner and D. Sobko. (In Russ.)
3. Dobrovolsky, V. N. (1897) Kiselevskie cygane [Kiselyov gypsies]. *Zhivaja starina* [Living antiquity]. No. 1. Pp. 3–36. (In Russ.)
4. Sanarov, V. I. (1971) *Problemy istoriko-jetnograficheskogo izuchenija cygan II Sje* [Problems of historical and ethnographic study of Gypsies II SE]. No. 3. Pp. 59–67. (In Russ.)
5. Kryzhanovskaya, K. (1962) *Iz istorii krepostnyh cygan Bessarabii v pervoj polovine XIX veka. Trudy central'nogo gosudarstvennogo arhiva MSSR* [From the history of the Gypsy serfs of Bessarabia in the first half of the 19th century. Proceedings of the Central State Archive of the MSSR]. Vol. 1. Chisinau: B.I. Pp. 221–241. (In Russ.)
6. Cherenkov, L. N. (1985) *Nekotorye problemy jetnograficheskogo izuchenija cygan SSSR* [Some problems of ethnographic study of Gypsies of the USSR]. *Malye i dispersnye jetnicheskie grupy v evropejskoj chasti SSSR: (geografija rasselenija i kul'turnye tradicii)* [Small and dispersed ethnic groups in the European part of the USSR: (geography of settlement and cultural traditions)]. Moscow: MFGO. Pp. 5–15. (In Russ.)
7. Andronikova, I. A. (1970) *Jevoljucija zhilishha russkikh cygan* [The evolution of the dwelling of Russian Gypsies]. *SE* [SE]. No. 4. Pp. 31–45. (In Russ.)
8. Druts, E. A., Gessler, A. N. (1990) *Cygane: Ocherki* [Gypsies: Essays]. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
9. Bugai, N. F. (2009) *Problemy adaptacii i integracii jetnicheskikh men'shinstv Rossii v 1990-e gody – nachale XXI veka (na primere rossijskikh cygan)* [Problems of adaptation and integration of ethnic minorities of Russia in the 1990s – the beginning of the 21st century (on the example of Russian Gypsies)]. *Istorija i istoriki. 2007: istoriograficheskij vestnik* [History and historians. 2007: Historiographical Bulletin]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Pp. 188–228. EDN: SYMAOB (In Russ.)
10. Filimonov, A. V. (2019) *Cygane v Pskovskom krae* [Gypsies in the Pskov region]. *Pskov [Pskov]*. No. 51. Pp. 124–160. EDN: TTSZLU (In Russ.)
11. Smirnova-Seslavinskaya, M. V. (2015) *Formirovanie cyganskogo naselenija Rossii: rannie migracii* [Formation of the Gypsy population of Russia: early migrations]. *Observatorija kul'tury* [Observatory of Culture]. No. 1. Pp. 134–141. EDN: TPVTZZ (In Russ.)
12. Zarubina, O. M. (2024) *Cygane v Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka: istorija odnoj obshhiny (opyt istoriko-antropologicheskogo issledovanija)* [Gypsies in the Russian Empire in the first half of the 19th century: the history of one community (experience of historical and anthropological research)]. *Molodoy uchjonyj. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* [Young Scientist. International Scientific Journal]. No. 6 (505). Pp. 130–143. (In Russ.)
13. Shkunov, V. N. (2010) *Cygane i torgovlja v Rossijskoj imperii* [Gypsies and trade in the Russian Empire]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 10. No. 6–1. Pp. 11–18. (In Russ.)
14. Shaidurov, V. N. (2020) *K voprosu o polozhenii cygan v Rossijskoj imperii (po materialam gubernatorskikh otchetov konca 18 v.)* [On the situation of the Gypsies in the Russian Empire (based on the materials of the governor's reports of the end of the 18th century)]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 1. Pp. 181–191. EDN: YPQNAC (In Russ.)
15. Demeter, N. G. (2011) *Zanjatija cygan kak jetnoobrazujushhij faktor* [Gypsy occupations as an ethnoforming factor]. *Kul'turologicheskie issledovanie v Sibiri* [Cultural studies in Siberia]. No. 1. Pp. 123–128. (In Russ.)
16. Chernykh, A. V. (2018) *Cygane-kjeldjery v Rossii vo vtoroj polovine 19 – nachale 20 v.* [Gypsies-calderars in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of the Perm University. History]. No. 1. Pp. 138–148. EDN: YVOJRG DOI: 10.17072/2219-3111-2018-1-138-148 (In Russ.)

17. Laryushkin, O. V. (2018) Moskovskie kupcy cyganskogo proishozhdenija v konce XVI-II – nachale XIX v. [Moscow merchants of Gypsy origin at the end of the 18th – beginning of the 19th century]. *Rossijskaja istorija* [Russian History]. No. 4. Pp. 121–127. DOI: 10.31857/S086956870000137-1. (In Russ.)
18. Bessonov, N. V. (2020) *Istorija cygan-kishinjovcev* [The history of Gypsies from Chisinau]. St. Petersburg: Mamatov. (In Russ.)
19. Gabbasov, S. (ed.) (2024) *Cygane: Sbornik statej* [Gypsies: A collection of articles]. B.M.: Publishing solutions. (In Russ.)
20. Marushiakova, E., Popov, V. (2001) Gypsies in the Ottoman Empire. A Contribution to the History of the Balkans. Hertfordshire: Centre des recherches tsiganes (Gypsy Research Centre).
21. Marushiakova, E., Popov, V. (2013) «Gypsy» groups in Eastern Europe: Ethnonyms vs. professionyms. *Romani Studies* 5. 2013. Vol. 23. No. 1. Pp. 61–83. DOI:10.3828/rs.2013.3
22. Demeter, N. G., Chernykh, A. V. (2018) *Cygane* [Gypsies]. Moscow: Nauka. EDN: UDCHBC (In Russ.)
23. Chernykh, A. V. (2018) [Gypsy nomadism: Russian models (19th – first half of the 20th century)] // [Ethnographic review]. No. 2. P. 109. EDN: PMJRS DOI: 10.31250/2618-8600-2018-2-111-130 (In Russ.)
24. Shaidurov, V. N. et al. (2022) *Cygane v Sibiri konec XVIII v. – XX v.* [Gypsies in Siberia at the end of the 18th – 20th century]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Journal of the Belarusian State University. History]. No. 2. Pp. 60–72. EDN: LENCUN DOI: 10.33581/2520-6338-2022-2-60-72 (In Russ.)
25. (1899) *Statisticheskij ezhegodnik Moskovskoj gubernii za 1898 g.* [Statistical yearbook of the Moscow province for 1898]. Moscow: Moscow Gubernatorial Zemstvo. (In Russ.)
26. Alexandrov, Yu. N. (1989) *Moskovskaja starina* [Moscow antiquity]. Moscow: Pravda, 1989. (In Russ.)
27. (1865) Neskol'ko slov o cyganah [A few words about Gypsies]. *Smolenskie gubernskie ведомosti* [Smolensk provincial Gazette]. No. 2. (In Russ.)
28. Rom-Lebedev, I. I. (1990) *Ot cyganskogo hora k teatru "Romjen"* [From the Gypsy choir to the Roman Theater]. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
29. Bugai, N. F. (2015) Zabytye stranicy zhizni. Soobshhestva cygan v Sojuze SSR: 1930–1960-e gody [The forgotten pages of life. Gypsy communities in the USSR: 1930s – 1960s]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik* [Privolzhsky Scientific Bulletin]. No. 7 (47). Pp. 46–65. (In Russ.)
30. Shaidurov, V. N., Novogrodsky, T. A. (2020) *Cygane i voennaja sluzhba v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Gypsies and military service in the Russian Empire in the second half of the 18th – first half of the 19th century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Istorija Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia]. Vol. 19. No. 4. Pp. 838–850. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850 (In Russ.)
31. Kudryavtsev, F. F. (1980) *Togda byli loshadi. Sbornik «Bol'shoj priz. Povesti i novelly»* [Then there were horses. The collection "The Big Prize. Novellas and short stories]. Moscow: Moskovsky Rabochy. (In Russ.)
32. Bugai, N. F. (2009) *Cygane: ot atamana G.A. Raspiija do nachala XXI veka (k 170-letiju pojavlenija cygan na Kubani)* [Gypsies: from G.A. Raspi's novel to the beginning of the 21st century (to the 170th anniversary of the appearance of Gypsies in the Kuban)], *Golos minuvshogo* [Voice of the past]. No. 3–4. Pp. 26–50. (In Russ.)
33. Zinoviev, V. P., Sulyak, S. G. (2023) *Mezhjetnicheskoe razdelenie truda v Bessarabskoj gubernii po dannym perepisi 1897 g.* [The interethnic division of labor in the Bessarabian province according to the 1897 census]. *Rusin* [Rusin]. No. 74. Pp. 133–147. (In Russ.)
34. Barannikov, O. P. (1931) *Ukrainskie cygani* [Ukrainian Gypsies]. Kiev: "folk science notebooks". Pp. 275–290. (In Russ.)
35. *Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti* [The State Archive of the Vologda region (hereinafter – GAVO)]. F. 388. Op. 1. D. 1913.
36. GAVO. F. 388. Op. 1. D. 2249.
37. GAVO. F. 388. Op. 1. D. 2333.
38. GAVO. F. 388. Op. 1. D. 4598.

39. Demeter, N. G., Cherenkov, L. N. (1987) *Cygane v Moskve* [Gypsies in Moscow]. *Jetnickskie gruppy v gorodah evropejskoj chasti SSSR (Formirovanie, rasselenie, dinamika kul'tury)* [Ethnic groups in the cities of the European part of the USSR (Formation, settlement, dynamics of culture)]. Collection of articles]. Editorial board: E. M. Pospelov and others. Moscow: MFGO. (In Russ.)

40. Zagoskin, M. N. (1898) *Polnoe sobranie sochinenij M. N. Zagoskina: T. 1–10. Moskva i moskvichi. Zapiski Bogdana Il'icha Bel'skogo* [The Complete works of M. N. Zagoskin: Vol. 1–10. Moscow and Muscovites. The notes of Bogdan Ilyich Belsky]. Vol. 10. St. Petersburg, Moscow: M.O. Wolf publishing house. (In Russ.)

41. Bril, M. (1932) *Trudjashhiesja cygane v rjady stroitelej socializma* [Roma workers in the ranks of the builders of socialism]. *Revoljucija i nacional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 7. Pp. 60–66. (In Russ.)

42. *Gosudarstvennyj arhiv RF* [The State Archive of the Russian Federation (hereinafter – GARF)]. F. S. 3316. Op. 20. D. 653.

43. German, A. (1931) *Cygane vchera i segodnja* [Gypsies yesterday and today]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)

44. GARF. F. S. 1235. Op. 123. D. 28.

45. (1888) *Istoricheskoe obozrenie pjatidesjatiletnej dejatel'nosti ministerstva gosudarstvennyh imushhestv 1837–1887 gg. Ch. II.* [Historical review of the fifty-year activity of the Ministry of State Property 1837–1887, Part II]. St. Petersburg: Steam printing house Yablonsky and Perott. (In Russ.)

Об авторе

Анфимова Анна Юльевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Московский международный университет, Москва, Российская Федерация; e-mail: ladyannstyle@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4402-8323

About the author

Anfimova Anna YU., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Moscow International University, Moscow, Russian Federation; e-mail: ladyannstyle@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4402-8323

Статья поступила в редакцию 19.05.2025

Одобрена после рецензирования 02.06.2025

Принята к публикации 16.06.2025

«Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами»: китайцы в повседневной жизни Урала 1920-х гг.

М. С. Каменских

Основу источниковой базы исследования составили фонды кооперативной артели «Китайской рабочий», хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области. Также использовались материалы статистики и делопроизводственная документация. Цель исследования – показать на основании источников особенности повседневности китайцев на Урале в 1920-е гг., их вовлечение в общественную и культурную жизнь на примере деятельности «Союзка китайских рабочих» и артели «Китайский рабочий», действовавших на Урале в 1920-е гг. «Союз китайских рабочих» функционировал в начале 1920-х гг. с целью выстраивания взаимодействия новых органов власти с большой китайской общиной, сложившейся на Урале в первые годы советской власти. Артель «Китайский рабочий» была создана по национальному признаку для китайцев, участников Гражданской войны, имевших инвалидность. Источники, впервые вводимые в научный оборот, свидетельствуют, что артель создавалась по политическим соображениям и не имела экономической целесообразности. Сами китайцы, оказавшиеся в ее составе, также не видели в ней необходимости. При этом сам институт артели был важен для китайцев Урала, многие из которых после Гражданской войны без знания языка не имели средств к существованию. Артель быстро стала центром китайской общины. Судя по источникам, в этот период имели место случаи негативного отношения к китайцам, дискриминация со стороны местных рабочих. Полагаем, что недолгий период существования «Союза китайских рабочих» и артели «Китайский рабочий» во многом характеризует политику большевиков по вовлечению этнических меньшинств в общественную жизнь, кооперативные формы хозяйства.

Ключевые слова: китайцы, Урал, НЭП, артель, национальная политика, «снацмен».

Благодарности: подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-28-01-086 «Антропология культурного наследия китайской миграции в российских регионах».

Для цитирования: Каменских М. С. «Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами»: китайцы в повседневной жизни Урала 1920-х гг. // *История повседневности*. – 2025. – № 3. – С. 93–106. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_93. EDN: HJUOBO

Введение

Особенности исторического развития России и Китая обусловили появление огромной границы между этими двумя государствами. В этой связи Россия за свою историю пережила несколько волн миграций с территории восточного соседа. Миграция китайцев носила «волновой» характер, привязанный к особенностям развития нашей страны в различные периоды. Отметим, что комплексное изучение истории китайцев в Россию началось относительно недавно – в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В этот период в стране выходят первые монографии по общей истории китайцев в России. Авторы сформировали принципы изучения данного вопроса, вписали его в контекст российско-китайских отношений, как на российском, так и на региональном уровне. Наиболее крупными исследователями истории китайской миграции в России являются А. Г. Ларин [1], В. Л. Ларин [2], В. Я. Портяков [3], А. И. Петров [4], В. Г. Дацышен [5; 6] и др. Тема пребывания китайцев в России активно изучается и в КНР [7, с. 7]. История китайской миграции представлена также в работах автора данной статьи [8; 9].

Наименее изученным эпизодом в истории китайцев в России остается период 1920–1930-х гг. Слабая сохранность документов, серьезные политико-экономические трансформации в России и Китае осложняют проведение комплексных исследований. В статье дается анализ жизни и участия китайцев в общественном пространстве Урала 1920-х гг. на примере «Союза китайских рабочих» и артели «Китайский рабочий». В деятельности этих организаций отражена позиция большевистского руководства в отношении «некоренных народов» СССР в русле национальной политики.

Облик китайской этнической группы в СССР в 1920-е гг. имел ряд особенностей. Основу сообщества составляли бывшие китайские рабочие, завербованные царским правительством для работы в оборонной промышленности в период Первой мировой войны. На Урале к концу 1917 г. проживало около 10 тыс. таких китайцев. Однако к началу 1920-х гг. их численность сократилась до нескольких сот человек [8, с. 130–136]. К середине 1920-х гг. бывшие китайские рабочие, оставшиеся в России, в большинстве своем поменяли род занятий: поступали на службу в силовые структуры, занимались торговлей, создавали артели и кооперативы.

Облик этнической группы китайцев Урала

Наиболее репрезентативные сведения о китайцах Урала представляют данные переписи населения 1926 г.: всего по Уралу был записан 391 китаец (361 мужчина и 30 женщин). Общая численность китайцев была невелика – ок. 0,005 % от общей численности населения Уральской области [10, с. 106–147]. По характеру расселения в 1926 г. китайцы оставались преимущественно городскими жителями. Всего в городах проживало более 90 % (273 китайца: 249 мужчин и 24 женщины), в то время как в деревнях – менее 10 %. Они были сосредоточены как в крупных городах (Пермь, Свердловск), так и в местах их работы в досоветский период – на заводах и шахтах Кизела, Алапаевска, Лысьвы, Чусового и др.

Таблица

Китайцы на Урале по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Территория	Всего населения	Китайцы			Родной язык		грамотность	
		Общ.	Муж.	Жен.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Всего (жен.)	На своем языке
Уральская область	6 784 469	391	361	30	348 (13)	49 (17)	146 (2)	125 (1)
Верхнекамский	203 181	99	95	4	93 (1)	1 (3)	33 (0)	33 (0)
Златоустовский	239 472	17	17	0	17 (0)	0	5 (0)	5 (0)
Ирбитский	278 764	28	28	0	24 (0)	1 (0)	10 (0)	7 (0)
Ишимский	278 764	10	9	1	8 (0)	2 (1)	2 (0)	1 (0)
Коми-Пермяцкий	152 491	0	0	0	0	0	0	0
Кунгурский	479 519	1	0	1	1 (0)	0	1 (0)	1 (0)
Курганский	493 458	1	1	0	1 (0)	0	0	0
Пермский	715 988	33	28	5	21 (1)	7 (4)	10 (0)	8 (0)
Сарапульский	539 746	7	7	0	7 (0)	0	4 (0)	4 (0)
Свердловский	619 622	112	97	15	85 (8)	12 (7)	37 (2)	28 (1)
Тагильский	437 653	46	44	2	39 (0)	5 (2)	23 (0)	20 (0)
Тобольский	192 121	1	1	0	1 (0)	0	1 (0)	1 (0)
Тюменский	504 626	15	14	1	11 (1)	4 (0)	7 (0)	7 (0)
Троицкий	312 564	4	4	0	3 (0)	1 (0)	2 (0)	2 (0)
Челябинский	496 380	14	12	2	14 (2)	0	5 (0)	5 (0)
Шадринский	678 089	3	3	0	3 (0)	0	2 (0)	2 (0)

Сост. и подсчитано по: Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 103–126.

Самым крупным по численности китайцев среди округов был Свердловский, здесь их проживало 112 чел. (из них, 97 мужчин и 15 женщин). Несмотря на Гражданскую войну и связанные с этим активные внутренние миграции населения, в том числе и китайцев, на территории Среднего Урала сохранились места компактного проживания, связанные с досоветским периодом, – Верхнекамский округ (за счет Кизеловских и Губахинских копей), Свердловский округ (Верх-Исетский завод, экономический центр), Тагильский округ (Богословские и Тагильские заводы). Обращает на себя внимание и тот факт, что у китайцев количество мужчин значительно превышало женщин, что является характерным для трудовой миграции. У китайцев был самый высокий среди народов Урала процент грамотных на своем языке – 37 %.

Социально-демографические характеристики китайцев в этот период дополняются рядом сохранившихся архивных материалов, в частности личными делами китайцев – членов кооператива «Китайский рабочий». В фондах кооператива сохранились 42 личных дела [11]. Почти половина китайцев имели год рождения до 1885 года, т. е. к концу 1920-х гг. большинству них было от 45 до 50 лет: до 1885 г. р. – 20 чел., 1886–1890 г. р. – 7 чел., 1891–1895 г. р. – 9 чел., 1896–1900 г. р. – 6 чел. По социальному положению китайцы были либо рабочими, либо крестьянами. В графе «имущество» у всех стоит запись «неимущий». Жившие в крупных городах китайцы промышляли розничной торговлей или работали на предприятиях. Таким образом, к середине 1920-х гг. численность китайцев Урала исчислялась несколькими сотнями человек. Это были в основном мужчины, рожденные в конце XIX в., занятые в торговле или работой на предприятиях. Большая часть из них проживала в городах.

«Союз китайских рабочих» в политике в отношении китайцев Урала

Наиболее активно в первые годы советской власти проявили себя китайские организации, занимавшиеся репатриацией соотечественников, оставшихся без работы и денег. В этот период китайцы из разных районов страны неоднократно обращались за помощью как к своему правительству, так и к советскому [12, л. 36]. А в среде самих китайцев стали появляться инициатив-

ные группы, желающие помочь соотечественникам вернуться на родину. Самая крупная из них – «Союз китайских граждан» (СКГ). Организация появилась в Петрограде в апреле 1917 г. по инициативе ряда обучавшихся здесь китайских студентов. Руководителем СКГ был учитель математики в реальном училище Лю Цзежунхъ [13, с. 75–80]. В дальнейшем «Союз китайских граждан», а также ряд других менее крупных организаций под влиянием большевиков были объединены в «Союз китайских рабочих» (СКР). Об этом сообщала газета «Правда» в декабре 1918 г.: «Совещание постановило выйти из рамок профессионального союза и придать ему характер революционной организации для широкой пропаганды» [14, с. 133]. Позднее СКР занял здание бывшего китайского посольства в Петрограде, все архивы и дела посольства были переданы СКР [14, с. 134]. После этого сообщения о СКР были разосланы на места. 6 августа 1919 г. Восточный отдел НКВД уведомил екатеринбургский губком, что СКР «признан советской властью единственным официальным органом китайских граждан, правомочным по защите как личных, так и имущих интересов всех без исключения граждан Китайской республики» [15, л. 21]. В 1920 г. структура СКР заметно усложнилась – были созданы представительства во всех крупных городах, где проживали китайцы. Уполномоченный по Уральскому региону был отправлен в Екатеринбург. Так, 22 августа 1920 г. СКР выпустил объявление, в котором сообщалось, что для Уральского района, включавшего в себя Пермскую, Екатеринбургскую, Челябинскую, Вятскую и Уфимскую губернии с центром в Екатеринбурге, на должность представителя СКР назначен Му Сиян, который на тот момент являлся председателем исполнительного комитета китайских рабочих в городе Екатеринбурге [15, л. 19]. Специальным мандатом Му Сияну поручалось: организация, руководство, контроль и наблюдение над деятельностью всех китайских организаций; общая охрана и защита интересов граждан Китайской Республики; наблюдение за соблюдением трудовых и иных прав китайцев со стороны их работодателей; ведение всех дел, связанных с эвакуацией китайцев; организация, руководство и наблюдение за деятельностью культурно-просветительских учреждений китайских рабочих в названном районе. Мандат действовал до 31 декабря 1920 г. Однако общее

собрание екатеринбургского отделения СКР прошло всего один раз – 20 августа 1920 г. На нем присутствовали 140 чел. На заседании обсуждались вопросы об утверждении руководящего состава, проблемы эвакуации китайцев, предложения об открытии в Екатеринбурге школ для китайских рабочих [15, л. 20]. Дальнейшие сведения о решении этих вопросов и деятельности СКР в источниках отсутствуют.

Деятельность СКР была выгодна большевикам в период Гражданской войны, когда реальная власть на местах только устанавливалась, и многие вопросы там не было возможности решить. После окончательного установления советской власти статус и значимость СКР снизились. В марте 1921 г. ВЧК направила в Екатеринбург телеграмму о том, что «всякого рода командировочные удостоверения, выдаваемые иностранными правительствами на территории РСФСР без соответствующей визы Наркоминдел или другого советского учреждения, считать недействительными» [15, л. 4]. Это означало, что свою деятельность СКР теперь должен координировать с Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД). Всем желающим остаться в России предлагалось перейти в советское гражданство. На местах функции СКР стали принимать на себя бюро нацменьшинств при губкомах, где создавались китайские секции [16, с. 60–65]. Выполняя вышеупомянутые и ряд других решений, екатеринбургский облисполком 3 ноября 1922 г. выпустил постановление «О регистрации граждан иностранного подданства». В документе указывалось, что все обязанности по охране и защите китайских граждан передаются консульским учреждениям «ввиду чего СКР остается лишь, как орган, занимающийся культурно-просветительской работой и охраной экономических интересов своих членов» [17, л. 1]. По этой причине все документы, выдаваемые СКР китайцам (прежде всего удостоверения для выдачи видов на жительство), признавались недействительными.

Сами китайцы относились к взаимодействию с новой властью неоднозначно. Источники сохранили упоминания о сразу нескольких конфликтах внутри китайских партийных организаций в начале 1920-х гг. [9, с. 18]. Самым резонансным был эпизод, когда 4 марта 1921 г. новый председатель китайского бюро пермского губкома РКП (б) Лян Симин и член президиума

этого бюро Шикои вступили в конфликт с группой соотечественников, промышлявших спекуляцией. В результате оба были застрелены. Смерть Лян Симин и Шикои была представлена как трагическая кончина коммунистов в борьбе с контрреволюцией. «4 марта, в 10 часов вечера на Осинской ул., дом 4, где проживали председатель китайского бюро РКП (б) тов. Лян Симин и член президиума бюро тов. Шикои, явилась группа китайцев бандитов контрреволюционеров и предъявила ультиматум им о прекращении партийной работы и борьбы против спекуляции. Тов. Лян Симин и Шикои ответили, что они честные коммунисты и никогда не пойдут на условия, которые бандиты предъявят. Тогда бандиты дали 4 выстрела, и на своем посту героически погибли два честных коммуниста. Вечная слава, вечная память героям коммунарам», – так писала об этом инциденте газета «Звезда» [18, с. 4]. В Перми 10 марта 1921 г. была организована похоронная процессия, к участию в ней были приглашены представители всех национальных бюро [9, с. 18]. После 1922 г. в связи с прекращением деятельности национальных бюро и СКР сведения о китайцах практически исчезают из делопроизводства.

На примере деятельности СКГ-СКР видно, что в период отсутствия реальной власти в России вопросы китайцев решались инициативно возникавшими организациями. Однако, когда власть постепенно стала утверждаться в руках большевиков, возникшие ранее общественные структуры стали терять свой вес, их место занимали органы власти, уполномоченные решать национальными вопросами. Со временем общественная значимость «Союза китайских рабочих» стала падать, с чем и может быть связано прекращение деятельности организации.

Участие китайцев в экономической и культурной жизни Урала

Когда началась политика НЭПа, китайцы начали вовлекаться в кооперативное движение [13, с. 126]. На сегодняшний день документально подтверждается существование как минимум пяти кооперативных организаций, в которых трудились китайцы – артель «Красный Восток», «Восточный рабочий», сельскохозяйственная артель им. Сунь Ятсена, артель им. 10-й годовщины Красной армии и Торгово-производственная коопе-

ративная артель инвалидов «Китайский рабочий», документы которой сохранились в фондах ГАСО. В ноябре 1929 г. артель насчитывала 36 чел., преимущественно китайцев. В январе 1929 г. после ряда организационных собраний группа китайцев учредителей вложила в общий капитал 3 200 р., открыв в общей сложности 36 киосков. Об этом руководство вновь созданной артели информировало президиум горсовета [20, л. 26].

Основная деятельность «Китайского рабочего» – мелкая киосочная торговля «различной бакалеей и табачными изделиями» [20, л. 73]. В других документах в качестве товаров, продаваемых артелью, называются мыло, консервы, спички, махорка, сигареты марок «Пушка» и «Наша марка» [20, л. 181]. В состав артели, кроме киосков, входила прачечная.

Документы свидетельствуют, что артель быстро развивалась, со временем в нее вливались другие торговые кооперативы. В июле 1929 г. артель «Интруд» передала «Китайскому рабочему» несколько киосков с товаром на сумму 11 568 р. [20, л. 43], а китаец Ли Футян с собственным киоском и капиталом в 400 р. попросился на службу в артель в сентябре того же года [20, л. 54]. За весь 1929 г. артель открыла мастерскую, зеркальную, кафе-молочную, руководство артели рассчиталось со всеми предыдущими долгами и кредитами, общий торговый оборот артели за год составил более 200 000 р. [20, л. 3–8]. В протоколе от 28 января 1930 г. сообщается о планах по приобретению одного табачного киоска на вокзале, одного посудного киоска, двух галантерейных и двух бакалейных киосков и одного киоска со смешанными товарами – всего семи торговых точек [20, л. 25].

Артель могла заниматься и незаконной деятельностью. Газета «Уральский рабочий» в апреле 1929 г. сообщала об аресте за участие в незаконной покупке папирос председателя артели товарища Василия Газетдинова¹, за что на последнего было заведено уголовное дело [21, с. 3]. В дальнейшем артель обращалась в прокуратуру с просьбой разобраться в законности ареста и точности указанных в статье фактов. «Газетдинов среди нас китайцев пользовался авторитетом и иным доверием», – говорилось в коллективном обращении членов артели [20, л. 132]. Судя по тому, что имя Газетдинова исчезло из документов ар-

¹ Имя Василия Степановича Газетдинова, скорее всего, было псевдонимом, поскольку в документах неоднократно указывалось, что в артель входили только китайцы.

тели «Китайский рабочий» после мая 1929 г., это обращение прокуратура не оставила без внимания. В дальнейшем место председателя занял китаец Ли Сифу.

Постепенно вокруг «Китайского рабочего» спланировалась вся китайская община Свердловска. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. от имени артели в горсовет стали поступать требования, выходящие за рамки торговой деятельности. Так, в январе 1930 г. члены артели подготовили коллективное обращение о необходимости обследования всех нуждающихся китайцев Урала, выделения помещения для проведения среди них культурной работы, открытия школы для китайских детей и обеспечения их площадками, обеспечения китайцев жилищными условиями, а также разработки плана по расширению лавочных сетей. В пустующем детском саду для нацменьшинств артель просила создать школу ликбеза и «красный уголок» для китайских рабочих [20, л. 218]. В этот период численность артели уже превышала 80 чел. [22, л. 10]. Такое развитие артели не вписывалось в новые принципы экономической и национальной политики СССР начала 1930-х гг. В этот период, как известно, кооперативное движение уже тормозилось на государственном уровне. Скорее всего, по этой причине было принято решение и о закрытии артели «Китайский рабочий». В итоговом протоколе сообщалось о проблемах с дисциплиной и низкой эффективностью [23, л. 12]. Артель была ликвидирована в августе 1930 г. Штат переведен в русскую артель «Производственник» [23, л. 36].

Отметим, что даже участвуя в интернациональном движении, китайцы сохраняли замкнутость при контактах с внешним миром. На это влияло несколько факторов. Китайцы не могли адаптироваться в принимающем сообществе, так как не знали русского языка. Так, исходя из материалов переписи 1926 г., только 41 китаец (14 %) указали на русский язык в качестве родного, на китайский – 249 (85,6 %) [11].

Анкетные данные членов артели «Китайский рабочий» о грамотности в основном совпадают с данными переписи. В «Китайском рабочем» восемь членов имели хоть какое-то образование, остальные 33 были неграмотными. Когда в 1930 г. принималось решение о закрытии китайской кооперативной артели «Китайский рабочий», ее председатель Ли Сифу в протоколе указывал: «...члены артели не знают русского языка, а потому слившись

с русской артелью им трудно будет работать», а китаец Ли Ванду был более откровенен: «Мы китайцы большинство не умеем читать, писать и говорить по-русски как следует» [22, л. 4].

Это касается и других китайцев области. В сводке о работе среди нацменьшинств на предприятиях Лысьвенского района на январь 1928 г. о китайцах особо отмечено: «В силу же отсутствия достаточно грамотных на русском языке продвижение их в учебные заведения сильно тормозится... так как там отсутствуют партийцы нацмены, могущие вести организаторскую работу, а работать среди нацменрабочих на русском языке представляет большие трудности» [24, л. 7].

Возможно, нежелание адаптироваться было связано с негативным отношением местного населения к китайцам. На факты дискриминации указывали они сами. «Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами, так как русские артели получают и продукты, и товары, а нам несмотря на наши просьбы не дают. УКС [Уралкооперативсоюз – авт.] не хочет понять национальную политику», – писал в 1930 г. председатель правления артели «Китайский рабочий» Ли Сифу. Он же жаловался на нежелание УКС посодействовать в приобретении необходимого оборудования для прачечной [22, л. 4].

К концу 1920-х гг. численность китайцев немного сократилась, поскольку не было новых миграций. Кроме того, во второй половине 1930-х гг. многие китайцы были подвергнуты репрессиям [8, с. 142–151]. Но несколько сотен китайцев продолжали постоянно жить на Урале. Они по-прежнему оставались преимущественно городским населением, а по гендерному распределению это были в основном мужчины. Даже к концу 1938 г. в Уральской области жили китайцы-коммунисты, трое из которых были членами партии и трое – кандидаты на вступление в партию [25, л. 67 об.]. Однако организованной институционально социальной группы китайцев в рамках регионов конце 1930-х гг. уже не существовало. Во второй половине 1930-х гг. сведения о китайцах и взаимодействиях с ними властей исчезают из документов и прессы.

Обсуждение и выводы

Вышеизложенный материал позволяет сделать несколько выводов. Несмотря на присутствие в общественной и эконо-

мической жизни, поддержку со стороны властей китайцы мало шли на контакты, однако активно вовлекалось в национальную политику. Свою роль, безусловно, сыграл политический фактор: китайцы участвовали в Гражданской войне на стороне большевиков, с другой стороны, СССР в 1920-е гг. сотрудничал с Китайской Республикой.

Создание кооперативных артелей для китайцев, включение их в партийную работу не было продиктовано особым запросом с их стороны, скорее было вызвано политическими факторами. Тем не менее они стали объектами национальной политики, а их этничность стала поводом для принятия управленческих решений, например через создание трудовых коллективов по национальному признаку. Когда политическая необходимость в вовлечении китайцев утрачивала актуальность, упоминания о них исчезали из делопроизводства, что подтверждает тезис об избирательности и ситуативности советской национальной политики в отношении небольших по численности некоренных этнических сообществ.

Список литературы

1. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с. EDN: QPNYOH.
2. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с. EDN: YOKOGU.
3. Портяков В. Я. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 39–49. EDN: XDGLUT.
4. Петров А. И. История китайцев в России 1856–1917 годы. СПб.: ООО «Береста», 2003. 960 с. EDN: QOTYID.
5. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: СФУ, 2008. 512 с. EDN: PZWSXB.
6. Ван В., Дацышен В. Г. Енисейская Сибирь и Китай. Красноярск: РАСТР, 2024. 304 с. EDN: SQURWX.
7. Каменских М. С. Авдашкин А. А., Дацышен В. Г., Залесская О. В. Наследие китайской миграции в России. Подходы к изучению // Наследие китайской миграции в регионах России: документы и материалы. Санкт-Петербург: «Маматов», 2025. С. 6–37.
8. Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. СПб.: Маматов, 2011. 351 с. EDN: QPTYXR.
9. Каменских М. С. Китайцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2018. 64 с. EDN: ISWBVD.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том IV / Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 106–147.
11. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-171.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 1. Д. 5.

13. Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 224 с. EDN: QPNUOH.
14. Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). М.: Издательство восточной литературы, 1961. 179 с.
15. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 16.
16. Каменских М. С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Мамагов, 2019. 224 с. EDN: EVWBKD.
17. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 386.
18. Памяти товарищей // Звезда. 1921. 10 марта.
19. ГАСО. Ф. Р-1200. Оп. 2. Д. 54.
20. ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 8.
21. Извещения // Уральский рабочий. 1929. 12 апреля.
22. ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22.
23. ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 21.
24. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 35.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 316.

"Apparently, After all, There is Antagonism Between Russians and Chinese": the Chinese in Everyday Life of the 1920s Urals

Mikhail S. Kamenskikh

The foundation of the study's source base consists of the funds of the "Chinese Worker" co-operative artel, held in the State Archive of Sverdlovsk Region. The author also used statistical materials and administrative records. The article examines the everyday life and socio-cultural integration of the Chinese community in the 1920s Urals through the lens of two organizations: the "Union of Chinese Workers" and the "Chinese Worker" artel. The "Union of Chinese Workers" functioned in the early 1920s with the goal of building interaction between the new authorities and the large Chinese community that had formed in the Urals during the first years of Soviet power. The "Chinese Worker" artel was created on a national basis for disabled Chinese Civil War veterans. Sources introduced into scholarly circulation for the first time indicate that the artel was established for political reasons and lacked economic viability. The Chinese themselves, who participated in it, also saw no need for it. Nevertheless, the artel became vital for the Chinese of the Urals, many of whom were destitute and lacking Russian language skills after the Civil War. The artel quickly became the center of the Chinese community. Sources also document instances of negative attitudes towards the Chinese and discrimination by local workers. The author argues that the short-lived existence of the "Union of Chinese Workers" and the "Chinese Worker" artel largely characterizes the Bolshevik policy of involving ethnic minorities in social life and cooperative forms of economy.

Key words: Chinese, Urals, NEP (New Economic Policy), artel, national policy, national minority.

Acknowledgements: Prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-01-086 "Anthropology of the Cultural Heritage of Chinese Migration in Russian Regions".

For citation: Kamenskikh, M. S. (2025) «Ochevidno vse-taki yest' antagonizm mezhdu russkimi i kitaytsami»: kitaytsy v povsednevnoy zhizni Urala 1920-kh gg. ["Apparently, After all, There is Antagonism Between Russians and Chinese": the Chinese in Everyday Life of the 1920s Urals]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 93–106. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_93. EDN: HJUOBO

References

1. Larin, A. G. (2009) *Kitayskiye migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.). EDN: QPNYOH.
2. Larin, V. L. (2005) *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-ye gody XIX – nachalo XXI vv* [Russian-Chinese relations in regional dimensions (1980s – early 21st century)]. Moscow: Vostok-Zapad (In Russ.). EDN: YOKOGU.
3. Portyakov, V. Ya. (2004) *Noviye kitayskiye migranty v Rossii: promezhutochnyye itogi* [New Chinese migrants in Russia: interim results]. *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of Far East]. No. 3. Pp. 39–49. (In Russ.). EDN: XDGLUT.
4. Petrov, A. I. (2003) *Istoriya kitaytsev v Rossii 1856–1917 gody* [History of the Chinese in Russia in 1856–1917]. St. Petersburg: OOO Beresta. (In Russ.). EDN: QOTYID.
5. Datsyshen, V. G. (2008) *Kitaytsy v Sibiri XVII–XX v.: problemy migratsii i adaptatsii* [Chinese in Siberia in the 17th – 20th centuries: problems of migration and adaptation]. Krasnoyarsk: SFU, 2008. (In Russ.) EDN: PZWSXB.
6. Wang, W., Datsyshen, V. G. (2024) *Yeniseyskaya Sibir' i Kitay* [Yenisei Siberia and China]. Krasnoyarsk: RASTER. (In Russ.). EDN: SQURWX.
7. Kamenskikh, M. S., Avdashkin, A. A., Datsyshen, V. G., Zalesskaya, O. V. (2025) *Nasledie kitayskoy migratsii v Rossii. Podkhody k izucheniyu* [The heritage of Chinese Migration in Russia. Approaches to Study]. *Nasledie kitayskoy migratsii v regionakh Rossii: dokumenty i materialy* [The heritage of Chinese Migration in the Regions of Russia: Documents and Materials]. St. Petersburg: "Mamotov". Pp. 6–37. (In Russ.).
8. Kamenskikh, M. S. (2011) *Kitaytsy na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI veka* [The Chinese in the Middle Urals at the end of the 19th – beginning of the 21st century]. St. Petersburg: Mamotov (In Russ.) EDN: QPTYXR.
9. Kamenskikh, M. S. (2018) *Kitaytsy Permi: istoriya i kul'tura* [Chinese of Perm: history and culture]. St. Petersburg: Mamotov (In Russ.). EDN: ISWBVD.
10. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Tom IV* [All-Union Population Census of 1926. Volume IV]. Department I. Moscow: Izd-e CSU Sojuza SSR. (In Russ.)
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoy oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region] (hereinafter – GASO). F. R-171.
12. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (hereinafter – RGASPI). F. 514. Op. 1. D. 5. 31.
13. Larin, A. G. (2003) *Kitaytsy v Rossii vchera i segodnya: istoricheskiy ocherk* [Chinese in Russia Yesterday and Today: Historical Essay]. Moscow: Muravey. (In Russ.). EDN: QPNYOH.
14. (1961) *Kitayskiye dobrovol'tsy v boyakh za Sovetskuyu Rossiyu (1918–1922)* [Chinese volunteers in the battles for Soviet Russia (1918–1922)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. (In Russ.)
15. GASO. F. R-511. Op. 1. D. 16.
16. Kamenskikh, M. S. (2019) *Natsional'naya politika v Prikam'ye v 1918–1939 gody: regional'nyy aspekt* [National policy in the Kama region in 1918–1939: regional aspect]. St. Petersburg: Mamotov. (In Russ.). EDN: EVWBKD.
17. GASO. F. R-511. Op. 1. D. 386.
18. *Pamyati tovarishchey* [In memory of comrades]. *Zvezda* [Star]. 1921. 10 March.
19. GASO. F. R-1200. Op. 2. D. 54.
20. GASO. F. R-171. Op. 1. D. 8.
21. *Izveshcheniya* [Notifications]. *Ural'skiy rabochiy* [Urals worker]. 1929. 12 April.
22. GASO. F. 171 r. Op. 1. D. 22.
23. GASO. F. 171 r. Op. 1. D. 21.
24. *Permskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Perm State Archive of Social and Political History] (hereinafter – RGASPI). F. 2. Op. 5. D. 35. 43.

25. RGASPI. F. 17. Op. 7. D. 316.

Об авторе

Каменских Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: mkamenskih27@gmail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4041-086X

About the author

Kamenskikh Mikhail S., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Perm, Russian Federation; e-mail: mkamenskih27@gmail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4041-086X

Статья поступила в редакцию 02.08.2025

Одобрена после рецензирования 14.08.2025

Принята к публикации 18.08.2025

Обеспечение еврейских общин мацой в СССР в 1960–1980-е гг.

С. С. Падалко

В статье исследуется проблема обеспечения мацой еврейских религиозных общин в СССР в 1960–1980-е гг. в оптике советской бюрократии. В частности, анализируются механизмы производства и распределения мацы, выделяется два основных способа: централизованный (через государственные цеха или общинные мацепекарни) и частный (домашняя выпечка). Особое внимание уделяется взаимодействию общин с Советом по делам религий (СДР), включая трудности получения муки, санитарные требования и финансовый контроль. Применение компаративистского метода к материалам трёх регионов выявляет существенные различия в стратегиях взаимодействия общин с властями. На примере еврейских общин Ленинграда, Нальчика и Брянской области показано, как власти ограничивали производство мацы, а общины адаптировались к давлению, сохраняя религиозную традицию. Делается вывод о том, что организация производства мацы становилась важной задачей, требовавшей значительных усилий со стороны еврейской общины во взаимодействии с государственными органами, что подтверждало её институциональный статус. Исследование основано на архивных материалах, включая отчеты уполномоченных СДР, и дополнено этнографическими данными. Статья вносит вклад в изучение повседневной религиозной жизни советского еврейства и их стратегий сохранения традиций в условиях государственного контроля.

Ключевые слова: маца, евреи в СССР, иудейские общины, Песах, советская бюрократия.

Благодарности: статья подготовлена в рамках исследовательского гранта РНФ № 24-18-00479 «Еврейская духовная традиция и сохранение идентичности: от Библейской эпохи к современной России».

Для цитирования: Падалко С. С. Обеспечение еврейских общин мацой в СССР в 1960–1980-е гг. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 107–121. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_107. EDN: IOABCC

Введение

Маца – один из основных кошерных продуктов, без которого невозможно соблюдение праздника Песах, её употребление в первый вечер праздника предписано Торой. Хотя советское религиозное законодательство не запрещало изготовление мацы, однако, учитывая необходимые для этого особые условия и значительное количество муки, крупномасштабное производство мацы было невозможно без санкции государственных органов. Поэтому решение задачи производства мацы входило в прямые обязанности общин.

Вопрос обеспечения мацой, как и другими религиозными предметами, представляет особый интерес в контексте изучения еврейской духовной традиции, поскольку эта тема практически не освещена в истории советского еврейства. Подобный исследовательский пробел во многом объясняется доминированием в историографии темы борьбы еврейского движения за эмиграцию из СССР. Во многом такой взгляд на советскую еврейскую историю был обусловлен личной вовлеченностью исследователей, которые в свое время были активными участниками движения [1, с. 190].

В то же время отдельные аспекты еврейской истории, в том числе выпечка мацы религиозными общинами, рассматривались Мордехаем Альтшуллером [2, с. 161–182] и Семёном Чарным¹. Обеспечение евреями Латвии мацой исследовала Карина Баркан [3]. Однако перечисленные работы отражали религиозную жизнь евреев 1940-х – первой половины 1960-х гг. и не охватывают последующие десятилетия.

В этнографических исследованиях соблюдение евреями религиозных традиций в советский период нашло отражение в коллективных сборниках по отдельным регионам: Латгалии (Восточной Латвии), Смоленщине, Грузии, куда вошли материалы полевых экспедиций Научно-гуманитарного центра «Сэфер» 2010-х гг. [4–6]. В частности, в статье Марии Каспиной освещается соблюдение диетарных религиозных предписаний евреями Смоленщины и Брянщины [7].

В рамках данной статьи ставится цель – исследовать отражение процесса обеспечения еврейских религиозных общин мацой к ве-

¹ Чарный С. А. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели» 1953–1964: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 215 с. EDN: NQDIDB

сеннему празднику Песах в документах уполномоченных Совета по делам религии (далее СДР). Источниковая база данной работы строится на материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР) и Государственного архива Брянской области (ГАБО) отражающих повседневную религиозную жизнь трех общин: Ленинградской хоральной синагоги, Нальчикской общины горских евреев и еврейских общин Брянской области (Клинцев, Новозыбкова, Брянска).

При работе с данным типом источников нельзя не отметить проблему достоверности и степени репрезентации религиозной жизни в документах уполномоченных СДР [8, с. 486]. Методологически в данной статье проблема достоверности трактуется в рамках антропологии бюрократии. Исследуемые отчёты рассматриваются как документы с приобретённым статусом достоверности заключительного акта, не предполагающие процедуры проверки репрезентируемой ими информации, истинность которой освещена инстанцией [9, с. 19]. Таким образом, информация, представляемая уполномоченными в отчетах, считается достоверной, поскольку создана органом власти – СДР и включена в систему принятия решений по религиозному вопросу другими органами, опиравшихся в своей деятельности на данные отчеты (центральный аппарат СДР, партия, правительство).

Методологически работа опирается на принципы исторической антропологии, рассматривающей документы уполномоченных не только как источники информации, но и как продукты специфической бюрократической культуры позднесоветского периода. Применение компаративистского метода к материалам трёх регионов (Ленинград, Нальчик, Брянская область) выявляет существенные различия в стратегиях взаимодействия общин с властями.

Результаты

Сбор данных о выпечке мацы еврейскими религиозными общинами становится наиболее популярным сюжетом в ежегодных отчетах уполномоченных СДР. Связано это было как со сложностью самого процесса выпечки мацы и ее реализации, в который

был вовлечен аппарат областных СДРК, так и тем, что в структуре бюджета общин доходы от продажи мацы связывались с уровнем их благосостояния напрямую. Ленинградский уполномоченный в отчете за 1969 г. докладывал, что за «прошедший год оборот от продажи мацы составил 80428 руб. (изготовлено мацы – более 59 тонн), после вычетов расходов, чистая прибыль составила 27178 руб. или 20 % всех доходов общины» [10, л. 46].

Процесс обеспечения мацой был затруднен по разным причинам. Во-первых, необходимо было подобрать подходящее место под мацепекарню. Поскольку еврейская традиция жестко регламентирует процесс выпечки и соблюдение ритуальной чистоты помещения и утвари, используемой при выпекании, задача не была тривиальной.

Во-вторых, требовалось в достаточном объеме закупить муку. Так как объем выпекаемой мацы даже небольшими общинами шел на тонны, а приобрести крупные партии качественной муки было затруднительно – требовалось обращаться в органы государственного снабжения.

Третья проблема – политическая. Далеко не всегда на просьбы общин СДР отвечал положительно. Из этого следовало, что выпечка мацы общинами могла быть непубличной и несанкционированной. Помимо представленных проблем, важной задачей являлась реализация мацы обширному кругу лиц, а значит, мацу надо было успеть выпечь и продать к празднику Песах.

К решению этих вопросов каждая община подходила по-разному, в разные годы практики обеспечения мацой менялись. Условно данные практики выпечки мацы можно разделить на две категории: централизованный процесс производства общинами и частный, выполняемый отдельными членами общины в домашних условиях.

Еще в 1950-е гг. сложилась практика обращения в государственные и кооперативные цеха по изготовлению хлебобулочных изделий. Таким образом, община выступала заказчиком, а конкретная артель – исполнителем. Помимо выпечки мацы, продажа её также шла через государственные торговые сети, как указывает С. Чарный, к такой практике прибегали общины Москвы, Ленинграда, Киев, Львова, Одессы и др. городов¹.

¹ Чарный С. А. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели» 1953–1964: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 156.

По договору 1950 г., заключенного черниговской еврейской общиной с Артелью им. Сталина на выпечку мацы, видна общая схема коммуникации общин с предприятием. Община обязывалась передать артели во временное пользование машину для раскатки мацы, сотрудники занимались выпечкой мацы, одновременно обязуясь выполнять требования, установленные общиной (запрещено было использовать для производства другой продукции помещения во время выпечки и работать в субботу сотрудникам артели). Община в свою очередь обязалась выкупить готовую продукцию из расчета 7 р. за килограмм [11, с. 64].

Сохранившиеся документы Ленинградской синагоги показывают аналогичную ситуацию, так, в ноябре 1956 г. исполнительный орган стремился заблаговременно обратиться от имени раввина Авраама Лубанова в Управление торговли Ленгорисполкома для получения разрешения от него отпуска тресту хлебопечения 110 тонн муки. Община стремилась, чтобы завод начал работу и к декабрю пустил первые партии мацы в продажу во избежание очереди, имевшей место в предыдущем году [12, л. 9].

Однако не всегда государственным предприятиям уполномоченные Совета по делам религиозных культов (название органа до 1964 г.) разрешали выпечку мацы, а кооперативы под давлением со стороны других государственных органов отказывались от подобных заказов [2, с. 171]. Из представленной выше географии городов видно, что данная практика была довольно распространенной в 1950-е гг. Одновременно с этим можно считать, что она была безопасной для самих общин, ведь подпольный цех мог обернуться санкциями.

С точки зрения контроля за религиозными общинами СДРК также было выгодно, чтобы процесс выпечки мацы был у них на виду – так они могли точно знать объемы производства и контролировать финансовые поступления. Однако уполномоченные на местах далеко не всегда разрешали обращаться в государственные цеха, порой запрещая выпечку мацы. В частности, в Литве в 1960 г. уполномоченным было полностью запрещена организованная выпечка мацы [3, с. 129].

Вторым централизованным способом изготовления мацы была организация мацепекарни силами самой общины. К середине 1960-х гг. именно этот способ можно считать наиболее популярным, в частности к нему перешла Ленинградская общи-

на. Об открытии мацепекарни в 1960 г. в общине горских евреев Нальчика сообщалось в отчете уполномоченного Кабардино-Балкарской республики [13, л. 26].

Этот способ заключался в том, что община выпекала мацу в собственном помещении синагоги, организуя специальную печь, закупаая дрова и изыскивая в нужном объеме муку. Важным условием при организации цеха было соответствие санитарным правилам. Помимо финансовых правил, мацепекарня должна была соответствовать и санитарным требованиям. В акте от 11 ноября 1968 г., подписанном санитарным врачом Октябрьского района Ленинграда, говорится о результатах обследования помещений мацепекарни, перечисляя ряд требований, необходимых к улучшению для получения разрешения на эксплуатацию [14, л. 9]. Отсутствие разрешения могло привести к запрету работы. Неудовлетворительное состояние мацепекарни в Нальчике привело к ее временному закрытию в середине 1960-х гг., после устранения нарушений она вновь заработала [13, л. 26].

Разрешение на устройство мацепекарни при синагоге как способ решения проблемы обеспечения мацой считалось легальным, общины отчитывались по тратам, платили налоги. Уполномоченный по Кабардино-Балкарской республике Л. Аисов в ежегодном информационном докладе сообщал, что горско-еврейская община Нальчика после перерыва в работе в течение 1968–1969 гг. организовала своими силами выпечку мацы, а «о деятельности мастерской известно финорганам, все необходимые виды налогов с них взысканы» [15, л. 77].

Главной задачей общины было приобретение «давальческой» муки. Для своих нужд нальчикская община просила ежегодно на протяжении 1970-х гг. от уполномоченного СДРК наряд на получение около 10 т муки [16, л. 13].

Объемы получаемой муки заботили сотрудников СДРК не только потому, что ее необходимо было разыскать и отпустить по фиксированной цене в условиях планового хозяйства, а потому, что в реализации мацы усматривалось извлечение прибыли общинами, в чем уполномоченные усматривали проблему.

В логике бюрократического аппарата отчетливо прослеживается, как рост доходов религиозных обществ связывался с повышением религиозности советских граждан, а их падение, соответственно, снижению интереса к религии.

В ленинградском отчете за 1969 г. отмечалось, что увеличение посещаемости церквей и молитвенных домов верующими и активное исполнение религиозных обрядов «влекут за собой большие доходы религиозных обществ, которые имеют тенденцию ежегодного роста» [17, л. 28].

Поэтому отпускать муку стремились в объеме нужд конкретной общины, не допуская того, чтобы образовывался излишек на продажу. В тое время на примере ленинградской и нальчикской общин видно, что они выпускали мацу и для продажи другим общинам. Ленинградская хоральная синагога произвела около трех тонн мацы по просьбе общины Ростова-на-Дону к Песаху 1974 г., на что было дано специальное разрешение и увеличен объем отпуска муки [18, л. 9].

В рамках вопроса обеспечения мацой становится видно, что за официальной отчетностью возможно увидеть не только основные аспекты функционирования иудейских общин, но и географию взаимодействия между ними. Сравнивая отчеты по деятельности синагог Ленинграда и Налчика, видно, что ростовские евреи в 1975 г. закупили 200 кг мацы и у нальчикских горских евреев [19, л. 13].

Горизонтальная сеть взаимодействия у ленинградской и нальчикской общин была довольно обширной. Исследователь К. Карпекин отмечает, что в 1960 г. верующие белорусские евреи покупали мацу в Ленинграде [20, с. 55]. По городам, из которых за мацой приезжали в Налчик, видно, что отдельные общины существовали в городах, где либо ранее действовала своя официальная синагога в советское время, либо где фиксировалась еврейская община только до революции.

Объясняя причину увеличения закупки муки на 2 тонны и увеличение производимой мацы в 1975 г. уполномоченный Л. Аисов указывал, что Налчикская община снабжала мацой верующих евреев из городов группы Кавказских минеральных вод, Грозного, Ordжоникидзе, Дербента и Буйнакска. Объяснялось это тем, что только у нальчикской общины есть в распоряжении тестопрокаточная машина [19, л. 13].

Данная тенденция продолжилась и в следующем году, что вызывало негодование у Л. Аисова, который поставил вопрос о том, чтобы признать мацепекарню в разряд предприятия при религиозном обществе «со всеми вытекающими последствия»

[16, л. 14]. Схожие мысли ранее высказывал ленинградский уполномоченный Г. Жаринов в начале 1970-х гг., жалуясь на высокие доходы иудейского общества извлекаемые от мацепекарни и предлагал соответствующим министерским органам принять меры, чтобы организация выпечки мацы и прибыль, получаемая от нее, находились в руках государства [10, л. 46–47].

В рамках централизованной организации выпечки мацы выделим еще практику, к ней, в частности, прибегали нальчикские евреи. Так, во время закрытия пекарни в середине 1960-х гг. выпечка мацы осуществлялась в частных домах членами общины, но при координации и снабжении необходимыми ресурсами синагогой [13, л. 26].

Схожим образом поступали и другие общины, например общины латвийского города Резекне, когда централизованную выпечку в синагоге не разрешали, выпекали мацу в частном доме, где имелась «русская» печь, иногда процесс замешивания теста контролировал раввин [3, с. 126–127].

Особо отчетливо этот процесс виден на примере малых общин, где роль в выпечке мацы брали на себя отдельные члены общин. В Брянской области официально было зарегистрированы три общины, но синагоги не организовывали выпечки мацы на Песах. Об этом, например, докладывал А. Пастухов, секретарь исполкома городского совета Клинецв, отмечая, что в 1973 г. «маца выпекалась верующими частным способом» [21, л. 165].

Схожую информацию предоставлял секретарь Новозыбковского горсовета П. Лысаков: «коллективной выпечки мацы не проводилось» и «отдельные граждане производили выпечку мацы в своих домах, где имелись необходимые условия» [21, л. 166].

В Брянске синагога также не имела отношения к выпечке мацы, ее организовала группа верующих в составе семи человек в частном доме. Выпекалась маца в «русской» печи, общий объем которой составил 671 кг [21, л. 167]. Объемы выпечки мацы в Клинцах и Новозыбкове неизвестны, но, учитывая небольшое число верующих в этих общинах к середине 1970-х гг. (около 100 чел. в каждом городе), можно предположить, что выпекалось несколько сотен килограммов.

Обратимся к устной истории, в частности к коллекции интервью, записанных в ходе этнографической экспедиции 2016 г. Центра «Сэфер» в Брянской области. По словам евреев,

уроженцев области, традиция выпечки мацы домашним способом существовала достаточно долго и, по воспоминаниям, продолжала существовать с довоенных лет:

«На Пасху до войны, конечно, мацу пекли, конечно. Пекли дома. Раньше не было такого, пекли по домам. А папа у меня этот, ну, как его, эту мацу садил в печь. А так остальные люди сами. Ну делали эти кружочки для мацы. И пекли. Собирались, конечно, общиной, потому что так невозможно. Собирались у кого-нибудь дома, у кого большой дом. Собирались и занимались»¹.

С точки зрения фактической организации цеха мацепекарен и трудозатрат на производство известно, что в 1950-е гг., когда общины обращались в хлебопекарские предприятия, работа полностью делегировалась сотрудникам пекарен. Исключением был только инспектор от общины, выполнявший функцию «машгияха», т. е. специально обученного человека в общине, задача которого – следить за кошерностью любых кухонь и предприятий, где готовится пища. В том же 1956 г. ленинградская община стремилась договориться с трестом хлебопечения, чтобы от общины присутствовали постоянно два инспектора в цеху [12, л. 134].

В 1960-е гг., когда производством занялись сами синагоги в своих цехах, им предстояло решать вопросы найма необходимого числа сотрудников. В 1968 г. ленинградская община нанимала для работы 56 чел. в мацепекарню, в 1969 г. она смогла обойтись силами уже 42 сотрудников [14, л. 4–5]. Размером меньше отличалась нальчикская община, например, в 1975 на протяжении двух месяцев над выпечкой мацы работало четыре бригады, общей численностью 24 человека [19, л. 13].

В приведенных примерах видно, что выпечка мацы начиналась заранее за несколько месяцев, чтобы успеть реализовать мацу всем еврейским семьям. Возвращаясь к финансовой стороне, нельзя обойти вниманием вопрос стоимости мацы и ее доступности. В докладах, представляемых уполномоченными в центральный аппарат СДРК, говорится о внушительных доходах общин. Например, в отчете за 1975 г. по Ленинграду указана сумма в 75 786 р. [22, л. 57]. Однако большую часть этих средств составляли расходы: закупка муки и выплата заработной платы

¹ Полевой архив Центра Сэфер. Шифр записи: Br_K1_04 / Информант: Женщина 1925 г. рождения // Собиратели: Белова О., Каспина М., Герасимова В., Урманова А. Дата записи: 2016 г. Место записи: г. Клинцы

сотрудникам. Прибыль за отчетный год составила 38 тыс. р., но она лишь номинально учитывалась в общей кассе общины.

Получаемые суммы не могли быть полностью использованы на оплату нужд общины, зачастую религиозные объединения отдавали часть своих доходов в Фонд мира. Синагоги также переводили деньги в указанный фонд, чем больше были их доходы, тем больше взносов в фонд они отчисляли, причем деньги вычитались именно из прибыли от мацы. Например, ленинградская община в 1972 г. получила прибыль от реализации мацы в 28 тыс. р., из которых 15 тыс. направила в указанный фонд [23, л. 62].

О степени «добровольности» взносов свидетельствует следующее суждение уполномоченного Г. Жаринова от 1970 г.: «совместно с Октябрьским исполкомом и финансовыми органами будем вести работу, чтобы более значительная часть доходов от мацы была внесена в Фонд мира» [10, л. 48]. Данные отчисления были регулярными, в 1973 г. из общей прибыли в 26 тыс. р. синагога передала в фонд 13 тыс. р. [24, л. 2–3].

В Нальчике синагога в свою кассу получала суммы скромнее. При выпечке мацы в среднем от 8 до 12 т в год на протяжении 1970-х гг., чистая прибыль сильно варьировалась от 680 р. за продажу 8,6 тонн в 1976 г. [25, л. 14] до 2180 р. за продажу 9,8 т в 1979 г. [26, л. 2].

Разброс в деньгах можно попытаться объяснить нежеланием общины напрямую отчитываться за получаемую прибыль и дальнейшее исправление этой ситуации со стороны СДР. Так, в 1977 г. уполномоченный Л. Аисов усомнился в том, что 856 р. является реальной прибылью общины. В этом случае можно говорить о бюрократическом нажиме на общину в исполнении отчетности. В то же время нальчикская синагога перечисляла в Фонд Мира только 100 р. в год на протяжении второй половины 1970-х гг., а до этого не перечисляла совсем [13, л. 26].

С точки зрения доступности для члена общины – приобретателя мацы, покупка в синагогах, где маца выпекалась централизованным способом, обходилась дороже, чем выпекаемая частным образом. В Ленинграде стоимость одного килограмма мацы обходилась в 1 р. 20 к., следует из отчета за 1969 г. [10, л. 47].

Продавалась маца коробками по пять килограммов, что известно из внутренних документов синагоги, где фигурирует

упаковочный цех. Также это подтверждается математическим расчетом: деления объема выпеченной мацы на количество заказчиков. Например, известно, что в 1973 г. было выпечено чуть более 55 т мацы, при этом число заказов составило 12 271 [24, л. 52], а в 1974 г. при той же выпечке, заказчиков было 10 608. Таким образом, если высчитать средний объем готовой продукции на один заказ $(55\,000 + 55\,000)/(12\,271 + 10\,680) = 4,8$ кг. Учитывая погрешность, связанную с округлением объема выпеченной мацы, можно предположить, что вес одной коробки составлял 5 кг. При этом цена в 1 р. 20 к. не была постоянной, в случае с изготовлением мацы для общины Ростова-на-Дону, стоимость одного килограмма составила уже 2 р. [24, л. 53].

В Нальчике килограмм мацы стоил 1 р. 60 к. При этом объем отпуска на один заказ был выше, чем в Ленинграде, так на 700 заказов в 1979 г. было выпечено 9,4 т мацы [26, л. 2], или примерно 13,5 кг на один заказ. Учитывая, что в среднем нальчикская община производила 2–3 т мацы для евреев из других городов, можно считать величину заказа «оптовой» закупкой.

В общинах Брянской области цена на мацу была меньше, в Брянске один килограмм мацы продавался за один рубль. О стоимости мацы в Новозыбкове неизвестно, а про Клинцы известно «по заявлениям верующих», что выпечка 1 кг обходилась по себестоимости в 80–85 к. [21, л. 167].

Обсуждение и выводы

В силу особенностей методики сбора информации уполномоченными СДР о религиозных общинах, а именно собеседований с представителями синагог (членами исполнительных органов и/или раввинами) и письменных сведений от них же, полученные данные относились исключительно к зарегистрированным общинам. Все остальные случаи фактически не попадали в поле зрения уполномоченных. Следовательно, судить о распространённости того или иного способа производства мацы на основании этих документов невозможно. Однако, учитывая количество и географию распределения зарегистрированных общин, можно предположить, что централизованное обеспечение мацой осуществлялось преимущественно в крупных городах и в местах компактного расселения евреев с официально действующими еврейскими общинами. В регионах, где не было

зарегистрированных общин, верующие, вероятно, прибегали к частному способу производства.

Маца, являясь основным атрибутом праздника Песах, вместе с ним становится наиболее четким маркером сохранения советскими евреями религиозной традиции. По мнению этнографа Марии Каспиной, праздник Песах являлся «самым последним оплотом кошерного образа жизни», его старались отмечать даже те евреи, которые не соблюдали остальные традиции [7, с. 216].

Таким образом, исследование вопросов обеспечения мацой еврейскими общинами в позднесоветский период позволяет проследить процессы сохранения и адаптации одного из элементов еврейской традиции, а также взаимодействия еврейских общин с советской бюрократической системой. Представленные централизованные способы производства, такие как выпечка в государственных цехах или организованных общинных мацпекарнях, были сопряжены с многочисленными трудностями: от организации кошерности помещений и закупки муки до давления со стороны властей. В регионах, где зарегистрированные общины не взаимодействовали с СДР по этому вопросу или где официальные общины отсутствовали, преобладала практика частной выпечки мацы в домашних условиях.

Проблема обеспечения мацой, несмотря на её частный характер, отражает институциональный статус еврейских общин в СССР. Это подтверждается повышенным вниманием со стороны уполномоченных СДР и значительной озабоченностью членов общин. Сам процесс организации производства мацы выступал своеобразной «точкой сборки»: для незарегистрированных общин он становился стимулом к кооперации и проявлению внутриобщинной активности, в то время как зарегистрированные синагоги демонстрировали институциональную гибкость, мобилизуя значительные организационные ресурсы через свои исполнительные органы. Полученные результаты предлагают новый ракурс изучения позднесоветского еврейства, дополняя традиционный нарратив о еврейско-государственном противостоянии анализом стратегий адаптации и повседневных практик существования общин.

Список литературы

1. Казаков Е. А. В поисках «советского еврейского»: позднесоветская национальная политика // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 6. С. 190–213. EDN: GBCDYX.
2. Altshuler M. Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964. Waltham: Brandeis University Press, 2012. 324 p.
3. Баркан К. А. Обеспечение еврейских религиозных общин мацов в Латвийской ССР (1946–1964) // ТИРОШ. Труды по иудаике. 2014. Вып. 14. С. 126–131. EDN: TUZJRV.
4. Страницы истории и культуры евреев Грузии: по следам экспедиции 2013 / отв. ред. М. А. Членов. М.: Пробел-2000, 2014. 136 с. EDN: TXYUCH.
5. Евреи пограничья: Смоленщина / отв. ред. С. Амосова. М.: Пробел-2000, 2018. 336 с. EDN: YPAZUV.
6. Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии: Материалы экспедиций 2011–2012 годов / отв. ред. С. Амосова. М.: Пробел-2000, 2013. 382 с. EDN: TUZJDN.
7. Каспина М. Народная религиозность советских ассимилированных евреев: свинина и хлеб вместо мацы // Евреи пограничья: Смоленщина. 2018. С. 209–220. EDN: YPBAMM.
8. Люрманн С. Что мы можем знать о советской религиозности? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4. С. 485–504. EDN: QZJVKX.
9. Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с. EDN: XMVSPQ.
10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 10.
11. Бельман С. Евреи Черниговщины после Холокоста (1945–2015) // Запорожские еврейские чтения: сборник статей и материалов, Запорожский национальный университет. Украинский институт изучения Холокоста «Ткума», 16–17 апреля 2015. Днепропетровск: Украинский ин-т изучения Холокоста «Ткума», 2016. С. 64–84.
12. Архив Санкт-Петербургской синагоги. Д. 21.
13. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. Р-780. Оп. 2. Д. 19.
14. Архив Санкт-Петербургской синагоги. Д. 4.
15. ЦГА КБР. Ф. Р-780. Оп. 2. Д. 41.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1151.
17. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 8.
18. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 1–2. Д. 42.
19. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 744.
20. Карпекин К. История иудейских общин Белорусской ССР в 1950-е – первой половине 1960-х гг. через призму документов фондов уполномоченных советов по делам религиозных культов // Белорусский исторический обзор. 2022. № 2. С. 41–59.
21. Государственный архив Брянской области. Ф. Р-2889. Оп. 1. Д. 46.
22. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 22.
23. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 16.
24. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 18.
25. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 943.
26. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1577.

Matzah Provision by Jewish Communities in the USSR in the 1960s – 1980s

Semyon S. Padalko

The article examines the issue of matzah provision for Jewish religious communities in the USSR during the 1960s – 1980s through the perspective of Soviet bureaucracy. It analyzes

the mechanisms of matzah production and distribution, identifying two main approaches: centralized (through state-run bakeries or community matzah bakeries) and private (home baking). Special attention is paid to the interaction between communities and the Council for Religious Affairs (CRA), including challenges in obtaining flour, meeting sanitary requirements, and financial oversight. Comparative method application reveals significant differences in the strategies of interaction between communities and the authorities in three regions. Using case studies of Jewish communities in Leningrad, Nalchik, and Bryansk Oblast, the article demonstrates how authorities restricted matzah production while communities adapted to pressure while preserving religious traditions. It is concluded that organizing matzah production was a critical task for the Jewish community, requiring extensive cooperation with state institutions and affirming its institutional role. The research draws on archival materials, including reports by CRA commissioners, supplemented with ethnographic data. This study contributes to understanding the everyday religious life of Soviet Jews and their survival strategies under state control.

Key words: Matzah, Jews in the USSR, Jewish communities, Pesach, Soviet bureaucracy.

Acknowledgements: The article was prepared as part of the research grant RSF No. 24-18-00479 "Jewish Spiritual Tradition and Identity Preservation: From the Biblical Era to Modern Russia".

For citation: Padalko, S. S. (2025) Obespechenie evrejskikh obshchin matsoi v SSSR v 1960–1980-e gg. [Matzah Provision by Jewish Communities in the USSR in the 1960s – 1980s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 107–121. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_107. EDN: IOABCC

References

1. Kazakov, E. A. (2018) V poiskakh "sovetskogo evreiskogo": pozdnesovetskaya natsional'naya politika [In Search of the "Soviet Jewish": Late Soviet National Policy]. *Neprikosnovenniy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Reserve. Debates on Politics and Culture]. No. 6. Pp. 190–213. (In Russ.). EDN: GBCDYX.
2. Altshuler, M. (2012) *Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964*. Waltham: Brandeis University Press.
3. Barkan, K. A. (2014) Obespechenie evrejskikh religioznykh obshchin matsoi v Latvii-SSR (1946–1964) [Matzah Provision for Jewish Religious Communities in the Latvian SSR (1946–1964)]. *TIROSH. Trudy po iudaike* [TIROSH. Works on Jewish Studies]. Vol. 14. Pp. 126–131. (In Russ.). EDN: TUZJPV.
4. Chlenov, M. A. (ed.) (2014) *Stranitsy istorii i kul'tury evreev Gruzii: po sledam ekspeditsii 2013* [Pages of History and Culture of Georgian Jews: Following the 2013 Expedition]. Moscow: Probel-2000. (In Russ.). EDN: TXYICH.
5. Amosova, S. (ed.) (2018) *Evrei pogranich'ya: Smolenshchina* [Jews of the Borderlands: Smolensk Region]. Moscow: Probel-2000. (In Russ.). EDN: YPAZUV.
6. Amosova, S. (ed.) (2013) *Utrachennoe sosedsvo: evrei v kul'turnoi pamyati zhitel'ei Latgalii* [Lost Neighbors: Jews in the Cultural Memory of Latgale Residents]. Moscow: Probel-2000. (In Russ.). EDN: TUZJDN.
7. Kaspina, M. (2018) Narodnaya religioznost' sovetskikh assimirovannykh evreev: svini-na i khleb vmesto matsy [Folk Religiosity of Soviet Assimilated Jews: Pork and Bread Instead of Matzah]. *Evrei pogranich'ya: Smolenshchina* [Jews of the Borderlands: Smolensk Region]. Pp. 209–220. (In Russ.). EDN: YPBAMM.
8. Luhrmann, S. (2012) Chto my mozhem znat' o sovetskoi religioznosti? (Sopostavlenie arkhivnykh i ustnykh istochnikov iz poslevoennogo Povolzh'ya) [What Can We Know About Soviet Religiosity? (Comparison of archival and oral sources from the post-war Volga region)]. *Gosudarstvo, religii, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Abroad]. Vol. 30. No. 3–4. Pp. 485–504. (In Russ.). EDN: QZJVXK.

9. Baiburin, A. K. (2017) *Sovetskii pasport: istoriya – struktura – praktiki* [Soviet Passport: History – Structure – Practices]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.). EDN: XMVSPQ.

10. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TsGA SPb). F. R-2017. Op. 2. D. 10.

11. Belman, S. (2016) *Evrei Chernigovshchiny posle Kholokosta (1945–2015)* [Jews of Chernihiv Region After the Holocaust (1945–2015)]. *Zaporozhskie evreiskie chteniya* [Zaporizhzhia Jewish Readings]. Dnipro: Institut izucheniya Kholokosta "Tkuma". Pp. 64–84. (In Russ.)

12. *Arkhiv Sankt-Peterburgskoi sinagogi* [Archive of St. Petersburg Synagogue]. D. 21.

13. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Central State Archive of Kabardino-Balkar Republic] (hereinafter – TsGA KBR) F. R-780. Op. 2. D. 19.

14. *Archive of St. Petersburg Synagogue*. D. 4.

15. TsGA KBR F. R-780. Op. 2. D. 41.

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of Russian Federation] (hereinafter – GARF). F. R-6991. Op. 6. D. 1151.

17. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 2. D. 8.

18. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 1–2. D. 42.

19. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 744.

20. Karpokin, K. (2022) *Istoriya iudeiskikh obshchin Belorusskoi SSR v 1950-e – pervoi polovine 1960-kh gg. cherez prizmu dokumentov fondov upolnomochennykh sovetov po delam religioznykh kul'tov* [History of Jewish Communities in Belarusian SSR in 1950s – First Half of 1960s Through Documents of Commissioners for Religious Cults]. *Belorusskii istoricheskii obzor* [Belarusian Historical Review]. No. 2. Pp. 41–59. (In Russ.)

21. *Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti* [State Archive of Bryansk Oblast]. F. R-2889. Op. 1. D. 46.

22. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 2. D. 22.

23. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 2. D. 16.

24. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 2. D. 18.

25. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 943.

26. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 1577.

Об авторе

Падалко Семён Сергеевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: semenpadalko14@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9491-5003

About the author

Padalko Semyon S., Postgraduate Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: semenpadalko14@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9491-5003

Статья поступила в редакцию 14.05.2025

Одобрена после рецензирования 22.05.2025

Принята к публикации 10.06.2025

Драма исхода невесты-чувашки в обряде «Девичья баня»

Н. С. Волкович

В статье исследуется один из фрагментов чувашской свадебной обрядности – «Девичьей бане». С помощью сравнительного анализа предпринята попытка рассмотреть элементы обряда, определить направление их трансформации по отдельности и в целом. Представленный этнографический материал указывает на концептуальную сложность фигуры невесты. Для рода невесты и ее самой выход замуж является в полном смысле этого слова драмой. «Девичья баня» – один из ключевых обрядов в сценарии всей традиционной свадьбы. Немало элементов «Девичьей бани» дошли до нашего времени в виде реликтов. Традиционная свадебная обрядность декларирует идеи построения крепкого брака, которые еще не совсем вышли из обихода в наше время. Институт семьи был сформирован традиционной культурой, этнографические материалы демонстрируют его многосложность, отмечается сопряженность семейных ценностей с духовной системой традиции. Одной из задач статьи является интерпретация элементов свадебной обрядности для их обсуждения, вероятной полемики, т. е. в конечном счёте для их оживления и придания жизнеспособности. Предлагается не статичное изложение хронологического материала, а попытка расшифровать его для поиска онтологических основ феномена семьи.

Ключевые слова: экзогамия, чувашки, девичья баня, свадьба, традиция, семья.

Для цитирования: Волкович Н. С. Драма исхода невесты-чувашки в обряде «Девичья баня» // История повседневности. 2025. – № 3. – С. 122–140. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_122. EDN: KASPHV

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в традиционном свадебном обряде «Девичья баня» или «Невестина баня» является одним из примечательных этапов. Его исключительность заключается, с одной стороны, периферийностью или незначительностью интереса в научной литературе, с другой – сохранением её рудиментов в современной свадьбе. Это говорит о достаточной устойчивости ядерных элементов, хотя самобытная часть компонентов традиционной свадьбы ушла в небытие. Всё это в совокупности свидетельствует о высокой актуальности изучения столь важного и одновременно малоизученного обряда «Девичья баня».

Обрядовые действия девичьей бани освещаются в считанных публикациях. В классической этнографической литературе по чувашам XVIII–XIX вв. мы не найдём описания этой части. Получается, легче указать, где присутствует описание разбираемого обряда [1–4].

Соотношение свадебной обрядности и богатырских сказок о добывании невесты отражено в брошюре чувашского этнолога [5]. Основная часть материалов по теме хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН).

Так, упоминание о бане у П. П. Фокина трудно назвать описанием, тем более – анализом: «За день до свадьбы родители жениха и родители невесты топили баню. Помывшись, жених со своим другом верхом, а невеста с подружкой в санях, с колокольчиком под дугой, разъезжали по деревне, приглашая на свадьбу» [2, с. 350]. Это всего пара строчек без конкретики. Ввиду вышеуказанного опуса мы вынуждены использовать сравнительный анализ. Как утверждает *nota bene* этнолога, реальность одинакова, различны только интерпретации.

Прежде всего должен возникнуть вопрос о культуре бани как таковой у чувашей. В любом случае целью данной статьи не является подробное освещение вопроса истории банной традиции или мытья. Однозначно можно сказать, что традиция банного мытья прочно включена в культуру на уровне как верований [3, с. 320–321, 373–374], так и ритуалов [6, с. 78; 7, с. 249–258]. Распространение культуры парового мытья у чувашей рассматривается в статье В. В. Медведева «Доместициро-

ванные объекты чувашей Республики Башкортостан и сопредельных территорий» [7]. Относительно верховых чувашей есть источники о распространении мытья в доме.

По итогу обзора историографии мы можем уверенно сказать, что этап «Девичьей бани» отражает исконную традиционную культуру чувашей.

Статья опирается на систему принципов историзма, системности и объективности. Конкретной теоретической основой работы является петербургско-ленинградская школа этнография (В. Г. Богораз, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, А. К. Салмин). Для достижения цели исследования применялись сравнительно-исторические и историко-типологические методы. Нами предложена следующая последовательность изложения материала: общая история происхождения бани в целом и для народов Поволжья в частности; хронологический обзор имеющихся источников и литературы по обряду у чувашей; сравнительный анализ составных элементов обрядности с другими народами; общие выводы.

Цель статьи – анализ предсвадебного обряда чувашей «Девичья баня» и определение тенденции его трансформации.

Девичья баня в чувашском варианте

Данный ритуал можно назвать кульминационным. И это вполне заслуженно. Потому что в действительности баня является местом, где происходили рубиконные процессы – новогодние гадания в *сурхури*, роды, мытье после похорон родственника и т. д.

Выше мы говорили о сохранности некоторых рудиментов вплоть до сегодняшнего дня. Перечислим только некоторые (табл. 1).

Таблица 1

Трансформация элементов обряда «Девичья баня»

<i>Источник в традиции</i>		<i>Рудименты в современности</i>
Подруги ловили веник, который кидала невеста в бане	→	Бросание букета невесты
Сбор девушек перед свадьбой		Девичник
Ритуал «Вопрошание имени»		Смена фамилии женщиной при вступлении в брак
Расплетание девичьей косы, удаление девичьей ленты		Укладывание свадебной причёски

Гигиенические процедуры в природных источниках являются отправной точкой истории мытья. Так, в источнике начала X в. упоминается о мытье в реках народами Волжской Булгарии (в том числе историческими предками чувашей – суварами): «Мужчины и женщины спускаются в реку и моются вместе голые, не закрываются один от другого и не совершают прелюбодеяния каким бы то ни было образом» [8, с. 137]. Считается, что на этапе проживания людей в землянках баня стала выделяться в отдельное сооружение, отсюда рудимент домашнего (печного) мытья [9, с. 10–11, 16–17], т. е. домашнее мытье – более древняя форма (относительно бани), когда дом и процесс мытья тела ещё были неделимы. Неслучайно в плаче мордовской невесты баня иногда заменяется домом. Вообще баня всегда относилась к сакральному локусу. И, как показывают авторские полевые исследования, одна баня у чувашей была изначально на несколько семей или на род. Семейная баня (на одну семью) появляется относительно позже.

Бани по-черному изначально строились, как правило, вне дворов, на отдалении, чтобы снизить риск от возможного пожара. Их ставили напротив домов, образуя как бы вторую (противоположную) линию улицы (рис. 1). Еще один вариант – у воды (у оврага) (рис. 2). Бани по-белому, которые появились значительно позже курных, были менее пожароопасными, поэтому их стали интегрировать в дворовые строения.

Рис. 1. Типичное расположение бань напротив усадеб через улицу в д. Егоркино Октябрьского р. ТАССР. Июнь 1984 г. Фото В. П. Иванова // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Отд. VIII. Ед. хр. 861, инв. № 7743 [10]

Рис. 2. Традиционное расположение бани в конце огорода у оврага. Алькеевский р. ТАССР. 1976 г. Фото Е. С. Сидоровой // ЧГИГН: Отд. VIII. Ед. хр. 601, инв. № 3990 [11]

Локация обряда «Девичьей бани» имеет совершенно прозрачные коннотации:

1. Баня – место, связанное с предками, первопредками [9, с. 16; 3, с. 203, 373–374; 12, с. 190–191, 195]. Место обитания духов рода и посещения предками, т. е. баня имеет прочную связь с потусторонним (недоместицированным) миром. Объективно баня – это место, куда домочадцы приходят на правах «гостей», так как там свои хозяева – духи.

2. Практически любой значительный ритуал у чувашей начинается с обряда очищения, т. е. с бани.

3. Баня – это то место, в котором происходят обряды перехода. Здесь рожали, проводили молодежные посиделки *улах* с эротическим контентом, иногда баня служила и локусом брачной ночи. Баню можно считать тем местом, где совершается «символическое уничтожение (отделение, расчленение) прежнего и “изготовление” нового человека» [13, с. 71].

Исследователи народов Поволжья и Приуралья (русских, тюркоязычных, финно-угров и других) указывают на следующие функции ритуала «Девичья баня»:

- прощание с девичьей волей;
- отчуждение от своих родовых божеств;

- отчуждение от своих предков. В том числе прощание невесты со своими предками на кладбище;
- отчуждение от своего рода – идея перерождения, символической смерти невесты в своём роду;
- оповещение о свадьбе до ушедших предков и родовых духов.

Практически всеми отмечается очевидная связь свадебных церемоний в целом с похоронно-погребальным ритуалом. Прослеживается сопряженность в самом порядке этапности в свадебной обрядности: прощание на кладбище → «Девичья баня» [9; 14; и др.]. В некоторых материалах встречается и обратная последовательность: баня, потом прощание на кладбище [15, л. 216–229].

В процессе ритуального мытья девушка, готовясь к переходу в «иной» мир – другую семью, окончательно прощалась с девичеством, смывала свою «волю» и «девичью шалость» [16, с. 13]. В бане невеста оставляла свою волю [17; 18]. Крайне сложно определить терминологию для диаметральных культур (традиционной и современной). Феномен «личность» в традиционной культуре разительно отличается от современного. Человек был неотъемлемой частью своего рода. В этнографических материалах: краса = красота = воля = собственное имя = хотелось бы сказать «Я» (для понимания современниками), но с оговоркой, что онтология этого термина в традиционном обществе отличалась. Первичное предназначение свадебной обрядности – это обыгрывание утраты родом части самого себя. Актуальность обрядности востребована прежде всего собственно родом. Родственный круг, наподобие клеточной структуры, должен был сформировать культуру (сценарий) выхода элемента из своей «плоти» для единственно актуальной цели – воспроизводства (народнения), т. е. продолжения жизни. Весь этот комплекс слов (краса, красота, воля, собственное имя) мы отождествляем с личностью невесты, с её эго, с самой себя. Нет терминологии в современности для коннотаций *человек-сегмент* рода. В бане действительно замыкался её жизненный цикл в рамках рода: символическая смерть и рождение невесты. Но «Девичья баня» – лишь один из этапов в системе (цепи) обрядов ухода из семьи и рода и прихода в другую семью и род. Во время ритуала же обыгрывались символические похороны. В роли покойной выступала девушка-невеста. Выход из своего рода понимался людьми традиционного склада как смерть, т. е. конец жизни в своем роду.

Не лишним будет здесь цитата о фате невесты: «Ослепление – традиция покрывания головы невесты платком или покрывалом... Ослепляли невесту потому, что в момент свадьбы она становилась мертвецом среди живых, то есть она умирает для своей семьи и рождается в семье мужа» [19, с. 21–25]. Для некоторых исследователей сам цвет фаты имеет траурные коннотации, были зафиксированы случаи ношения невестой масок умерших и т. д. [20]. Добавим, что термин «*невеста*» буквально означает *никто* (неизвестная, невесть кто, неведомая и т. д.).

У чувашей во время «Девичьей бани» подруги стегают невесту венниками до тех пор, пока она не произнесет имя жениха. Чем дольше она терпит и не произносит имя жениха, тем лучше с точки зрения традиции [1; 3, с. 151]. Можно предположить, что это есть исток современной угасающей традиции, смены фамилии девушкой при вступлении в брак. О противлении невесты в этом обряде подробнее см. [4, с. 54–56].

Так, В. С. Бузин предлагает взглянуть на этот момент немного под другим ракурсом. Он считает, что «Вопрошание имени» представляет собой реликт некогда бытовавшей практики похищения невесты [21]. Имеется в виду, что при свадьбе умыканием, т. е. воровством, девушка узнаёт имя жениха уже в ситуации похищения. Выработка брачных норм совершенно определенно начиналась с договора между родовыми группами [22]. Диалог об экзогамном обмене явно возник после череды конфликтов между этими группами (ещё в статусе *дородовых*) [23]. Поэтому, по идее В. С. Бузина, в этом случае могла произойти трансформация нарративов свадьбы умыканием в уже обычную традиционную свадебную обрядность, которая и возникла на базе традиции воровства невест, т. е. того, что было. Обряд «Вопрошание имени» в рамках «Девичьей бани» уместно интерпретировать следующим образом: здесь происходит утрата девушкой-невестой своего эго, которое некогда было едино с родом и после символической смерти происходит обретение уже иного эго (называется имя жениха), сопряженного (равного) роду жениха. Высказанная В. С. Бузиным мысль добавляет факты в историю процесса рождения семьи, т. е. фиксирует отправную точку экзогамии – конфликт, что ранее позиционировалось наукой, как правило, в качестве догадок.

Важно, что мы не одиноки на пути воссоздания истории брака через логику обрядности. Исследователям совершенно

очевидно, что родня именно хоронит невесту (т. е. прощается с ней навсегда, выводит из «списка» рода и семьи), отдавая замуж. Но при каких условиях такая традиция могла возникнуть? Ответ один – в условиях конфликта между племенами (невест получали угоном, воровством и пр.) [24, с. 6]. Естественно, что следующим этапом данный процесс был формализован. И свадебная обрядность этому наглядное свидетельство.

Особенностью трансформации традиции является стремление сохранить составные кубики-элементы былой обрядности с максимально возможной силой, но с обязательным соответствием современным обстоятельствам. Новое всегда трансформируется из старого. Это можно отнести в данном случае и к эпизоду «Вопрошания имени».

Выше мы отмечали скудность этнографических материалов по рассматриваемому обряду. Поэтому предлагается вниманию читателя сводная таблица по данному обряду разных народов, в том числе чувашей (табл. 2). Процесс синкретизма традиционных верований чувашей и русских отмечается большим количеством источников. В этой связи сравнительный анализ чувашей с народами с развитой культурой бани ввиду особенностей климата представляется перспективным.

Таблица 2

Элементы обряда «Девичья баня»

Элемент	Чуваши	Русские	Карелы	Мордва	Поморы	Коми	Пудожье
Время и очередность этапа	Изначально накануне, позднее – утром в день свадьбы	Накануне или утром в день свадьбы	Накануне или утром до приезда жениха	Перед свадьбой обязательно	Накануне.	Утром в день свадьбы	После посещения невестой кладбища для прощания
Плач невесты	Да	Да	Обязателен. слезливая баня. Связь с похоронами	Да	Да	Да	Да
По просьбе невесты топят баню			Да				
Подчеркивается опасность захвата женихом			Да				

Манипуляции с волосами		Да	Да			Да	
Особенность дров	Да		Да			Да	
Особенность воды	Ключевая вода из трёх мест.		Проточная, ключевая, дождевая и пр.				
Наличие веника	Да	Да (бросала веник не глядя). / Не должно быть веника					
Свойства веника	Да	Ускоряет выход замуж	Ускоряет выход замуж. Особенность заготовки: нельзя рубить ветки - только ломать. Время сбора - летние Святки или Иванова ночь. Состав, часть дерева, сорт деревьев также особенны				
Состав - только девушки	Да (женщин не должно быть) / Нет		Нет	Нет			
Обрядовая идентичность похоронам	Да	Да	Да		Да		
Невесту ведут в баню	Да		Да				
Обрядовое выделение окон и дверей бани			Да				
Обрядовый акцент воли и имени	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Эротический контекст	Да		Минимум				
Интерпретация девственности			Да				

Соприкосновение продуктов и воды с телом невесты для использования в свадебном угощении		Да	Да				
Ритуальная пища, которая указывает на дефлорацию невесты					Да – Баенник (байник)		
Обереги (оберегающая функция)	Да	Да		Да			Да
После встреча или еда со стороны жениха			Да				
Избегание в обряде негативных персон: вдовы, сироты и пр.			Да		Да		
Источники	[1; 3].	[20; 14; 21; 19; 16].	[18; 9].	[29; 18].	[16].	[30].	[17].

Отметим, что пропуск в табл. 2 не означает, что данного элемента нет, просто он не упоминается, но и не отрицается в силу обстоятельств. «Нет» – источник прямо отрицает наличие элемента, «Да» – подтверждается его наличие. В табл. 2 можно рассмотреть устойчивые элементы исследуемого обряда (строчки имеют выделение): «Время и очередность этапа»; «Плач невесты»; «Обрядовый акцент воли и имени»; «Обереги (оберегающая функция)». Единство элемента «Время и очередность этапа» указывает на смысловую идентичность обряда в разных этнических культурах.

Элементы «Плач невесты», «Обрядовый акцент воли и имени». Смысл плача – причитания девушки о собственной кончине в своём роду. При манипуляциях с волей и именем, как указывалось выше, обыгрывается тот же процесс смерти. Явная схожесть обряда «Девичьей бани» с похоронами – это результат

трансформации представления о неминуемой «гибели» вне локуса рода. Где-то это прослеживается с сильным акцентом, а где-то уже в виде едва уловимых намеков, ибо трансформация культуры неоднородна в пространстве и во времени.

В расстановке элементов обрядности обращает на себя внимание вариативность состава ритуальных элементов в «Девичьей бане». В этом случае давление оказывают следующие факторы: этническая (локальная) интерпретация, угасание / трансформация обрядности и, наконец, невнятность самих источников: «По содержанию ряда источников не всегда понятно, в какой момент эти действия производились» [25, с. 288]. Например, «Манипуляции с волосами»: здесь (табл. 2) нами вынужденно объединены расплетение волос (девичьей косы), снятие ленточки, формирование замужней прически и т. д. В некоторых источниках прямо фиксируется девичья лента и смена прически, где-то вскользь упоминается только лента и т. д. В источниках по «Девичьей бане» у чувашей отсутствует информация о каких-либо ленточках в волосах молодой. В целом фиксируются сведения о косе и косах [26]. Мы можем только предположить: концы косы обязательно должны быть зафиксированы лентой (резинки и другие пластиковые фиксаторы появились намного позже). В любом случае мы понимаем, что поход в баню для девушки обязательно сопряжен с действиями в отношении её волос. Косу необходимо расплести хотя бы для мытья. У чувашей одна коса у девушки и две косы у женщины: после брачной ночи волосы уже заплетаются в две косы.

«Особенность воды». Если чуваша окатывание невесты совершают *трижды*, то иные народы делают акцент на тройственности источников воды. В обряде «Хождение за водой» у чувашей тождественно обыгрывается окатывание водой *трижды* – молодая после свадьбы обязана *трижды* пролить воду, почерпнутую из ключа [3, с. 166]. Должно быть, существует некая связь между этим проливанием *трижды* и собиранием воды из трёх источников. Определенная территория выражается в том числе и через духов воды, которые могли быть представлены через три ипостаси: проточная, ключевая и дождевая воды; или три разных источника в рамках локации. Так или иначе, очевидно, что в обоих случаях происходит оповещение духов (хозяев) воды, которые априори связаны с этим местом, т. е. с родовой территорией.

«Особенность веника». Здесь особый интерес представляют параллели запрета: резать свадебный хлеб у чувашей и запрет резать ветки для свадебного веника на карельской свадьбе. На русской и карельской свадьбах невеста не глядя бросала этот веник подругам – кто его поймает, та и выйдет скоро замуж. Совершенное сходство с современным бросанием букета современной невестой. Удивительно, что слово «веник», помимо очевидного, означает на современном жаргоне букет цветов.

Последняя параллель, на которую следует обратить внимание, это «Ритуальная пища, которая указывает на дефлорацию невесты». У поморов традиция баенника имеет подтекст распечатывания девушки. Точно такая же логика присутствует в свадебном ритуале чувашей «Девичья салма».

В некоторых элементах у конкретных народов по разным источникам указаны диаметрально противоположные сведения:

У чувашей. «Состав – только девушки»: Женщин не должно быть / Только девушки. Необходимо поставить определенный акцент на этом моменте.

В статье Н. Лейхтфельда (1903) указывается: «На каменку вместо воды льют пиво, причем всякий раз приговаривают:

*Чибер пурань,
Ирлыкь пулда,
Ача пьча пулдарь-че!*
“Живи хорошо, будь счастлива, рожай детей!”

Последнее пожелание (*Ача-пйча пултйрчй!*) говорят невесте одни женщины, так как девушки из скромности об этом умалчивают» [1].

Исходя из этого текста, в бане должны присутствовать и женщины. Как видно из табл. 2 и судя по источникам, присутствие для женщин не лимитируется на карельской свадьбе и у мордвы. Тем не менее архивные источники по чувашам на конец XIX – начало XX в. именно акцентируют обратное: «В такой бане не моется ни одна женщина, поэтому и называют ее *хёр мунчи* “Девичьей баней”» [15, л. 4]. Схожесть подобного объяснения настолько идентична с разбираемым ранее пассажем Александры Фукс относительно проезда свадебного поезда, что просто ограничимся ссылкой на подробный анализ: [22,

с. 47–48]. Указание по архивным данным на присутствие только девушек см. также: [27, л. 216; 28, 15, л. 212; и др.].

Архивные записи по присутствию только девушек повторяют друг друга и восходят к более ранним годам (около 1885 г.). Поэтому по всем канонам верификации данных их мы обязаны принять за исходные. Удивительно наблюдать за столь интенсивной трансформацией: всего за каких-то 20 лет информанты не помнят, что женщины не могут присутствовать на «Девичьей бане». Причина проста – утрата смыслов [22, с. 47–48].

Повод для появления женщины в обряде может быть только один – она наставница. Будучи когда-то девушкой-невестой, эта женщина сама принимала участие в церемонии и теперь объясняет/показывает девушкам (возможно, дочерям или племянницам) как надо. И опять-таки ещё одна причина появления наставницы – относительная редкость свадеб для времени и места данного этнографического очерка. Н. Лейхтфельд в самом начале XX в. рассказывал о чувашах, проживавших на правом берегу Волги: найти жениха той же веры было непросто для невесты. В таких условиях вынуждены были искать пару на большом расстоянии [22, с. 40].

Вообще при традиции играть свадьбы во время летних поминаний усопших родственников *симёк* не исключено, что в предбрачном мытье вместе с невестой могли быть несколько подруг. Об одновременном мытье нескольких невест не может быть речи, ибо это запутывает не только семьи, и роды. Так естественным образом обеспечивалась преемственность обряда. Девушки наглядно видели, что и как делать, далее в качестве невест передавали знания уже своим приятельницам и т. д. В условиях вынужденного отдельного проживания, слома традиции выходить замуж в соседнее село, разрушения единого времени свадеб на *симёк* традиция интенсивно угасает.

Появление фигуры наставницы по сути должно противоречить здравому смыслу традиции, а точнее – смыслу обрядности. В ходе «Девичьей бани» происходит процесс выделения / выхода – прощание с божествами рода и предками. Наставница же пришла из другого рода в эту семью (род). Она, на первый взгляд, по определению не имеет права участвовать в подобных сакральных действиях. Но она, будучи невестой, в своей родной деревне отделилась от своих родовых божеств и пред-

ков. Процесс «вживления» женщины в род мужа занимает десятилетия – некоторые исследователи считают, что вплоть до постклиматического возраста. Но она почему-то принимает участие в таком сакральном ритуале, в деревне мужа, где она символически перерождается, интегрировалась в мир рода мужа. Фигурирование ее в качестве наставницы, на наш взгляд, говорит о трансформации традиции: «обрядовые элементы, утратив свои начальные функции, приобрели иной, как правило, символический смысл» [20, с. 32]. По этнографическим материалам, традиция предписывала состав: только девушки, которые в скором времени должны покинуть этот род.

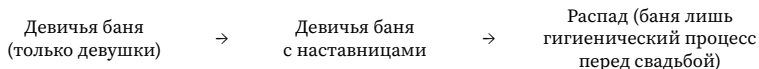
Элемент «Обереги (оберегающая функция)». Здесь сгруппированы ритуалы, которые дают невесте защиту от будущих бед и программируют её судьбу на позитивный сценарий. Чуть выше говорилось, что отсутствие понимания цементирует ритуал и сакрализирует его. Появляется формула обряда, которую нужно исполнить на подобии рецепта волшебного зелья. На вопрос почему, самый простой ответ: чтобы не было бед и все было хорошо. Именно поэтому данный элемент в табл. 2 имеет широкое распространение. Понимание важности символики выхода невесты из своего рода носителями культуры заменяется фантомным магическим ритуалом с сакральным сценарием. Устойчивость элемента фиксируется практически по всем этническим группам, что говорит о единой точке невозврата для всех культур, объединенных общей исторической судьбой в рамках одной социально-экономической системы.

Обсуждение и выводы

Ритуал «Девичья баня» при поэлементном сравнительном анализе научной литературы и архивных материалов представляет собой фрагмент доформирования обрядностью образа невесты в пространстве её рода (среди живых, ушедших и божеств). Символическая смерть невесты обыгрывается максимально комплементарно для сферы отеческого рода. Логика и сценарное место обрядности в свадьбе полностью выполняют свои задачи по выходу девушки из собственного рода на всех уровнях (отсюда – рудиментарное единство с чувашским семейно-родовым семик (*симёк*) и посещением кладбища). Баня как место конкретных событий призвана разыграть «похоро-

ны» невесты в родном роде, а её перерождение в чужом роду обыгрывается свадьбой уже далее.

Трансформационная цепочка обряда выглядит следующим образом:

Первичное предназначение свадебной обрядности (система координат свадьбы) – это обыгрывание утраты родом части самого себя. Актуальность обрядности востребована прежде всего собственно родом. Он наподобие клеточной структуры должен был сформировать культуру (сценарий) выхода элемента из своей «плоти» для единственно актуальной цели – воспроизводства, т. е. жизнеобеспечения. Свадьба является драмой с обоюдным движением: для самого рода невесты это утрата собственной целостности, для невесты – выход из родного мира, т. е. «смерть» = инициация. Позиция стороны жениха на данном этапе это угроза, противник, враг.

Основным лейтмотивом сценария традиционной свадьбы является детерминанта экзогамного договора. Данный договор и сформировал семейную традицию, в т. ч. и табу. Его эффективность доказана историей: для традиционных культур феномен нарождения является неотъемлемым свойством. Необходимо понимать, что мы относительно недавно находимся в точке отсутствия этого договора. Трансформация экзогамного договора является основной причиной изменений всей свадебной обрядности в целом и отдельных обрядов в частности. Субстрат этнографических знаний в этих условиях приобретает особенную ценность – в них таится очевидное решение выхода из кризиса института брака.

Список литературы

1. Лейхтфельд Н. Масляница и свадебные обряды у чуваш // Вокруг света. 1903. № 6. С. 87–90.
2. Фокин П. П. Брачная обрядность чувашей Самарской Луки (По материалам комплексной экспедиции ЧНИИ 1971 г.) // История и культура Чувашской АССР Сб. ст. Вып. 2. Чебоксары НИИ. 1972. С. 344–356.

3. Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с. EDN: WZCANR
4. Волкович Н. С. Чувашская свадьба как семейно-родовая церемония // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 48–58. EDN: YTOOSZ
5. Салмин А. К. Сказка – обряд – действительность: историко-типологическое изучение чувашского текста. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 142 с.
6. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. 329 с.
7. Медведев В. В. Доместцированные объекты чувашей Республики Башкортостан и сопредельных территорий. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2020. 336 с. EDN: XGMDXB
8. Ибн-Фадлан. Книга // Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. С. 119–148.
9. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с. EDN: XALFZP
10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Отд. VIII. Ед. хр. 861, инв. № 7743.
11. ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 601, инв. № 3990.
12. Кондратьева Е. В. Празднично-обрядовые традиции в общественной жизни чувашей и удмуртов. СПб.: Нестор-История, 2021. 256 с. EDN: AAGURS
13. Вайбурич А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
14. Михеева Л. Н., Джижочная М. А. Русская и украинская свадьбы в контексте восточнославянского фольклора: традиции, обряды, песни, костюм // Культурное наследие России. 2021. № 3(34). С. 52–56. EDN: DRONFD
15. ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 623: 4, 212, 216–229.
16. Дьячкова И. Н. Свадебный хлеб байник у поморов: культурно-языковой аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 6. С. 8–15. EDN: CWJCHK
17. Кузнецова В. П. Свадебная обрядность Пудожья // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера: материалы Региональной научной конференции, Пудож, 07–09 сентября 2006 г. / отв. ред. Ю. А. Савватеев. Пудож: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 214–223. EDN: TKRMSD
18. Корнишина Г. А. Предсвадебная обрядность фино-угорских народов в контексте теории А. ван Геннепа // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 121–128. EDN: SPLIBL
19. Быченко У. М., Хомич Н. В. Славянские традиции в современной русской свадьбе // Патриотизм как национальная идея России: Материалы III научно-практической региональной конференции студентов с международным участием, посвященной 90-летию Иркутского аграрного университета им. А. А. Ежовского, Иркутск, 03 мая 2024 г. п. Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежовского. 2024. С. 21–25. EDN: WJDRFA
20. Еремина В. И. К вопросу об истоках и общности представлений о свадебной и погребальной обрядности: «Невеста в черном» // Русский фольклор: материалы и исследования. 1987. Т. 24. С. 21–32. EDN: YVTXMT
21. Бузин В. С. Обряд «вопросания имени» русской свадебной традиции как реликт похищения невесты // Манускрипт. 2024. Т. 17. № 2. С. 92–97. EDN: ICIOEQ
22. Волкович Н. С. Трансформация предсвадебных обрядов перехода невесты-чувашки в чужой род. СПб.: ООО "Издательство "ЛЕМА", 2024. 270 с. EDN: RTMKYU
23. Шалютин Б. С. Экзогамия: тайна происхождения и роль в конституировании человека // Саливоника. Курган. 2009. С. 135–146. EDN: ZVJRYD
24. Илтакова Н. В. Происхождение брака и семья: значение исследований Ю. И. Семёнова // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. Вып. 3. С. 5–15. EDN: QOUUBW
25. Бузин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): материалы и исследования. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2015. 640 с. EDN: LXMAQH

26. Петров И. Г. Покрывало невесты в свадебной обрядности чувашей: функции и семантика // Известия Уфимского научного центра Российской Академии наук. 2016. № 4. С. 110–114. EDN: XEGHXV

27. ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 149.

28. ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 332: 95.

29. Кандрина И. А., Никонова Л. И. Баня и Север: к истории вопроса и традициям культуры // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 51–75. EDN: OKFVCH

30. Шлопова Э. Ю. Как в старину мои предки свадьбу играли: семейная обрядность коми // Этнодиалоги. 2023. № 1(70). С. 187–193. EDN: MYULGG

The Drama of the Chuvash Bride Exodus in the Maiden Bath Ceremony

Nikita S. Volkovich

The article is devoted to a fragment of the Chuvash wedding ceremony "Maiden bath". Using comparative analysis, the author attempts to consider the elements of the ritual, to determine the direction of their transformation individually and as a whole. The presented ethnographic material indicates the conceptual complexity of the bride's figure. For the bride's family and the bride herself, getting married is a drama in the truest sense of the word. The "Maiden bath" is one of the key rituals in the scenario of the entire traditional wedding. Many elements of the "Maiden bath" have come down to our time in the form of relics. The traditional wedding ceremony declares the ideas of building a strong marriage, which have not yet completely gone out of use in our time. The institution of the family was formed by traditional culture. Ethnographic materials demonstrate the complexity of this institution, the conjugation of family values with the spiritual system of tradition is noted. One of the article objectives is to interpret the elements of wedding rituals for their discussion, probable controversy, for their revitalization and viability. The author offers not a static presentation of chronological material, but an attempt to decipher it in order to search for the ontological foundations of the family phenomenon.

Key words: exogamy, Chuvash, Maiden bath, wedding, tradition, family.

For citation: Volkovich, N. S. (2025) Drama ishoda nevesty-chuvashki v obryade «Devich'ya banya» [The Drama of the Chuvash Bride Exodus in the Maiden Bath Ceremony]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 122–140. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_122. EDN: KASPHV

References

1. Lejhtfel'd, N. (1903) Maslyanica i svadebnye obryady u chuvash [Maslenitsa and wedding ceremonies among the Chuvash]. *Vokrug sveta* [Around the World]. No. 6. Pp. 87–90. (In Russ.)

2. Fokin, P. P. (1972) Brachnaya obryadnost' chuvashej Samarskoj Luki (Po materialam kompleksnoj ekspedicii ChNII 1971 g.) [Marriage rituals of the Chuvash people of Samara Luka (Based on the materials of the comprehensive expedition of the ChNII in 1971)]. *Istoriya i kul'tura Chuvashskoj ASSR* [History and culture of the Chuvash ASSR]. Collection of articles. Issue 2. Cheboksary NII. Pp. 344–356. (In Russ.)

3. Salmin, A. K. (2016) *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo. (In Russ.). EDN: WZCANR

4. Volkovich, N. S. (2017) Chuvashskaya svad'ba kak semejno-rodovaya ceremoniya [The Chuvash wedding as a family and ancestral ceremony]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. No. 2. Pp. 48–58. (In Russ.). EDN: YTOOSZ

5. Salmin, A. K. (1989) *Skazka – obryad – dejstvitel'nost': istoriko-tipologicheskoe izuchenie chuvashskogo teksta* [Fairy Tale – ritual – reality: historical and typological study of the Chuvash text]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo. (In Russ.)

6. Fuks, A. (1840) *Zapiski o chuvashah i cheremisah Kazanskoj gubernii* [Notes on the Chuvash and Cheremis of the Kazan province]. Kazan: Kazan. un-t. (In Russ.)

7. Medvedev, V. V. (2020) *Domesticirovannye ob'ekty chuvashskoj Respubliki Bashkortostan i sosed'nyh territorij* [Domesticated objects of the Chuvash Republic of Bashkortostan and adjacent territories]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.). EDN: XGMDXB

8. Ibn-Fadlan, (1956) *Kniga* [Book]. Kovalevskij A. P. *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [Kovalevsky A. P. Book of Ahmed Ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921–922]. Har'kov. un-t. Pp. 119–148. (In Russ.)

9. Ivanova, L. I. (2016) *Karel'skaya banya: obryady, verovaniya, narodnaya medicina i duhi-hozyaeva* [Karelian banya: rituals, beliefs, traditional medicine and host spirits]. Moscow: Russkij fond soedestviya obrazovaniyu i nauke. (In Russ.). EDN: XALFZP

10. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities] (hereinafter – ChGIGN). Otd. VIII. Ed. hr. 861, inv. № 7743

11. ChGIGN: Otd. VIII. Ed. hr. 601, inv. № 3990.

12. Kondrat'eva, E. V. (2021) *Prazdnichno-obryadovye tradicii v obshchestvennoj zhizni chuvashj i udmurtov* [Festive and ceremonial traditions in the social life of the Chuvash and Udmurts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.). EDN: AAGURS

13. Bajburin, A. K. (1993) *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

14. Miheeva, L. N., Dzhichonaya, M. A. (2021) *Russkaya i ukrainskaya svad'by v kontekste vostochnoslavjanskogo fol'klora: tradicii, obryady, pesni, kostyum* [Russian and Ukrainian weddings in the context of East Slavic folklore: traditions, rituals, songs, costume]. *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia]. No. 3(34). Pp. 52–56. (In Russ.). EDN: DRONFD

15. ChGIGN: Otd. I. Ed. hr. 623: 4, 212, 216–229

16. D'yachkova, I. N. (2024) *Svadebnij hleb bajnik u pomorov: kul'turno-yazykovoj aspekt [Wedding loaf among the Pomors: cultural and linguistic aspect]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk state university]. Vol. 46. No. 6. Pp. 8–15. (In Russ.). EDN: CWJCHK

17. Kuznecova, V. P. , (2006) *Svadebnaya obryadnost' Pudozh'ya* [Pudozh wedding ceremony]. *Istorigo-kul'turnye tradicii malyh gorodov Russkogo Severa: materialy Regional'noj nauchnoj konferencii, Pudozh, 07–09 sentyabrya 2006 goda* [Historical and cultural traditions of small towns of the Russian North: materials of the Regional scientific conference, Pudozh, September 7–9, 2006]. Pudozh: Karel'skij nauchnyj centr RAN. Pp. 214–223. (In Russ.). EDN: TKRMSD

18. Kornishina, G. A. (2014) *Predsvadebnaya obryadnost' fino-ugorskih narodov v kontekste teorii A. van Gennepa* [The pre-wedding rituals of the Fino-Ugric peoples in the context of the theory of A. van Gennep]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University]. No. 3. Pp. 121–128. (In Russ.). EDN: SPLIBL

19. Bychenko, U. M., Homich, N. V. (2024) *Slavyanskije tradicii v sovremennoj russkoj svad'be* [Slavic traditions in modern Russian wedding]. *Patriotizm kak nacional'naya ideya Rossii: Materialy III nauchno-prakticheskoy regional'noj konferencii studentov s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 90-letiyu Irkutskogo agrarnogo universiteta im. A. A. Ezhevskogo, Irkutsk, 03 maya 2024 goda* [Patriotism as a national idea of Russia: Proceedings of the III scientific and practical regional conference of students with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the Irkutsk Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, Irkutsk, May 03, 2024]. *Molodezhnyj: Irkutskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet im. A. A. Ezhevskogo*. Pp. 21–25. (In Russ.). EDN: WJDRFA

20. Eremina, V. I. (1987) *K voprosu ob istokah i obshchnosti predstavlenij o svadebnoj i pogrebal'noj obryadnosti: «Nevesta v chernom»* [On the question of the origins and commonality of ideas about wedding and funeral rituals: «The Bride in black»]. *Russkij fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore: Materials and Research]. Vol. 24. Pp. 21–32. (In Russ.). EDN: YVTXMT

21. Buzin, V. S. (2024) Obryad «voproshaniya imeni» russkoj svadebnoj tradicii kak relikv pohlshcheniya nevesty [The ceremony of “asking for the name” of the Russian wedding tradition as a relic of bride abduction]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 17. No. 2. Pp. 92–97. (In Russ.). EDN: ICIOEQ

22. Volkovich, N. S. (2024) *Transformaciya predsvadebnyh obryadov perekhoda nevesty-chuvashki v chuzhoj rod* [Transformation of the pre-wedding rites of the Chuvash bride's transition to a foreign family]. St. Petersburg: LEMA. (In Russ.). EDN: RTMKYW

23. Shalyutin, B. S. (2009) Ekzogamiya: tajna proiskhozhdeniya i rol' v konstituirovanii cheloveka [Exogamy: the mystery of origin and its role in human constitution]. *Salivonica* [Salivonica]. Kurgan. Pp. 135–146. (In Russ.). EDN: ZVJRYD

24. Iltakova, N. V. (2019) Proiskhozhdenie braka i sem'i: znachenie issledovaniy Yu. I. Semenova [The Origin of marriage and family: the significance of Yu. I. Semenov's research]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudenciya* [Bulletin of the Buryat State University. Jurisprudence]. Iss. 3. Pp. 5–15. (In Russ.). EDN: QOUUBW

25. Buzin, V. S. (2015) *Rozhdenie, vstuplenie v brak i smert' v tradicionnoj yuzhnorusskoj obryadnosti (Lipeckaya, Tambovskaya, Penzenskaya oblasti): materialy i issledovaniya* [Birth, marriage, and death in the traditional South Russian rite (Lipetsk, Tambov, and Penza regions): materials and research]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.). EDN: LXMAQH

26. Petrov, I. G. (2016) Pokryvalo nevesty v svadebnoj obryadnosti chuvashkej: funkcii i semantika [The bride's veil in the wedding ceremony of the Chuvash: functions and semantics]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra Rossijskoj Akademii nauk* [Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. No. 4. Pp. 110–114. (In Russ.). EDN: XEGHXV

27. ChGIGN. Otd. I. Ed. hr. 149.

28. ChGIGN. Otd. I. Ed. hr. 332: 95.

29. Kandrina, I. A., Nikonova, L. I. (2011) Banya i Sever: k istorii voprosa i tradiciyam kultury [Banya and the North: towards the history of the issue and cultural traditions]. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. No. 4. Pp. 51–75. (In Russ.). EDN: OKFVCH

30. Shlopova E. Yu. (2023) *Kak v starinu moi predki svad'bu igrali: semejnaya obryadnost' komi* [How my ancestors used to play a wedding in the old days: Komi family rituals]. *Etnodialogi* [Ethnological]. No. 1 (70). Pp. 187–193. (In Russ.). EDN: MYULGG

Об авторе

Волкович Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, Музей политической истории России, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: nvolk@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-2245-9348

About the author

Volkovich Nikita S., Candidate of Historical Sciences, Museum of Political History of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: nvolk@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-2245-9348

Статья поступила в редакцию 25.04.2025

Одобрена после рецензирования 29.07.2025

Принята к публикации 04.08.2025

Иностранные ремесленники в Петербурге: правовые трансформации второй половины XVIII – первой половины XIX в.

М. С. Генслер

В статье рассматривается история становления и развития нормативно-правового обеспечения иностранной ремесленной организации в Петербурге второй половины XVIII – первой половины XIX в. Поэтапно прослеживаются законодательные изменения в сфере регулирования и обеспечения общественных отношений, возникавших по поводу деятельности иностранной (в первую очередь немецкой) цеховой организации в столице. Дается краткий анализ нормативно-правового становления российской цеховой структуры, закрепленной петровскими указами 1721 и 1722 гг., учредившими институт ремесленных цехов в России. Основной анализ затрагивает период со второй половины XVIII до начала XIX в., поскольку в данный период был сформирован институциональный правовой фундамент деятельности цеховых и в частности законодательно оформлена Иностранная (немецкая) ремесленная управа, что положило начало дальнейшему развитию нормативно-правового обеспечения немецких мастеров. В работе прослеживаются нормативно-правовые трансформации в фискальной и социальной сфере. Помимо анализа законодательства затрагивающего германских подданных, в исследовании уделено внимание некоторым аспектам правового положения еврейских и польских ремесленников в первой половине XIX в. Особое внимание в исследовании уделено вопросам налогообложения иностранных мастеров. Исследование проведено на основе анализа Полного собрания законов Российской империи.

Ключевые слова: немецкая ремесленная управа, немецкий цех, ремесленник, подмастерье, устав цехов, ремесленное законодательство, Санкт-Петербург.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

Для цитирования: Генслер М. С. Иностранные ремесленники в Петербурге: правовые трансформации второй половины XVIII – первой половины XIX в. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 141–155. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_141. EDN: NYEGBY

Введение

В научном сообществе отмечается возрастающий интерес к проблематике ремесленной цеховой организации, и в частности к иностранным ремесленникам в России. Однако так было не всегда. В дореволюционной России одним из первых о немецких цехах и немецких ремесленниках писал И. Г. Георги. Особую ценность для современного исследователя представляет его издание 1794 г. «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного» (Часть первая) [1], являющееся ценным источником, представляющим сегодняшнему исследователю сведения об общей картине столичного ремесленного мира. Публикация доктора Аттенгорфа, изданная в 1820 г., «Медикотопографическое описание Санкт-Петербурга, главного и столичного города Российской империи» [2], содержит некоторые данные о быте и повседневности иностранных ремесленников.

Однако впервые вопрос правового обеспечения деятельности иностранных ремесленников, вопреки пониженному интересу к данному направлению, был освещен в советское время в монографии К. А. Пажитнова «Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма» [3]. В этом научном труде уделяется внимание роли иностранцев в общем контексте становления института цехов в России, а также вопросу численного состава цехов в Москве и Петербурге. Однако правовое положение иностранных цеховых рассматривалось исключительно в контексте общего развития российского законодательства ремесленных отношений. Уже в постсоветском пространстве о роли иностранцев в столичном ремесленном мире и об их вкладе в развитие цеховой организации заговорили предметно. Так, монография А. Келлера «Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века» [4] представляет собой фундаментальное исследование столичной цеховой организации с Петровских реформ и до событий начала XX в. Проблеме правового обеспечения иностранных ремесленников в столице уделена в работе целая глава, в которой рассматриваются особенности правового статуса и налогообложения иностранных ремесленников. Некоторые вопросы правового обеспечения иностранных цехов в Санкт-Петербурге были рассмотрены в работах В. Н. Шайдурова, в частности в статье, «Немецкий ремесленный мир Санкт-

Петербурга: особенности развития в первой половине XIX в.» [5] (в соавторстве с Н. А. Осиповым и А. А. Кайряк).

Цель настоящего исследования – изучение нормативно-правового положения иностранных ремесленников столицы во второй половине XVIII – первой половине XIX в., выявление тенденций ужесточения и смягчения отношения законодателя к иностранным ремесленникам через призму законодательства в рассматриваемый период. Особый интерес представляют особенности нормативно-правового положения иностранных ремесленников в структуре полиэтнической городской экономики. Так, поднимаются вопросы соотношения признака «подданства» и «вероисповедания», влияние этих признаков на хозяйственную правосубъектность в рассматриваемый период. Исследование основывается на принципах историзма и объективности с применением как общенаучных, так и частных методов исторического познания.

Результаты

Анализ правового положения иностранных ремесленников в рассматриваемый период выступает необходимым условием для целостного понимания института цехов в его диалектике. Первая мера к организации ремесленного сословия и ремесленной деятельности была принята Петром Великим в 1721 г., регламентом главного магистрата, который разделил всех городских обывателей на две гильдии: в первой – банкиры, крупные купцы, доктора, аптекари, шкиперы, живописцы, серебрянники и т.д.; во второй – все те, кто «мелочными товарами и харчевыми всякими припасами торгуют, также рукомерленные, резчики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные»¹. Таким образом, деление на «первостатейных» и людей второй гильдии осуществлялось исходя из капиталовложений в предприятие, а также по принципу производственной формы. Те же, кто был занят на черных работах, отъезжие, поденщики – приписывались в состояние «подлых людей». Хотя регламент и не выделял ремесленников в особое состояние, отнеся таковых ко второй гильдии, документ устанавливал каждому ремеслу и художеству образовать

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 6 № 3708 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

«особые цунфты или собрания ремесленных людей, на оными поставить альдерманов по величеству города и числу художеств»¹. Затем последовал указ от 27 апреля 1722 г. «О Цехах», предписывавший «записывать в цехи ремесленных всяких художеств и гражданских жителей, как из Российских всяких чинов и из иноземцов»². Так, из общего городского сословия, стратифицированного на две гильдии, и людей де-факто не приписанных – выделяется новый, с точки зрения русской нормативно-правовой системы институт «цеховых».

Следует сразу оговориться, что этническая и национальная структура мелкотоварного производства в столице, уже на момент издания вышеупомянутых документов была достаточно пёстрой. Петербург с самого своего основания, с чертежей каналов, крепостей и укреплений был многонациональным городом, и передовое технологическое, культурное развитие столицы обусловлено, в частности, богатой традицией хозяйственного обмена с западными соседями. Манифестом от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания»³ было установлено право подданных европейских государств (в Манифесте сделан акцент на утверждение должности русского генерал-комиссара в Германии) свободно въезжать на территорию страны, вступать в русское войско, заниматься ремеслами (в ориг. редакции – «художествами»), пользуясь государственной поддержкой.

Заложенный Петром еще в начале века правовой фундамент определял роль иностранцев в становлении Петербурга не количественным, но качественным показателем. Так, Л. Н. Семёнова в ряде своих работ отмечала, что «значение иностранцев в строительстве города определялось не их числом, а той ролью, которую они играли. В 1722–1723 гг. в Канцелярии от строений работало 59 иностранцев» [6, с. 201; 7, с. 77]. Фактор изначального присутствия европейских подданных отразился не только на облике города, но и на его институциональной организации. По мнению А. Келлера: «Петровские реформы создали принципиально новый и широкий базис для участия иностранных

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 6 № 3708 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

² Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 6. № 3980 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

³ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 4. № 1910 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

ремесленников в развитии российской промышленности – социальных акторов модернизации в России» [4, с. 444].

Налоговый статус нового института цеховых мастеров был определен достаточно быстро. Так, 20 декабря 1723 г. Сенат заслушал донесение полковника Вельяминова о том, что на посадах обнаружены мастеровые люди разных ремесел, пришлые из-за рубежа и живущие у себя дома, или в чужих дворах, причем некоторые из них даже не знают, откуда их отцы родом. Сенат постановил, что мастеровые должны записаться в цехи и находиться в ведении магистрата. А для платежа подушных денег их стоит относить к «другим посадским»¹.

В Петербурге в 1722 г. было записано в цехи 535 чел., причем мастера составляли 82,0 %, подмастерья – 3,38 %, и ученики – 14,62 %. К. А. Пажитнов отмечал, что некоторые из цехов, данные о которых была представлены в ведомостях 1731 г., по информации на 1722–1726 гг. уже имели по два параллельных цеха – русский и иностранный; так было в кузнечном, гончарном, портняжном, сапожном и серебряном [3, с. 48]. Это свидетельствует о том, что цеховая организация с самого начала носила выраженный национальный характер, и выделение немецкой ремесленной управы было лишь вопросом времени. Несмотря на высокий удельный вес иностранцев в структуре столичной ремесленной организации, мы не можем говорить о какой-либо массовости немецких ремесленников в первой половине XVIII в.

Идеология петровской политики «открытых дверей» обусловливалась необходимостью интеграции западного хозяйственного опыта в российское общество. Роль иностранца в производстве не рассматривалась как «внешний элемент», а напротив – включение иностранного хозяйствующего субъекта должно было спровоцировать развитие национальной культуры хозяйствования, обучить русского ремесленника западной эффективности. Исходя из этих положений государственный вектор подразумевал создание благоприятной среды для привлечения иностранного мастера в российскую экономику. Льготные механизмы подходили для этой задачи лучше всего. Но их внедрение не проходило без препятствий. В первой половине XVIII в. основанием для получения нало-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 7. № 4395 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

говых льгот иностранным ремесленникам являлся их переход в православное вероисповедание, что устанавливалось Указом от 16 декабря 1743 г. [3, с. 48]. Но правовой парадокс заключается в том, что «инославных» из числа ремесленников предполагалось приписывать «особо», что в глазах правоприменителя подразумевало право создания обособленных цехов, и в силу отсутствия правового регулирования таковых – и полное отсутствие налогообложения. Данное обстоятельство станет предметом беспокойства для столичного законодателя на долгие годы, и степень напряженности будет расти пропорционально притоку иностранцев в столичную цеховую структуру.

Манифесты Екатерины II от 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г. напрямую повлияли на развитие цеховой организации в том виде, в котором сегодня ее рассматривают исследователи. Эти документы предоставляли иностранцам право на поселение в России, освобождали их от налогов на пять лет и от ряда «подданных» обязательств, а также позволяли им вступать в цехи¹. Указанные манифесты стали правовой основой массовой трудовой миграции обывателей из европейских государств, что было обычным явлением для Европы XVIII–XIX вв. Манифесты стали основой для массового притока крестьян-колонистов на русские земли, но, что касается городского населения в 60-е гг. количество иностранных подданных в числе столичного населения стремительно росло, и этот процесс не мог не отразиться на цеховой организации.

Особенности строения российского общества предполагали высокую степень сословной стратификации, юридически получившее свое выражение для цеховых мастеров в 1785 г. с введения Жалованной грамоты городам. Ремесленное положение по форме представляло результат кодификации норм, регулирующих отношения, связанные с городским ремесленным производством.

В Положении² определялись принципы выборного, «ступенчатого» представительства. Цехи, организованные из мастеров одного дела, избирали управного старшину и двух старшинских товарищей. Старшина давал присягу по «своей вере и закону»

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 4. № 1910; № 11880 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

² Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 22. № 16188 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

и представлял интересы ремесленного сословия на общегородском уровне. Помимо права заседать в городской Думе, он наделялся широкими административными полномочиями. Интересно, что в акте 1785 г. мы не находим упоминания о временных цеховых, которые, в свою очередь уже были предусмотрены петровским Уставом 1722 г.

Таким образом, 1785 г. является своего рода отправной точкой, сущностно сформировав правовой институциональный фундамент для развития иностранного цехового сообщества.

Иностранная (немецкая) ремесленная управа была учреждена указом городского магистрата Санкт-Петербурга 27 октября 1785 г. [5, с. 8]. Правовое положение иностранных ремесленников на тот момент четко не было определено. С одной стороны, иностранные мастера не обязаны были в принципе записываться в цехи, и никто не вправе был их принуждать, что определялось Указом от 22 января 1782 г.¹ Помимо этого, ранее упомянутый Указ от 16 декабря 1743 г. давал иностранным ремесленникам основания для их частичного освобождения от налогов².

После воцарения Павла I разворачивается масштабная реформа столичного городского управления. С упразднением городской Думы новыми положениями Устава столичного города от 1798 г. ремесленники перешли под ведомство Камерального департамента, в обязанности которого входило распределение цехов по ремеслам и утверждение правил для каждого цеха. Таким образом, жители столицы, независимо от подданства, не могли более заниматься ремеслом, не будучи причислены к какому-либо цеху. Доказательством принадлежности являлось свидетельство от соответствующей управы.

В ноябре 1799 г. в ходе «Павловских преобразований» был издан Устав цехов, и впервые в уставном документе прописывался запрет о найме иностранных подмастерьев без ведома Альтермана³. При этом устанавливалась допустимость приема иностранных ремесленных свидетельств от мастеров при успешном прохождении практического испытания в российском цехе.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 21. № 15331 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

² Там же.

³ Уставом Столичного города 1798 г. возглавляющий цех мастер, «старейшина» был переименован на прусский манер «Альтерманом». Это ново уставное понятие отражало эпоху Павла I, приверженца прусских культурных, военных и языковых особенностей.

С приходом к власти Александра I, на фоне военной кампании четвертой коалиции изменился законодательный вектор в отношении французских, итальянских и голландских подданных. Однако маховик был запущен, и, казалось бы, иностранным цеховым мастерам было не избежать попадания под «каток бюрократической машины». Но здесь мы можем наблюдать весьма интересное развитие событий. Так, в январе 1807 г. был издан манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий»¹, в соответствии с которым устанавливался запрет на занятие розничной торговлей и вступление в гильдии для иностранных поданных. Иностранцам предписывалось в течение 6 месяцев со дня опубликования манифеста вступить в вечное подданство (причем строго на основании брака с российским поданным), либо в одно из двух состояний: гостя или купца заезжего. Прямой запрет на вступление в цехи или занятия ремеслами в документе отсутствовал, но как следует из Указа от 27 мая 1807 г.² столичное Депутатское собрание в связи с изданным ранее манифестом столкнулось с рядом затруднений, выраженным в путанице касаясь настоящего положения иностранных цеховых. Ответ законодателя был расплывчат. Указ утверждал права вечноподанных для иностранцев, вступивших в гражданство ранее, определял порядок и территориальные компетенции органов, принимавших присягу для гильдейских купцов, а что касается записи в цехи иностранных поданных – указ был рамочным по форме и предписывал ожидать специального постановления. Специального постановления немецкие цеховые так и не дождались, и таким образом, законодатель не урегулировал положение цеховых – поданных германских земель, оставив неизменным положение действующих мастеров.

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что начало XIX столетия ознаменовалось тенденцией к натурализации немецких подданных. Но вместе с тем начало века характеризуется осторожным, крайне ограниченным, но все-же начатым процессом интеграции в столичную экономику ремес-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 1. № 22410 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

² Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 29. № 22533 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

ленников из присоединенных западных земель. Эта тенденция в частности отразилась и на «еврейском вопросе». Положением «О устройстве евреев» от 9 декабря еврейским ремесленникам дозволялось покидать губернии за чертой оседлости и прибывать в столицу с коммерческими целями или для усовершенствования в ремеслах. Безусловно, для таких «командировок» предполагалась особая санкция в форме губернаторских паспортов. Пребывание евреев в столице допускалось при условии ношения ими «немецкого платья», и нарушение данного запрета грозило нарушителю немедленной высылкой¹. Это обстоятельство благоприятно сказалось при разработке «Положения о евреях» 1835 г., когда еврейским ремесленникам дозволялось пребывание за «чертой оседлости» до двух месяцев. В 1848 г. молодые люди из числа евреев, от 15 до 20 лет, получили право для совершенствования в ремеслах без семей покидать черту оседлости сроком на два года².

Открытым и наболевшим оставался вопрос налогообложения иностранных мастеров. Так, еще летом 1761 г. архитектор Чевакинский обратился в контору главного магистра с требованием прислать мастеровых столярного цеха для производства работ в Зимнем дворце. На это организация ответила, что среди российских столяров, которые могли бы быть включены в цех и привлечены к работе в строительстве Царского Села и других государственных проектах, не нашли никого, кто мог бы платить подушные налоги в Гильдянский дом. В цеху нет ни одного мастера, а в немецком столярном цехе сейчас есть мастера, в Гильдянском доме об этом точно известно. Эти мастера упорно отказываются платить налоги на гражданские расходы и до сих пор не состоят на учете в Гильдянском ведомстве³.

Вопрос налогообложения был окончательно решен, и при этом радикально, лишь при Александре I, манифестом от 2 февраля 1810 г. «О мерах к уменьшению государственных долгов». В обеих столицах на иностранных ремесленников был наложен налог в размере 100 р. с мастеров, 40 р. с подмастерьев и 10 р. с учеников. Уравнительное распределение

¹ Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся Евреев, от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 гг. / сост. В. О. Леванда. СПб., 1874. С. 57.

² Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 23. № 22057 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

³ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 15. № 11308 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

этого дохода предоставлялось самим ремесленным управам под надзором городского главы¹.

Некоторые послабления для немецких мастеров были определены Указом от 7 августа 1816 г. «О облегчении в платежах податей ремесленников, в российские цехи записанных». Так, иностранные подмастерья и ученики, состоящие в российских цехах, более не облагались налогом, а подать с мастеров была ограничена. Только спустя два года, в 1818 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета «о подати с иностранных ремесленников в столице» было снижено налоговое бремя для всех иностранных цеховых. Мастера продолжали платить годовые 100 р., но были предусмотрены льготы в форме освобождения от уплаты на случай старости или банкротства, а также при низких оборотах производства и отсутствии подмастерьев и учеников. Последние и вовсе были освобождены от уплаты податей. Также, осознавая необходимость в иностранных ремесленниках, законодатель предусмотрел трехлетние налоговые «каникулы» для вновь прибывающих иностранных мастеров, считая с 1 января 1818 г, однако закон распространялся лишь на Санкт-Петербург².

С 1824 г. допускалась повсеместная запись в цехи иностранцев, но с условием приношения присяги на подданство российской короне³, а спустя год, в 1825 г., было разрешено вступление в цехи всех свободных лиц иностранного происхождения (кроме евреев), во всех губерниях. Тем самым Александр I в последний год правления вернул права, которыми пользовались столичные иностранные ремесленники при его отце и распространил их на всю империю.

В царствование Николая I, особенно, во второй его половине законодательная база в отношении всего российского общества расширилась и стала носить взыскательный характер. В 1845 г. вышло «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», включавшее положения о нарушении ремесленных постановлений, где прописывались суммы штрафов. Ранее санкции для ремесленников было прописаны в Уставе. В со-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 31. № 24116 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

² Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 35. № 27467 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

³ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 40. № 30513 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

ответствии с положением иностранная ремесленная управа являлась элементом системы частного сословного управления. На следующий год была создана Временная комиссия, которая занялась внедрением нового Положения об общественном управлении в Петербурге.

В 1849 г. чиновники начали разработку специальных «обрядов» (правила – прим. авт.) для российских и иностранных цехов в городе. Эти правила в первую очередь касались цеховых организаций, занимавшихся производством и продажей хлебобулочных изделий.

Обсуждение и выводы

Рассматривая проблематику иностранных ремесленников в столице, следует учитывать особый, уникальный для Петербурга и Москвы сословный аспект цеховой организации. Это в первую очередь связано с наличием в городах иностранных ремесленных управ. Так, в феврале 1832 г. поднимался вопрос рекрутской повинности немецких цеховых, и указом Государственного Совета ремесленники были окончательно приравнены к «иным мещанским сословиям» в этом вопросе. Государственный совет отмечал, что Положение 1785 г. определяет разряд «цеховых» сугубо в целях внутренней организации городского населения, тогда как сущностно ремесленный класс не имеет самостоятельности и не составляет отдельного сословия¹.

И в данном случае мы можем наблюдать крайне интересную коллизию почти философского характера. Представляют ли иностранные цеховые самостоятельное сословие?

Цеховой – состояние (разряд), выделенное для цеховых мастеров из мещанского сословия, по форме предполагало наличие специального правового статуса, выраженного в участии цеховых в городском управлении, наделение ремесленных управ широким рядом полномочий, в частности, по контролю налоговых выплат. Сравнительно высокая степень самостоятельности цехов в рассматриваемый период приводит нас к выводу о наличии основных признаков юридического лица у цехов.

Однако, как мы можем судить, однозначное юридическое выделение «ремесленного сословия» в легальной стратифи-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание II (ПСЗ РИ – II). Т. 7. № 5176 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

кации российского общества оставалось открытым вопросом на долгие годы. Так, как было указано выше, в 1832 г. законодатель не усмотрел признаков (или причин выделять эти признаки) в цеховой организации иностранцев в вопросе рекрутской повинности. Однако немногим ранее, в записке от 10 августа 1825 г. министр иностранных дел (на тот момент должность занимал Егор Францевич Канкрин) отмечал, что в столицах иностранные мастера некоторым образом составляют отдельное сословие в силу наличия обособленной ремесленной управы и дополнительного налогового обложения¹. Таким образом, мы можем констатировать неоднозначное представление законодателя о месте и роли иностранных цеховых мастеров в столичной сословной структуре.

В рассматриваемый период мы наблюдаем процесс становления и эволюции законодательной базы по отношению к иностранным цеховым мастерам. Институт цехов с самого начала своего существования имел правовые основания, не являясь всецело результатом стихийной, низовой организации. Инициатива, возникшая и запущенная еще при Петре, при Екатерине II получила качественно новое выражение. Налоговые и иные иммунитеты, дарованные иностранным подданным екатерининскими манифестами, обособленная немецкая ремесленная управа, обладающая в некоторой степени автономией при отчетности магистрату, все это стало благоприятной почвой для дальнейшего развития и укрупнения Петербургской иностранной ремесленной и мелкотоварной организации. Однако одновременно с этим такие «особенности» правового положения иностранцев в России не раз становились предметом пристального внимания законодателя. Так, екатерининские налоговые льготы и реальный удельный вес иностранцев в общей структуре столичной цеховой организации к концу XVIII – началу XIX столетия фактически друг другу противоречили. По данным, приведенным в справочнике С. И. Аллера, в городе числилось более 600 мастеров в 34 цехах ведомства Немецкой ремесленной управы [8; с. 516–598]. Но, как отмечается в статье В. Н. Шайдурова, Н. А. Осипова и А. А. Кайряк, в реальности немцев-ремесленников было го-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (ПСЗ РИ – I). Т. 40. № 30513 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.06.2025).

раздо больше, так как часть из них записывалась в цехи ведомства Русской ремесленной управы [5, с. 68]. Помимо налогообложения, законодатель уделял пристальное внимание вопросу самостоятельности и обособленности Немецкой ремесленной управы и ее ведомств, поэтапно ликвидируя всякие отличия от Русских ремесленных ведомств.

В рассматриваемый период был заложен нормативно-правовой фундамент и запущены процессы гомогенизации, интеграции иностранцев в городскую экономику, окончательно завершившиеся уже в середине 1850-х гг.

Список литературы

1. Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. Часть 1. СПб.: При Императорском Шляхетском сухопутном кадетском корпусе, 1794. 757 с.
2. Аттенгофер Г. Л. Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, главного и столичного города Российской империи. СПб.: Императорская Академия наук, 1820. 432 с.
3. Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 211 с.
4. Келлер А. В. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (Административно-Законодательный и Социально-Экономический Аспекты). СПб.: Алетейя, 2020. 630 с.
5. Шайдуров В. Н., Осипов Н. А., Кайряк А. А. Немецкий ремесленный мир Санкт-Петербурга: особенности развития в первой половине XIX в. // Журнал фронтирных исследований. Т. 8. № 3(31). 2023. С. 48–73. DOI 10.46539/jfs.v8i3.532. EDN ENPDXX.
6. Семенова Л. Н. Иностранцы мастера в Петербурге в первой трети XVIII в. // Наука и культура в России XVIII в.: сб. статей / отв. ред. Э. П. Карпеев. Л.: ЛВВМИУ, 1984. С. 201–224.
7. Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.-СПб.: Весь Мир, Рус.-Валт. информ. центр ВЛИЦ, 1998. 227 с.
8. Аллер С. И. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей пожарных сигналов. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1822. 663 с.

Foreign Craftsmen in Saint Petersburg: Legal Transformations of the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century

Mikhail S. Gensler

The article examines history of formation and development of the normative and legal framework for foreign craft organizations in St. Petersburg during the second half of the 18th – first half of the 19th century. The author traces, step by step, the legislative changes in the regulation and support of social relations arising from the activities of foreign (primarily German) guild organizations in the capital. The work includes a brief anal-

ysis of the normative and legal establishment of the Russian guild system, as expressed in Peter I's decrees of 1721 and 1722, which introduced the craft guilds in Russia. The main focus is made on the period from the second half of the 18th century to the early 19th century, during which an institutional legal foundation for guild activities was formed, and in particular, the Foreign (German) Craft Administration was legally formalized, marking the beginning of further development in the legal regulation of German craftsmen. The study traces normative and legal transformations in fiscal and social spheres. In addition to analyzing legislation affecting German subjects, some aspects of the legal status of Jewish and Polish craftsmen in the first half of the 19th century are also addressed. Special attention is given to issues related to taxation of foreign masters. The research is based on the analysis of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire.

Key words: German Craft Administration, German guild, craftsman, apprentice, guild charter, craft legislation, Saint Petersburg.

Acknowledgements: the research was conducted with the support of a grant from the Russian Science Foundation and the Saint Petersburg Scientific Foundation № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

For citation: Gensler, M. S. (2025) Inostrannye remeslenniki v Peterburge: pravovye transformacii vtoroj poloviny XVIII – pervoj poloviny XIX v. [Foreign Craftsmen in Saint Petersburg: Legal Transformations of the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 141–155. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_141. EDN: NYEGBY

References

- Georgi, I. G. (1794) *Opisanie rossijsko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostej v okrestnostyah onago. CHast' 1* [Description of the Russian-imperial capital city of St. Petersburg and landmarks in its vicinity. Part 1]. St. Petersburg: Pri Imperatorskom SHlyahetskomo suhoputnom kadetskomo korpuse. (In Russ.)
- Attingofer, G. L. (1820) *Mediko-topograficheskoe opisanie Sankt-Peterburga, glavnago i stolichnago goroda Rossijskoj imperii* [Medical and topographic description of St. Petersburg, the main and capital city of the Russian Empire]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. (In Russ.)
- Pazhitnov, K. A. (1952) *Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve russkogo absoljutzizma* [The Problem of Craft Workshops in the Legislation of Russian Absolutism]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
- Keller, A. V. (2020) *Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel'nyj i social'no-ekonomicheskij aspekty)* [Crafts of St. Petersburg in the 18th – early 20th centuries (administrative-legislative and social-economic aspects)]. St. Petersburg: Aletejija. (In Russ.)
- SHajdurov, V. N., Osipov, N. A., Kajryak, A. A. (2023) *Nemeckij remeslennyj mir Sankt-Peterburga: osobennosti razvitiya v pervoj polovine XIX v.* [The German craft world of St. Petersburg: features of development in the first half of the 19th century]. *ZHurnal frontirnykh issledovanij* [Journal of Frontier Studies]. Vol. 8. No. 3 (31). Pp. 48–73. DOI 10.46539/jfs.v8i3.532. EDN ENPDX. (In Russ.)
- Semenova, L. N. (1984) *Inostrannye mastersa v Peterburge v pervoj treti XVIII v.* [Foreign masters in St. Petersburg in the first third of the 18th century]. *Nauka i kul'tura v Rossii XVIII v.: Sb. statej* [Science and culture in Russia in the 18th century: collection of articles]. Ed. E. P. Karpeev. Leningrad: LVMU. Pp. 201–224. (In Russ.)
- Semenova, L. N. (1998) *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII vek)* [Everyday life and population of St. Petersburg (18th century)]. Moscow – St. Petersburg: Ves' Mir, Rus.-Balt. inform. centr BLIC. (In Russ.)
- Aller, S. I. (1822) *Ukazatel' zhilishch i zdaniy v Sankt-Peterburge, ili Adresnaya kniga, s planom i tablitsyju pozharnykh signalov* [Index of dwellings and buildings in St. Petersburg, or Address book, with a plan and table of fire signals]. St. Petersburg: Tipografiya Departamenta narodnago proshvshcheniya. (In Russ.)

Об авторе

Генслер Михаил Станиславович, лаборант НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: gensler.hist@mail.ru; ORCID ID: 0009-0006-1706-3149

About the author

Gensler Mikhail S., Laboratory Assistant at the Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: gensler.hist@mail.ru; ORCID ID: 0009-0006-1706-3149

Статья поступила в редакцию 22.06.2025

Одобрена после рецензирования 10.07.2025

Принята к публикации 28.07.2025

Еврейский некрополь Якутска как исторический источник функционирования якутской еврейской общины XIX–XXI вв.

Е. А. Берман

С XVII в. Якутская область была местом ссылки осужденных за уголовные и политические преступления, среди которых с начала XIX в. находились и евреи. Их, как и других ссыльных, расселяли по всей области, но в силу малочисленности полноценная еврейская община сложилась только в г. Якутске, включая же в себя все основные элементы любой еврейской общины диаспоры, главными из которых были молебельный дом и изолированное от других конфессий кладбище, якутская община стала лишь во второй половине XIX в. В данной работе проанализирована организация и функционирование еврейского некрополя г. Якутска как важного элемента общинной жизни и источника исторического и этнокультурного наследия евреев Якутии. Исследование охватывает период с последней четверти XIX в. до настоящего времени. В ходе работы были изучены история и особенности захоронений на еврейском кладбище Якутска, систематизированы ранние эпитафии на надгробиях, исследована деятельность погребального братства и определена степень соответствия организации некрополя погребальным традициям иудаизма. Выводы работы будут способствовать дальнейшему изучению сибирских еврейских некрополей и углубленному пониманию функционирования еврейских общин в Восточной Сибири.

Ключевые слова: еврейская община, Якутск, некрополь, иудаизм, погребальные традиции, эпитафии, погребальное братство, Восточная Сибирь, историческое наследие.

Благодарности: автор выражает благодарность Александру Григорьевичу Гоммерштадту, руководителю «Местной религиозной организации ортодоксального иудаизма "Еврейская община г. Якутска"».

Для цитирования: Берман Е. А. Еврейский некрополь Якутска как исторический источник функционирования якутской еврейской общины XIX–XXI вв. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 156–176. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_156. EDN: PAXTMB

Введение

Данная работа представляет собой часть диссертационного исследования автора на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история по теме «История формирования еврейских захоронений Восточной Сибири первой четверти XIX – первой четверти XXI в. в контексте общих погребальных традиций иудаизма».

Научной проблемой статьи является отсутствие комплексного исследования еврейского некрополя г. Якутска как исторического источника, отражающего быт, социальную структуру и культурные традиции местной еврейской общины в XIX–XXI вв.

Анализ некрополя позволит выявить неизвестные ранее аспекты социальной структуры и религиозной жизни, а также установить динамику изменений общинных традиций еврейской общины Якутии. Исследование восполнит существующие пробелы в изучении истории и культуры еврейских диаспор Восточной Сибири и станет основанием для дальнейших изысканий еврейского наследия данного региона.

Данная статья основана на анализе существующих исследований, раскрывающих историю еврейской общины Якутии. Важнейшей работой в данной области можно считать монографию А. Г. Гройсмана «Евреи в Якутии», изданную в двух частях [1; 2] и содержащую ценнейший материал о возникновении и развитии еврейской общины в Якутии. Немаловажное значение имеют также публикации А. П. Андреева: «Еврейская диаспора Якутии» [3], «Еврейское население Якутии» [4], «Еврейское школьное образование в Якутске (1900–1920-х гг.)» [5], где представлен обширный комплекс сведений о жизни еврейской диаспоры региона.

Дополнительные сведения получены из региональных исследований, таких как публикация О. А. Еранцевой «Развитие дореволюционного отечественного законодательства о рецидиве преступлений с XIX в. до начала XX в.» [6], касающаяся сферы уголовного законодательства, работа Т. С. Ермолаева «Образование и деятельность Якутского окружного полицейского управления (1868–1917 гг.)» [7], осветившая деятельность полиции и ее контроль над ссыльными, а также труд П. Л. Казаряна «Общее и особенное в ссылке евреев в Якутский край (XVII–XX вв.)» [8], затронувший проблему ссылок евреев в Якутский край. Вопрос принудительной миграции проа-

нализирован в работах Е. С. Сальниковой [9], С. И. Сивцевой, В. С. Акимовой и Т. Т. Курчатовой [10].

Помимо прочего, А. А. Ивановым, С. Л. Курас, Т. Л. Курас в статье «Ссылные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX в.» [11] была показана роль ссыльных евреев в общественной и политической жизни региона. В исследовании подчеркнута вовлеченность евреев в российскую политику, что добавляет дополнительный контекст к истории еврейской общины Якутии. И. И. Юрганова освещает историю миссии Русской православной церкви в Якутии и взаимодействие православной церкви с местным населением, что помогает понять контекст взаимоотношений с еврейской общиной, которая испытывала давление доминирующей религии [12].

Представленное исследование строится на сочетании эпиграфического, описательного, аналитического, сравнительного и историко-биографического методов, а также научного моделирования и обобщения. В процессе исследования проведены полевые обследования надгробий, собраны и классифицированы тексты эпитафий, изучены архивные фонды Национального архива Республики Саха (Якутия). Полученные данные интегрированы в единый корпус, что позволило построить объективную картину функционирования еврейской общины Якутии в XIX–XXI вв.

Таким образом, целью исследования стало комплексное изучение еврейского некрополя г. Якутска как исторического источника, отражающего социальную и религиозную специфику еврейской общины города в XIX–XXI вв., с целью реконструкции процесса формирования и развития еврейской общины Якутии на протяжении указанного периода.

Задачами исследования стали: проведение полевого обследования, включающего описание состояния надгробий еврейского некрополя Якутска, анализ текстов эпитафий и изображений на памятниках; использование архивных источников для дополнительного исследования истории и традиций еврейской общины региона, выявление динамики изменений в общинных традициях; проведение сравнительного анализа с другими еврейскими некрополями Восточной Сибири, определение региональной специфики и общих закономерностей.

Гипотеза исследования предполагает, что анализ еврейского некрополя Якутска позволит выявить неизвестные ранее аспек-

ты социальной структуры, религиозной жизни и специфики еврейской общины региона, подтвердив значимость погребальных традиций как индикатора динамики и стабильности еврейских диаспор Восточной Сибири.

Хронологические рамки исследования охватили конец XIX – первую четверть XXI в. Нижняя граница определена появлением в Якутске еврейского некрополя, верхняя – его функционированием до настоящего времени.

Полученные выводы могут послужить основой для дальнейшего комплексного изучения сохранившихся и утраченных сибирских еврейских некрополей. Результаты исследования внесут вклад в развитие исторической науки и расширят понимание еврейских погребальных обычаев на территории Восточной Сибири, а также их устойчивости в контексте общих традиций иудаизма и местных особенностей.

Особенности функционирования еврейской общины Якутска до 1917 г. и устройство еврейского кладбища

Якутск – город в Восточной Сибири, основанный в 1632 г. русскими казаками как острог. В 1638 г. он стал административным центром Якутского уезда, а с 1784 г. являлся столицей Якутской области (до 1922 г.). С середины XVII в. Якутская область была местом ссылки. Изначально в нее попадали уголовные преступники, отбывающие ссылку в других регионах Сибири за совершенные ими рецидивы, осужденные коренные сибиряки или государственные преступники на поселение после окончания срока каторжных работ [13]. Позднее к ссыльным в Якутскую область прибавились члены религиозных сект, таких как скопцы, духоборы, раскольники и субботники [14, л. 1], а также осужденные за политические преступления. Некоторые члены этих категорий могли быть евреями, в случае же с сектантами секта субботников представляла собой русских крестьян, принявших иудаизм и стремившихся к родственным связям с евреями. Среди осужденных встречались и караимы – представители немногочисленной этнической группы, также исповедующей иудаизм [15, л. 1].

Наряду с представителями других национальностей, ссыльных евреев расселяли по всем округам Якутской области, в том числе в Олекминский, Среднеколымский, Вилюйский, Верхоянский и Якутский округа [16]. По данным различных переписи

сей населения, в разные годы в Якутской области проживало следующее количество евреев: в 1862 г. – 94 чел., в 1911 г. – 547, в 1933 г. – 950, а в 1989 г. – 1125 чел. [1]. Поскольку большая часть евреев стремились из округов попасть в Якутск, то и полноценная еврейская община со своими основными атрибутами – молельным домом, раввином и кладбищем – возникла только в самом Якутске во второй половине XIX в. К 1880-м гг. в Якутске существовали молитвенный дом, ритуальный забойщик скота (резник) и еврейское кладбище. Однако в отличие от богатой общины Иркутска она была бедной и немногочисленной. Основные занятия евреев включали ремесла и мелкую торговлю. Из-за своей малочисленности, недостатка финансовых ресурсов и тяжелого якутского климата община часто не могла завершить начатые проекты, хотя и получала разрешения на создание общинных структур от местной администрации [4].

Политические ссыльные евреи не играли значительной роли в формировании общины, потому что были ассимилированными и нерелигиозными, а после окончания срока ссылки возвращались в центральные регионы России. Кроме этого, многие уголовные ссыльные вступали в брак с местными коренными якутками, а их дети записывались по национальности матери, быстро утрачивая связь с еврейством [8].

В 1880 г. в Якутске был открыт еврейский молитвенный дом, первоначально размещенный на частной квартире из-за нехватки средств. Первый раввин появился в Якутске только в 1903 г., но вскоре уехал в Енисейскую губернию. Следующий кандидат на должность раввина не обладал необходимым образованием, однако исполнял обязанности резника и играл важную роль в проведении религиозных обрядов. В 1913 г. руководство синагоги получило официальное разрешение открыть при молитвенном доме еврейское учебное заведение (хедер) для обучения детей основам иудейской веры и еврейской грамоты [17], но на его организацию и содержание не хватало средств, поэтому дети посещали русские учебные заведения. Грамотные евреи самостоятельно обучали своих детей чтению и письму на иврите и идише.

Жесткие климатические условия и тяжелые физические нагрузки вели к высокой смертности среди ссыльных, в том числе евреев. Факт проживания евреев за пределами Якутска подтверждают метрические записи о рождении, браке, разво-

де и кончине евреев, расселенных по Якутской области. Эти записи содержатся в метрических книгах православных церквей, расположенных в удаленных населенных пунктах Якутии: Зашиверо-Индибирской Спасской церкви (г. Зашиверск), Усть-Янской Спасской церкви (с. Казачье), Момской Николаевской церкви (Байдунский наслег Эльгетского улуса) [18, л. 1] и Жиганской Николаевской церкви (с. Жиганск) [19, л. 1], которые находились на значительном удалении от Якутска. Установить существование изолированных иудейских участков для захоронений по Якутской области за пределами Якутска не удалось, но можно предположить, что умерших иудейского вероисповедания хоронили отдельно от представителей других конфессий, вероятнее всего, за заборами православных кладбищ.

Демографическое распределение еврейского населения Якутской области в конце XIX в. наглядно демонстрирует его концентрацию вокруг Якутска. В 1899 г. из 534 евреев, проживавших в Якутии, 329 жили в Якутске, 94 – в Якутском округе, во всей остальной Якутии насчитывалось 130 евреев [16]. Известно, что в 1888–1893 гг. в Среднеколымске существовала коммуна политических ссыльных, известная под названием «Колымская Иудея» [20].

Параллельно с увеличением числа ссыльных в Якутскую область активизировались процессы, связанные с влиянием православия не только на местное население, но и на вновь прибывших ссыльных. В XIX в. миссионерская деятельность в Якутской области была особенно активна по сравнению с другими сибирскими регионами. Массовое принятие православия было характерно для местного населения – якутов [21]. Влияние миссионеров коснулось и еврейских ссыльных: в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) хранятся более 60 дел об отказе их от иудаизма и «присоединении к православию». Такая высокая цифра обращений не зафиксирована ни в одном другом сибирском городе.

Высокая статистика смены вероисповедания объяснялась несколькими причинами. Главными из них были неблагоприятные жизненные условия: суровый климат, голод, болезни. Стремление улучшить свое положение заставляло многих обращаться в православие, надеясь на облегчение быта [12]. Помимо бытовых трудностей, желание сменить веру усиливали и экономические преимущества, предоставляемые государством

переходящим в православие евреям. Совокупность неблагоприятных обстоятельств и государственной политики создала условия для массового перехода евреев, поселенных в Якутии, в православие. Евреи, перешедшие в христианство, покидали еврейскую общину и после смерти хоронились на православных кладбищах по христианскому обряду.

Организация кладбища

В самом Якутске в 1877 г. еврейской общине был выделен участок земли под организацию отдельного еврейского кладбища в составе самого крупного дореволюционного городского Никольского некрополя. Некрополь начал функционировать в последней четверти XVIII в. и располагался за западной границей города. В 1847 г. здесь была заложена новая каменная трехпрестольная Николаевская кладбищенская церковь, ныне действующая как Градо-Якутский Николаевский храм. Рядом с еврейским находился мусульманский участок.

Несмотря на малочисленность и проблемы материального плана, еврейское кладбище было организовано силами общины и стало функционировать в том же 1877 г. На кладбище сохранились немногочисленные дореволюционные надгробия из камня. Песчаник для изготовления надгробий доставляли из верховьев р. Лены, также готовые памятники заказывали из Иркутска. Доставка камней до Якутска занимала около месяца пути на лошадях вдоль Лены. Захоронения на кладбище делились на мужские, женские и детские ряды. Самоубийц хоронили отдельно, возле задней стены ограды. За все время на кладбище было организовано около 5–6 таких могил [3].

На кладбище сохранились дореволюционные надгробия как уголовных, так и политических ссыльных. К примеру, весной 1889 г. на нем было похоронено шесть народовольцев, погибших в результате организованного вооруженного протеста политссыльных в Якутске. Событие получило название «Монастыревский бунт» по фамилии зажиточного якута К. К. Монастырева, чей деревянный дом служил библиотекой для якутских ссыльных и местом их сбора.

К этому моменту в Якутске находилось 34 политических ссыльных (среди которых были женщины), в том числе 29 евреев. Основная часть из них ожидала перевода в еще более се-

верные округа – Вилюйский, Верхоянский и Колымский. Данная группа ссыльных отказалась подчиняться жестким условиям переезда на выдвинутых вице-губернатором П. П. Осташкиным условиях [22]. Протест был подавлен, часть протестующих погибла в результате вооруженного конфликта, а оставшиеся в живых революционеры были преданы суду. Трех обвиняемых – Л. Коган-Бернштейна, А. Гаусмана и Н. Зотова – приговорили к смертной казни через повешение и привели приговор в исполнение во дворе якутской тюрьмы. Остальные получили пожизненную каторгу. Еврейская община похоронила революционеров еврейского происхождения Я. Ноткина, Г. Шура, С. Пика, Л. Коган-Бернштейна и А. Гаусмана на мужской части кладбища. Над захоронениями первых четверых были установлены памятные плиты [23, л. 402]. На могиле А. Гаусмана его вдова поставила памятник, но в марте 1890 г. полиция уничтожила надгробные надписи на русском и еврейском языках, о чем шла длительная переписка между якутским губернатором, якутским городским полицмейстером и Якутским и Вилюйским епископом [24, л. 266, 308, 359, 363]. Еще одна погибшая – Софья (Фрума, Фейга) Гуревич – была похоронена неподалеку от своих соратников на женской половине того же кладбища.

«Монастыревский бунт» стал известен в России и за рубежом благодаря американскому путешественнику Дж. Кеннану, подробно описавшему события в своих путевых очерках. В 1940-е гг. Якутский краеведческий музей установил над могилами казненных революционеров деревянный навес, закрепив на нем две металлические памятные плиты с посмертными словами А. Гаусмана и Л. Коган-Бернштейна, обращенными в будущее. Сами захоронения вошли в реестр революционно-исторических памятников республики, а в 2019 г. могилы «монастыревцев» получили общий статус объекта культурного наследия регионального значения¹.

В начале XX в. доля евреев среди политических ссыльных Восточной Сибири заметно увеличилась, а наибольшее количество евреев-революционеров по-прежнему направлялось в Якутскую область. Согласно списку политических ссыльных,

¹ Об утверждении границ территории объекта культурного наследия регионального значения «Братская могила политических ссыльных, ставших жертвой “Монастыревской трагедии” 22 марта 1889 г. – С. Я. Гуревич, Я. Ноткина, Г. Шура, С. Пик, убитых во время протеста, А. Л. Гаусмана и М. М. Коган-Бернштейна, повешенных по “суду” 7 августа 1889 г.»: приказ Департамента Республики Саха (Якутия) по охране объектов культурного наследия от 17 ноября 2019 г. № 325-ОД.

состоящих на учете на 17 мая 1904 г., в области значились 152 еврея, что составляло почти 45 % от общего числа политических ссыльных в тот период [7].

Организация и функционирование погребального братства внутри еврейской общины Якутска

Внутри каждой еврейской общины диаспоры, вне зависимости от ее численности и материального благополучия, официально или частно существовала религиозная структура, отвечавшая за организацию похорон, соблюдение погребальных традиций и оказание поддержки семье умершего. Данная структура носила название «погребальное братство» (общество) – хевра кадиша. Членство в братстве считалось почетным и предусматривало безвозмездное выполнение обязанностей, связанных с погребением и трауром, а полученные от родственников умерших средства тратились на благоустройство общины, поддержку нуждающихся и образовательные нужды [25].

В последней четверти XIX в. подобное погребальное братство неофициально существовало и в якутской еврейской общине. Впервые попытка узаконить его была предпринята в 1897 г., когда члены общины подали на имя якутского губернатора прошение об утверждении «Устава якутского еврейского погребального общества». Прошение начиналось словами: «Во всех городах как в России, так и по Сибири, где только живут евреи, есть погребальные Общества, которые в сущности необходимы, во-первых, потому что люди и умирают, во-вторых догматы еврейской религии строго воспрещают обиход за умершими евреями русскому, тем более при похоронах» [26, л. 7]. Несмотря на собранные бумаги, в 1898 г. в регистрации общества было отказано.

В 1912 г. хозяйственное правление якутского еврейского молитвенного дома приняло постановление о намерении повторить попытку официально учредить данную организацию и обратилось по этому вопросу с ходатайством к якутскому губернатору. В 1913 г. хозяйственное правление получило от Якутского областного управления отказ с формулировкой: «за отсутствием у якутских евреев раввина, синагоги и дома на кладбище для приготовления трупов к погребению и для хранения нужных для сего вещей» [27, л. 1, 1 (об.), 2, 2 (об.)]

В 1893 г. община получила разрешение на постройку при еврейском кладбище предпохоронного дома омовения – бейт а-таара [28, л. 1, 2]. Несмотря на официальное разрешение, из-за отсутствия средств дом так и не был построен до революции, а усопших по-прежнему готовили к похоронам в домашних условиях. К началу XX в. община разрослась, и в 1915 г. хозяйственное правление Якутского еврейского молитвенного дома обратилось в городскую думу с прошением об отводе дополнительного участка земли под уже существующее еврейское кладбище. Прошение было удовлетворено в том же году, и площадь кладбища увеличилась до 1500 кв. м [29, л. 1–6].

Сохранение еврейской идентичности и функционирование общины и кладбища Якутска в советский и постсоветский периоды

После Октябрьских событий вплоть до 1922 г. Якутск оставался столицей Якутской области, с 1922 по 1990 г. он был столицей Якутской АССР, а с 1990 по 1991 г. – Якутской-Саха ССР. Революция 1917 г., Гражданская война, установление советской власти, репрессии и ссылки советского периода, а также изменения в этнокультурной и религиозной жизни местной общины нашли отражение в функционировании еврейского кладбища. Постепенно трансформировались ритуалы, изменялась форма надгробий, появлялись новые типы эпитафий.

Борьба за власть в Якутской области проходила не менее драматично, чем в других регионах. После Февральских событий 1917 г. по Сибири прошла волна политических манифестаций, организованных политическими ссыльными. Такая демонстрация 10 марта 1917 г. состоялась и в Якутске. Мероприятие собралось у еврейского кладбища, возле могил участников вооруженного протеста политссыльных в 1889 г. («Монастыревского бунта») [30, л. 1]. Выбор места подтвердил высокий уровень присутствия евреев в Якутске в тот период.

Одной из страниц истории Гражданской войны в Якутии стало уничтожение белыми повстанцами отряда красного командира Нестора Каландаришвили в начале 1922 г. Отряд прибыл из Иркутска, попал в засаду в 30 км от Якутска и был расстрелян [31]. Это событие отразилось и в жизни еврейской общины Якутска, поскольку в отряде Каландаришвили служили

два врача-еврея, которых община похоронила на собственном кладбище по еврейскому обряду. Позже на месте захоронений врачей были установлены металлические таблички с надписями, которые сохранились до наших дней. Одна из них содержит следующую информацию: «Лейбин М. А. 1888–1922. Врач, преподаватель медфака Иркутского университета, следовавший в Якутск в составе 3-го Северного отряда имени Н. И. Каландарашвили, погиб в бою с белобандитами в Тектюрской протоке в марте 1922 г.». Вторая: «Аржаманович. Старший врач 2-го Северного отряда имени Н. А. Каландарашвили погиб в бою с белобандитами в Тектюрской протоке в марте 1922 г.».

К началу 1920-х гг. молодежь, которая была вторым, а иногда и третьим поколением, уже родившимся в Якутске, почти не знала еврейского языка и обычаев предков. В 1930 г. была закрыта синагога [32, л. 1]. Немногочисленные религиозные обряды совершались в частных домах, там же отмечались и религиозные праздники.

Несмотря на угасание религиозной жизни, кладбище продолжало функционировать: благодаря неофициально существующему погребальному братству, на нем по-прежнему проводились захоронения по еврейскому обряду. В 1928 г. на кладбище был построен одноэтажный бревенчатый дом омовения (бейт а-таара) площадью 46 кв. м (8,2×6,4 м). Строительство осуществилось спустя много лет после получения соответствующего разрешения и финансировалось средствами, завещанными одним из членов общины – кузнецом М. Я. Шафиром, умершим в 1924 г. [2]. В первые годы здание использовалось по прямому назначению, но позже превратилось в сторожку. Рядом находился пристрой, где хранились многоразовый гроб (в иудаизме хоронят без гроба) и погребальное покрывало (талит или талес), применявшиеся для транспортировки тела умершего от места омовения до могилы. С 1939 г. захоронения перестали осуществляться по принципу разделения на мужские, женские и детские ряды и родственников просто начали подхоранивать на семейные участки.

В 1930-е гг. самая крупная, православная, часть Никольского кладбища, ранее закрытая, была ликвидирована под городскую застройку. Сегодня на ее месте находятся жилые кварталы вблизи современного автовокзала и улицы Октябрьская и Лермонтова, поэтому точные границы бывшего кладбища определить невоз-

можно. Поскольку еврейское кладбище продолжало функционировать и в советское время, оно сохранилось до наших дней и оказалось практически в центре города, между ледовым дворцом «Эллэй Боотур», стадионом «Туймаада» и городским парком.

В разные годы советской власти Якутия продолжала оставаться местом высылки различных категорий советских граждан. В 1940–1942 гг. причинами депортации стали превентивные меры, направленные против «социально опасных элементов», проживавших на территориях, включенных в то время в состав СССР – Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины [33, л. 3], а также финнов и немцев из Ленинградской области.

В 1940 г. на юг Якутии (Алданский, Амгинский, Верхневилюйский, Нерюнгринский, Олекминский и другие районы) на золотые прииски и лесоразработки было направлено более четырех тысяч спецпереселенцев из Польши, среди которых были как поляки, так и евреи [34, л. 1]. В 1942 г. на Крайний Север Якутии (Булунский, Усть-Янский, Жиганский, Ленский и др. районы) [35, л. 18, 19] для решения вопросов продовольственного снабжения фронта и освоения рыбных промыслов были подвергнуты вторичной депортации в Якутию (в 1941 г. они уже были выселены в Алтайский край) более четырех тысяч литовцев и евреев из Литвы. Основным местом их расселения стали низовья Оби, Лены, Енисея, Яны, Индигирки, Колымы.

Режим содержания спецпоселенцев был чрезвычайно жестким. Переселенцы не имели паспортов и права свободного передвижения, им запрещалась переписка с родственниками [36, л. 118]. Условия жизни и труда депортированных были экстремальными, а смертность – высокой. Скученность населения, антисанитария, плохое питание, холод и дефицит топлива порождали массовые заболевания, часто заканчивающиеся летальным исходом. Сложности усугублял тот факт, что среди спецпоселенцев было много стариков, женщин и малолетних детей [37, л. 134].

Часть выживших евреев во время и после Великой Отечественной войны переехала в Якутск. За годы пребывания в Якутии они оказали значительное религиозное и этнокультурное влияние на местную общину, поскольку были носителями устойчивых еврейских традиций и еврейских языков – идиша и иврита. Только в 1956–1959 гг. спецпереселенцы были реабилитирова-

ны и смогли вернуться в Польшу и Литву [38]. Однако не всем удалось вернуться на родину. Около 50 человек скончались в 1940–1950-е гг. и были захоронены на кладбище Якутска. Их захоронения располагались рядом, а большая часть надгробий была выполнена в виде невысоких лиственничных столбиков-мацевот с развернутыми эпитафиями на иврите. Большинство деревянных надгробий было утрачено в пожарах второй половины XX в., но некоторые сохранились до наших дней.

Более простые эпитафии на иврите характерны и для надгробий «местных» евреев, захороненных в тот же период. К этому времени подобные эпитафии на иврите уже были редкостью на других еврейских кладбищах Восточной Сибири [39]. Их появление на еврейском кладбище Якутска обусловлено влиянием польско-литовских спецпереселенцев и может считаться уникальной особенностью этого некрополя.

Борьба советской власти с религиозностью, ассимиляция с местным населением и массовый выезд реабилитированных польских и литовских евреев привели к началу 1960-х гг. к фактическому исчезновению еврейской общины Якутии. Единственным объединяющим евреев Якутска звеном, кроме родственных связей, оставалось действующее кладбище. Постепенно и оно приходило в упадок. Серия пожаров уничтожила уникальные деревянные надгробия с эпитафиями на иврите [40]. В 1970-х гг. пристрой-кладовая вместе с содержимым сгорела, а в 2002–2003 гг. сгорел (был сожжен) и сам дом.

С 1991 г. Якутск – столица Республики Саха (Якутия), которая в настоящее время входит в состав Дальневосточного федерального округа Российской Федерации. Якутская еврейская община пережила годы перестройки и продолжает существовать. В 1999 г. она прошла перерегистрацию и стала носить название «Местная религиозная организация ортодоксального иудаизма "Еврейская община г. Якутска"». Руководителем организации и директором кладбища с того времени является Александр Григорьевич Гоммерштадт.

Кладбище по-прежнему действующее. Оно занимает площадь 1 га и официально находится в ведении муниципалитета, однако следит за порядком, оплачивает коммунальные услуги, содержит охранника и проводит общий ремонт кладбища еврейская община.

За 150 лет существования кладбища на нем было произведено, по приблизительным данным, от 2500 до 3000 захоронений. Несмотря на пожары, значительную часть захоронений удалось сохранить до наших дней, и наряду с документами Национального архива Республики Саха (Якутия) они служат важным источником информации о существовании еврейской общины на протяжении длительного времени. В 1995 г. к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне совместными усилиями членов еврейской общины и мэрии г. Якутска на кладбище была установлена памятная стела в честь погибших воинов-евреев.

Рисунок. Надгробие над двойным захоронением супругов Я. И. и М. А. Гальбергов. 1955 г. Песчаник. Высота – 180 см
Рис. Е. Г. Павловой, фото А. П. Андреева

Осмотр сохранившихся надгробий конца XIX – середины XX в. показал их значительное различие друг от друга по стилистике и материалам. Это свидетельствует о заказе памятников родственниками умерших в разных мастерских как в самом городе, так и за его пределами. Надгробия также были изго-

товлены из разных материалов – песчаника, гранита, бетона, металла и дерева, а изображения ограничивались подсвечниками для Шаббата и звездами Давида, встречающимися только на деревянных надгробиях. Структура эпитафий соответствовала традиционной еврейской формуле, что свидетельствует о присутствии в общине того времени людей, знакомых с правилами погребения и составления текстов эпитафий.

Таблица

Текст эпитафии с надгробия над двойным захоронением супругов Я. И. и М. А. Гальбергов и перевод ее ивритоязычной части на русский язык

Оригинальный текст эпитафии	Перевод ивритоязычной части эпитафии
<p>ד.ג. וְבוֹאֵר בְּקִעֵי רַב דְּוִעִילָא קְתָנִי רַב גַּרְבֵּלָג (אשׁוּל) הַנְּבוּק רִיעַמַּ אַ רְדָא חַל וְטַ הַ סְוִיפַ פֿנַ אִישׁתָּה תְּנַשׁ ה.ה.ב.צ.נ.ת.</p> <p>3. П. Яков Исакович Гальберг 1877–1951</p>	<p>Здесь покоится Рав Яков Реувен Сын рава Ицхака Элиода Гальберг Из города Ковна (Лита) Упокоился в мире с Б-гом 15 в месяц адар 1 Года 5711¹ T[a]HЦ[e]BA²</p>
<p>ד.ג. תַּב סִירַם הַשָּׂאָה בְּקִעֵי רַב הַשָּׂא קִיזִיאַ רַב גַּרְבֵּלָג (אשׁוּל) הַנְּבוּק רִיעַמַּ זִוְמַת הִי הַרְטַפֿנַ דִּישׁתָּה ה.ה.ב.צ.נ.ת.</p> <p>3. П. Мария Аизиковна Гальберг 1879–1954</p>	<p>Здесь покоится Женщина Мирьям дочь Рава Айзика жена рава Якова Гальберг Из города Ковна (Лита) Умерла 15 тамуз 5714³ T[a]HЦ[e]BA</p>

Начиная с конца 1950-х гг. и по настоящее время надгробия на кладбище представляют собой типовые памятники, харак-

¹ Дата смерти при пересчете на Григорианский календарь – 21 февраля 1951 г.

² «Да будет завязана ее [ero] душа в узле жизни [с душами Авраама, Исаака и Якова и всех [праведников]]» – фрагмент цитаты из еврейской поминальной молитвы Изкор, первые буквы которой являются обязательной заключительной эвлогией (благословением) в традиционной формуле еврейской эпитафии.

³ Дата смерти при пересчете на Григорианский календарь – 16 июля 1954 г.

терные для кладбищ других конфессий того же периода. Они уже не содержат текстов на иврите и ничем не выделяются среди других еврейских некрополей Восточной Сибири.

На рисунке и в таблице приведены пример надгробия середины XX в. (1955 г.) и текста эпитафии на нем с еврейского кладбища Якутска. Надгробие выполнено из песчаника и установлено над двойным захоронением супругов, переселенных в 1942 г. из Литвы. Основная часть текста эпитафии выполнена на иврите, что нехарактерно для других еврейских кладбищ Восточной Сибири данного периода. Фамилии усопших в ивритоязычной части эпитафии также написаны на иврите, в отличие от эпитафий начала первой четверти XX в., когда повсеместно в Восточной Сибири в ивритоязычных эпитафиях стали указывать фамилии умерших для удобства прочтения на идише (используя идишскую орфографию). Подобным способом написаны все фамилии спецпереселенцев 1940–1942 гг., похороненных на Якутском еврейском кладбище.

Обсуждение и выводы

Проведенное полевое обследование еврейского некрополя Якутска позволило собрать данные о состоянии надгробий, составить описание памятников, проанализировать тексты эпитафий и декоративные элементы. Архивные документы показали динамику изменений в общинных традициях, социальной структуре и культурной жизни евреев Якутии XIX–XX вв. Сравнительный анализ с другими еврейскими кладбищами Восточной Сибири выявил как общие закономерности, так и специфику устройства и функционирования еврейского кладбища Якутска. Это подтверждает индивидуальность еврейской общины Якутии в сравнении с соседними регионами. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований еврейского наследия Якутии, способствуют улучшению понимания еврейской истории Восточной Сибири и сохранению культурного наследия еврейских общин региона.

Список литературы

1. Гройсман А. Г. Евреи в Якутии. Часть 1. Община: монография. Т. 1. Якутск: Полиграфист, 1995. 112 с.
2. Гройсман А. Г. Евреи в Якутии. Часть 2. После революции: монография. Т. 2. Якутск: Полиграфист, 1999. 82 с.

3. Андреев А. П. Еврейская диаспора Якутии // Наука и образование. 2006. № 3. С. 114–116. EDN: KATPQT.
4. Андреев А. П. Еврейское население Якутии // Наука и образование. 2007. № 3. С. 168–170. EDN: KAQCAL.
5. Андреев А. П. Еврейское школьное образование в Якутске (1900–1920-х гг.) // Молодой ученый. 2014. № 20. С. 2–4. EDN: TBFXBF.
6. Еранцева О. А. Развитие дореволюционного отечественного законодательства о рецидиве преступлений с XIX в. до начала XX в. // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–23 июля 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 17–20. EDN: WFFCMX.
7. Ермолаев Т. С. Образование и деятельность Якутского окружного полицейского управления (1868–1917 гг.) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 14–19. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8608. EDN: XYOWTZ.
8. Казарян П. Л. Общее и особенное в ссылке евреев в Якутский край (XVII–XX вв.) // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках: сб. статей. Красноярск: Кларетианум, 2003. С. 3–14.
9. Сальникова Е. С. Особенности ссылки в Якутскую область во второй половине XIX века // Омский научный вестник. 2011. № 5. С. 23–25. EDN: OAVHVN.
10. Сивцева С. И., Акимова В. С., Курчатова Т. Т. Принудительная ссылка на край земли: спецпоселенцы в Якутии в 1940-е годы // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 1. С. 52–63. EDN: BCRXCB.
11. Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Ссылные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 162–169. DOI: 10.17223/19988613/71/23. EDN: PUUAAN.
12. Юганова И. И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Якутии (XVII – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 117–128. EDN: STRHSZ.
13. Казарян П. Л. Якутия в системе политической ссылки России, 1826–1917 гг. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1998. 494 с.
14. Национальный архив республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. И24. Оп. 1. Д. 49.
15. НАРС(Я). Ф. И43. Оп. 1. Д. 1702.
16. Курчатова Т. Т., Андреев А. П. Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 72–74. EDN: TOJLSU.
17. Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. 422 с.
18. НАРС(Я). Ф. И226. Оп. 15. Д. 559.
19. НАРС(Я). Ф. И226. Оп. 16. Д. 67.
20. Из истории колымской библиотеки // МКУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Среднеколымского улуса (района) [Электронный ресурс]. URL: <https://mcbs-sr.saha.muzkult.ru/history> (дата обращения: 11.06.2025).
21. Асочакова В. Н. Церковные источники демографического учета в изучении христианизации коренных народов Сибири // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 3. С. 87–92. EDN: XACKIV.
22. Кротов М. А. Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных. Якутск: Якутское книжное издательство, 1974. 70 с.
23. НАРС(Я). Ф. И192. Оп. 19. Д. 1.
24. НАРС(Я). Ф. И12. Оп. 15. Т. 2. Д. 321А.
25. Берман Е. А. Погребальное братство как социокультурный институт иудаизма (на примере иркутской еврейской общины второй половины XIX – первой половины XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 2. С. 64–74. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-2-64-74. EDN: PSBIVZ.
26. НАРС(Я). Ф. И12. Оп. 1. Т. 4. Д. 15896.
27. НАРС(Я). Ф. И12. Оп. 2. Т. 2. Д. 6172.
28. НАРС(Я). Ф. И165. Оп. 1. Д. 1529.

29. НАРС(Я). Ф. И165. Оп. 1. Д. 3412.
30. НАРС(Я). Ф. Ф1. Оп. 1. Д. 636.
31. Пестерев В. И. Гражданская война на Северо-Востоке России и антикоммунистические выступления в Якутии (1918–1930 гг.): монография. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. 529 с.
32. НАРС(Я). Ф. Р94. Оп. 1. Д. 37.
33. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 527.
34. Архив Министерства внутренних дел Республики Саха (Якутия). Ф. 11. Оп. 1. Д. 961.
35. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108.
36. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 71.
37. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 91.
38. Рахлина Р., Рахлин И. 16 лет возвращения. Сибирская сага / пер. с англ. М.: Зебра-Е, 2004. 310 с.
39. Берман Е. А., Павлова Е. Г. Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 114–128. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-114-128. EDN: XQTTVJ.
40. Березин А., Левин В. Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа // *Judaic-Slavic Journal*. 2021. № 1. С. 17–67. DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.03. EDN: OLGCBX.

Yakutsk Jewish Cemetery as a Historical Source on the Functioning of the Yakutsk Jewish Community in the 19th – 21st Centuries

Elena A. Berman

Since the 17th century, the Yakut region was a place of exile for those convicted of criminal and political crimes, including Jews from the early 19th century onwards. Like other exiles, they were scattered throughout the region, but due to their small numbers, a full-fledged Jewish community only formed in Yakutsk, and only in the second half of the 19th century. The Yakut community included all the main elements of any Jewish community in the diaspora, the most important of which were a prayer house and a cemetery isolated from other faiths. This paper analyzes the organization and functioning of the Jewish necropolis of Yakutsk as an important element of community life and a source of historical and ethnocultural heritage of the Jews of Yakutia. The study covers the period from the last quarter of the 19th century to the present. During the course of the work, the history and characteristics of burials at the Jewish cemetery in Yakutsk were studied, early epitaphs on gravestones were systematized, the activities of the burial brotherhood were investigated, and the degree of compliance of the necropolis organization with Jewish burial traditions was determined. The findings of this study will contribute to further research on Siberian Jewish cemeteries and a deeper understanding of the functioning of Jewish communities in Eastern Siberia.

Key words: Jewish community, Yakutsk, necropolis, Judaism, funeral traditions, epitaphs, funeral brotherhood, Eastern Siberia, historical heritage.

Acknowledgements: the author would like to thank Alexander G. Gommerstadt, head of the “Local Religious Organization of Orthodox Judaism ‘Jewish Community of Yakutsk’”.

For citation: Berman, E. A. (2025) Evreiskii nekropol' Yakutska kak istoricheskii istochnik funktsionirovaniya yakutskoi evreiskoi obshchiny XIX–XXI vv. [Yakutsk Jewish Cemetery as a Historical Source on the Functioning of the Yakutsk Jewish Community in the 19th – 21st Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 156–176. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_156. EDN: PAXTMB

References

- Groisman, A. G. (1995) *Evrei v Yakutii. Chast' 1. Obshchina* [Jews in Yakutia. Part 1. Community]. Vol. 1. Yakutsk: Poligrafist. (In Russ.)
- Groisman, A. G. (1999) *Evrei v Yakutii. Chast' 2. Posle revolyutsii* [Jews in Yakutia. Part 2. After the Revolution]. Vol. 2. Yakutsk: Poligrafist. (In Russ.)
- Andreev, A. P. (2006) Evreiskaya diaspora Yakutii [The Jewish Diaspora of Yakutia]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. No. 3. Pp. 114–116. (In Russ.). EDN: KATPQT.
- Andreev, A. P. (2007) Evreiskoe naselenie Yakutii [The Jewish Population of Yakutia]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. No. 3. Pp. 168–170. (In Russ.). EDN: KAQCAL.
- Andreev, A. P. (2014). Evreiskoe shkol'noe obrazovanie v Yakutske (1900–1920-kh gg.) [Jewish School Education in Yakutsk (1900–1920's)]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist]. No. 20. Pp. 2–4. (In Russ.). EDN: TBFXBF.
- Erantseva, O. A. (2016) Razvitie dorevolyutsionnogo otechestvennogo zakonodatel'stva o retsidive prestuplenii s XIX v. do nachala XX v. [The Development of Pre-Revolutionary Domestic Legislation on Recidivism from the 19th Century to the Beginning of the 20th Century]. *Pravo: istoriya, teoriya, praktika* [Law: History, Theory, Practice]. Proceedings of the IV International Scientific Conference, 20–23 July 2016, St. Petersburg. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. Pp. 17–20. (In Russ.). EDN: WFFCMX.
- Ermolaev, T. S. (2017) Obrazovanie i deyatel'nost' Yakutskogo okruzhnogo politseiskogo upravleniya (1868–1917 gg.) [The Formation and Development of the Yakut Regional Police Department (1868–1917)]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia]. No. 4. Pp. 14–19. (In Russ.). DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8608. EDN: XYOWTZ.
- Kazaryan, P. L. (2003) Obshchee i osobennoe v ssylke evreev v Yakutskii kraii (XVII–XX vv.) [Common and Special Things in the Exile of Jews to the Yakut Territory (17th–20th Centuries)]. *Stranitsy istorii evreev Sibiri v XIX–XX vekakh* [Pages of the History of the Jews of Siberia in the 19th–20th Centuries]. Krasnoyarsk: Klaretianum. Pp. 3–14. (In Russ.)
- Salnikova, E. S. (2011) Osobennosti ssylki v Yakutskuyu oblast' vo vtoroi polovine XIX veka [The Features of the Exile to Yakutiya in the Second Part of 19th Century]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. No. 5. Pp. 23–25. (In Russ.). EDN: OOAVHN.
- Sivtseva, S. I., Akimova, V. S., Kurchatova, T. T. (2022) Prinuditel'naya ssylka na kraii zemli: spetsposelentsy v Yakutii v 1940-e gody [Forced Exile to the Edge of the Earth: Special Settlers in Yakutia in the 1940]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo* [Vestnik of North-Eastern Federal University. History. Political Science. Law]. No. 1. Pp. 52–63. (In Russ.). EDN: BCRXCB.
- Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2021) Ssyl'nye evrei v politicheskoi zhizni Irkutskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX v. [Exiled Jews in the Political Life of the Irkutsk Province at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal. History]. No. 71. Pp. 162–169. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988613/71/23. EDN: PUUAHA.
- YUrganova, I. I. (2014) Missionerskaya deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Yakutii (XVII – nachalo XX v.) [Missionary activities of Russian Orthodox Church in Yakutia 17th – Early 20th Centuries)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. No. 3. Pp. 117–128. (In Russ.). EDN: STRHSZ.
- Kazaryan, P. L. (1998) *Yakutiya v sisteme politicheskoi ssylki Rossii, 1826–1917 gg.* [Yakutia in the System of Political Exile in Russia, 1826–1917]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. (In Russ.)
- Natsional'nyi arkhiv respubliki Sakha (Yakutiya)* [National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)] (hereinafter – (NARS)(Ya)). F. I24. Op. 1. D. 49.
- NARS(Ya). F. 143. Op. 1. D. 1702.

16. Kurchatova, T. T., Andreev, A. P. (2016) Evrei Yakutii v kontse XIX v. (po materialam pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 g.) [The Jews of Yakutia at the Late 19th Century (Case Study of the First National Census of 1897)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 4. Pp. 72–74. (In Russ.). EDN: TOJLSU.

17. Kal'mina, L. V. (2003) *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Jewish Communities of Eastern Siberia (Mid-19th Century – February 1917)]. Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex of the East Siberian State Institute of Culture. (In Russ.)

18. NARS(Ya). F. I226. Op. 15. D. 559.

19. NARS(Ya). F. I226. Op. 16. D. 67.

20. Iz istorii kolymskoi biblioteki [From the history of the Kolyma library]. MKUK “*Mezhposelentskaya tsentralizovannaya bibliotchnaya Sistema*” Srednekolymского улуса (raiona) [MKUK Intersettlement centralized library system of Srednekolymsky ulus (district)]. URL: <https://mcbs-sr.saha.muzkult.ru/history> (available at 11 June 2025).

21. Asochakova, V. N. (2016) Tserkovnye istochniki demograficheskogo ucheta v izuchenii khristianizatsii korennykh narodov Sibiri [Church Sources of Demographic Accounts when Studying the Christianization of Indigenous Peoples of Siberia]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Issues of Social-Economic Development of Siberia]. No. 3. Pp. 87–92. (In Russ.). EDN: XACKIV.

22. Krotov, M. A. (1974) *Dva vooruzhennykh protesta yakutskikh politicheskikh ssyl'nykh* [Two Armed Protests by Yakut Political Exiles]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)

23. NARS(Ya). F. I192. Op. 19. D. 1.

24. NARS(Ya). F. I12. Op. 15. T. 2. D. 321A.

25. Berman, E. A. (2022) Pogrebal'noe bratstvo kak sotsiokul'turnyi institut iudaizma (na primere irkutskoi evreiskoi obshchiny vtoroi poloviny XIX – pervoi poloviny XX v.) [Chevra Kadisha as a Socio-Cultural Institution of Judaism (on the Example of the Irkutsk Jewish Community of the Second Half of the 19th – the First Half of the 20th Century)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 18. No. 2. Pp. 64–74. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-2-64-74. EDN: PSBIVZ.

26. NARS(Ya). F. I12. Op. 1. T. 4. D. 15896.

27. NARS(Ya). F. I12. Op. 2. T. 2. D. 6172.

28. NARS(Ya). F. I165. Op. 1. D. 1529.

29. NARS(Ya). F. I165. Op. 1. D. 3412.

30. NARS(Ya). F. F1. Op. 1. D. 636.

31. Pesterev, V. I. (2009) *Grazhdanskaya voyna na Severo-Vostoke Rossii i antikommunisticheskie vystupleniya v Yakutii (1918–1930 gg.)* [The Civil War in Northeastern Russia and Anti-Communist Protests in Yakutia (1918–1930)]. Yakutsk: Yakut Scientific Center SB RAS. (In Russ.)

32. NARS(Ya). F. R94. Op. 1. D. 37.

33. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation] (hereinafter – GARF). F. 9479. Op. 1. D. 527.

34. *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Sakha (Yakutia)]. F. 11. Op. 1. D. 961.

35. GARF. F. 9479. Op. 1. D. 108.

36. GARF. F. Ф. 9479. Op. 1. D. 71.

37. GARF. F. 9479. Op. 1. D. 91.

38. Rakhlina, R., Rakhlin, I. (2004) *16 let vozvrashcheniya. Sibirskaya saga* [16 years of return. The Siberian Saga]. Moscow: Zebra-E. (In Russ.)

39. Berman, E. A., Pavlova, E. G. (2020) Amurskii evreiskii nekropol' kak ehnikul'turnaya sostavlyayushchaya zhizni evreiskoi obshchiny g. Irkutsk na pervoi poloviny XX v. [Amur Jewish Necropolis as an Ethnocultural Component of the Irkutsk Jewish Community life in the First Half of the 20th Century]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 16. No. 4. Pp. 114–128. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-114-128. EDN: XQTTVJ.

40. Berezin, A., Levin, V. (2021) Sibirskii mif v evreiskoi istorii: evrei Sibiri kak religioznaya gruppa [Siberian Myth in the Jewish History: Jews of Siberia as a Religious Group]. *Judaic-Slavic Journal* [Judaic-Slavic Journal]. No. 1. Pp. 17–67. (In Russ.). DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.03. EDN: OLCGBX.

Об авторе

Берман Елена Александровна, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры ювелирного дизайна и технологий, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3374-161X

About the author

Berman Elena A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jewelry Design and Technology, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3374-161X

Статья поступила в редакцию 15.06.2025

Одобрена после рецензирования 16.07.2025

Принята к публикации 29.07.2025

Дискурс культурной интеграции коренных народов Азиатской России в публикациях журнала «Православный благовестник» (конец XIX – начало XX в.)

М. К. Чуркин

В статье, на материалах публикаций журнала «Православный благовестник» раскрывается содержание дискурса культурной интеграции коренных народов Азиатской России в конце XIX – начале XX в. Обращение к исследовательским подходам и практикам «новой имперской истории», а также методом дискурс-анализа позволили выявить ключевые паттерны в представлениях корреспондентов издания – миссионеров, о моделях коммуникации с инородческим населением окраин, а также сценариях их культурного встраивания в российский социум. Установлено, что Русская православная церковь в лице миссионеров, в целом разделяя характерные для российского образованного общества просветительские принципы, являлась активным актором колонизационного дела, оперативно реагируя на реальную ситуацию. Осознавая низкую продуктивность радикальной русификации, миссионерство постепенно склонялось к «мягким» методам культуртрегерства в отношении коренных групп населения: практикам религиозного просвещения и образования с использованием родных языков, организации в инородческой среде «площадок» колониального посредничества. Журнал «Православный благовестник», как орган сообщества миссионеров, не только отражал рецепцию инородческого вопроса в церковной среде, но и корректировал общественное мнение, предлагая конструктивные варианты культурного взаимодействия с инородческой массой.

Ключевые слова: «Православный благовестник», Азиатская Россия, Русская православная церковь, миссионерство, культурная интеграция, дискурс.

Для цитирования: Чуркин М. К. Дискурс культурной интеграции коренных народов Азиатской России в публикациях журнала «Православный благовестник» (конец XIX – начало XX в.) // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 177–192. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_177. EDN: QYYLXU

Введение

Актуальность исследования дискурса культурной интеграции народов Азиатской России в контексте имперской политики населения второй половины XIX – начала XX в. тесным образом связана с вызовами современного исторического знания, антропологическим и лингвистическим «поворотами» в гуманитарной науке, коррекцией методологической «оптики» в рефлексии процесса отечественного империостроительства. Опыт переосмысления имперского прошлого России в широких хронологических границах предметно запечатлён в многочисленных научных публикациях, поднимающих остросюжетные проблемы организации имперского пространства с учётом территориально культурной инкорпорации периферийных регионов; коммуникации акторов колонизационного дела; этнокультурного и конфессионального многообразия населения [1–5]. В рамках исследовательской традиции «новой имперской истории» основополагающим является утверждение, что культурное пространство, включаемое в ареал экспансии империи, характеризуется гетерогенностью. При этом интеграция коренного населения в переконструируемый социум неизбежно должна сопровождаться преодолением культурных различий между пришлыми и автохтонными группами и созданием относительно однородной в социокультурном, этнокультурном, конфессиональном отношении общности. Однако, по признанию большинства исследователей, население окраин, вплоть до начала XX в., когда текущие задачи российской модернизации отличались в столыпинский призыв «вдвинуть Россию в Сибирь» [6, с. 223], было слабо затронуто культурным влиянием центра. По мнению В. Малахова, культурная гомогенизация (русификация) окраин, в том числе азиатских, не увенчалась и не могла увенчаться успехом, что объяснялось стремлением центральных и региональных властей к обеспечению военно-политической стабильности в ущерб культурно-административной однородности; дефицитом институциональных ресурсов для проведения политики культурной гомогенизации; отсутствием у автохтонного населения реальных стимулов к отказу от прежней идентичности в пользу новой [7, с. 48]. Добавим, что ставка имперской бюрократии на переселенческое движение и культуртрегерские возможности российского крестьянства в соот-

ветствии с формулой «только та земля становится русской, где прошёл плуг её пахаря», равно как и разнообразные проекты русификации коренных народов Азии средствами школьного образования, в том числе и с использованием родных языков, не дали прогнозируемого эффекта.

Тем не менее, нельзя не отметить, что обсуждение инородческого вопроса в «русской» Азии и сценариев социокультурной инкорпорации народов во второй половине XIX – начале XX в. являлось значимым сюжетом интеллектуальной рефлексии образованной части общества, вовлечённой в колониационное дело. Напряжённость дискурса культурной интеграции и создания «спрямлённого» социального пространства в условиях окраин, рассматривавшихся как своеобразный «полигон» культурных экспериментов империи, обеспечивалась включённостью российского общественного мнения в более широкое дискурсивное поле просветительской идеологии, воспринятой в России в конце XVIII в. и приспособленной к условиям национального государства в стадии становления во второй половине XIX – начале XX в. Утверждение и распространение просветительских идей в Европе и России было тесно связано с колониационными практиками и мессианским сознанием, формировавшимся в рамках данного феномена. На рубеже XVIII–XIX вв. в европейском мире в классическую риторику эпохи Просвещения о рациональности сущего, доминанте прогресса и европоцентризме постепенно вплетались паттерны об ответственности «человека власти и культуры» за судьбы новых подданных, что предметно отражалось в форме и содержании российского дискурса культурного патернализма, реализуемого в ходе внутренней колонизации «собственного востока России» [8].

Востоковед В. В. Григорьев, рассуждая о будущем России, писал, что в отношениях с Востоком необходимо сохранить многочисленные его народы и устроить их, «научив грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона...»; «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство»; «дать им... описание их жизни, его кочевья, ...его нравов и его истории, пусть он (инородец) увидит описанным самого

себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило, и что ему следует совершить» [9, с. 7].

Своё место в российском дискурсе культурной интеграции индигенных народов азиатских окраин занимала Русская православная церковь, ставшая одним из деятельных акторов колонизации в пореформенный период, когда движение империи к восточной периферии существенно активизировалось. Симптоматично, что отмечаемый современниками и подтверждаемый в трудах историков разных лет кризис общественного влияния РПЦ во второй половине XIX – начале XX в. [10–12], связанный с начавшимися процессами модернизации в центре империи, в периферийных регионах преодолевался институтом церкви посредством включения в благотворительную, религиозно-просветительскую, миссионерскую работу, которая сопровождалась прямыми контактами как с воцерковлённой паствой, так и новоприобретёнными сторонниками христианства Азиатской России. По замечанию Л. Манчестер и Д. Сдвижкова, исследователи часто игнорируют связь между православием и проявлениями модерна в России, поскольку находятся в плену стереотипа, созданного отечественными интеллектуалами славянофильского и национал-консервативного толка о соборности как источнике «имперсональности» России, упуская из виду наметившуюся в середине XIX столетия тенденцию, в соответствии с которой православие начинало оказывать влияние на формирование личности через социально-пасторское служение [13, с. 8–9]. Примеряя данный вывод к нашему исследованию, отметим, что в условиях азиатских окраин имперские ассимиляционные проекты в отношении инородцев, проводившие до 1870-х – начала 1880-х гг. линию агрессивной русификации, до известной степени уравнивались практиками церковного и миссионерского просветительства коренных народов, за редким исключением избегавших агрессивных методов культурного «освоения» автохтонов. Важным представляется и то обстоятельство, что в условиях отдалённых регионов, и это особенно заметным было в среде миссионерских служащих, происходило формирование коммуникативного пространства сообщества, складывалась общая идентичность и система этических конвенций, позволявшие формулировать взвешенные оценки си-

туации взаимодействия с инородческими группами, объяснять причины неудач в реализации своих культурно-религиозных программ. Выдвинутые на периферию империи миссионеры представляли собой консолидированную группу людей, находившуюся в тесном межличностном контакте, реализуемом не только в совместной деятельности, но и дистанционно через переписку, ведение дневниковых записей и другие виды публикационной активности.

Одним из таких инструментов на рубеже XIX–XX вв. выступала специализированная периодическая печать, выполнявшая не только функцию связующего звена государственной и церковной власти со своими представителями – приходскими священниками и миссионерами в отдалённых местностях Азиатской России, но и, на наш взгляд, как «площадка» репрезентации паттернов дискурса культурной интеграции коренных групп населения азиатской периферии в исследуемый период.

Метод дискурс-анализа [14], избранный нами в качестве инструментального приёма работы с публикациями журнала «Православный благовестник», предполагал выявление паттернов культурной интеграции коренного населения Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в., обусловивших представления деятелей Русской православной церкви (священников-миссионеров) о логике имперского процесса встраивания инородцев в окраинный социум.

Целью статьи является раскрытие содержания дискурса культурной интеграции коренного населения Азиатской России, репрезентируемого в публикациях журнала «Православный благовестник» на рубеже XIX–XX вв. Область задач исследования связана с выявлением ключевых паттернов дискурса корреспондентов издания, в которых фиксировались представления деятелей РПЦ на восточных окраинах о потенциальных возможностях, способах и средствах коммуникации сообщества миссионеров с инородцами азиатской периферии, обеспечивавших преодоление культурных различий и формирование гомогенного социального пространства. Постановка цели и задач позволяет моделировать гипотезу исследования: паттерны дискурса культурной интеграции инородцев, транслируемые в журнале «Православный благовестник», характеризовались динамичностью, демонстрировали активную позицию РПЦ и её служителей

в колониационном процессе, фиксировали как точки согласия, так и расхождения церкви и прочих интеллектуальных сил российского общества в представлениях о логике и последствиях культурного влияния на коренные народы Азиатской России.

Результаты

Журнал «Православный благовестник», издаваемый в Москве в период 1893–1917 гг. под эгидой Православного миссионерского общества, в публикациях своих корреспондентов – служащих православных миссий, а также официальных отчётах о миссионерской работе, моделировал формат коммуникации РПЦ с населением окраин, в том числе с коренными народами, намечал потенциальные пути и методы христианизации инородцев и их последующего религиозного просвещения. Необходимо подчеркнуть практикоориентированность издания, что находило отражение в его программе, публикуемой в конце каждого номера и цели, формулируемой как «всестороннее, по возможности, изображение деятельности отечественных веропроповедников (миссионеров) и выяснении условий, среди которых эта деятельность развивается» [15, с. 17]. Кроме того, журнал «Православный благовестник» по своей идеологической направленности принадлежал к категории «охранительных», что находило выражение в отсутствии каких-либо полемических материалов и структуре публикаций, охватывавшей отработанный и стабильный круг сюжетов, связанных с функционированием миссий и миссионерских служб в центре страны и на её окраинах, рассуждениями миссионерских священников различных рангов о способах распространения христианства, описанием быта и верований инородцев империи, сравнением опыта деятельности миссионерства в России и за рубежом.

К числу ключевых паттернов дискурса культурной интеграции инородцев Азиатской России, формулируемых миссионерскими журналистами на страницах издания в конце XIX – начала XX в., отражавших представления деятелей Русской православной церкви о коренных народах восточных окраин и принципах их аккультурации как условия создания однородного социокультурного пространства, можно отнести следующее:

Во-первых, в журнальных публикациях исследуемого периода образ инородца как объекта культурного влияния конструиро-

вался в соответствии с эволюционистскими представлениями эпохи, равнозначными как в рецепции светских интеллектуалов, так и церковных деятелей. Риторика «другого», нуждавшегося в практиках опеки и цивилизаторского влияния, была буквально разлита по страницам издания, фиксируясь в уничтожительных конструкциях по адресу восточных автохтонов: «настолько неразвитые, что не могут отличить правой руки от левой» [16, с. 48], «худородные, слабые племена» [17, с. 7]; «инородцы мало развиты, и не могут долго сосредоточивать мыслей на одном предмете» [18, с. 5]; «темные не только по безграмотству и полудикому образу жизни, но и в силу религиозных воззрений шаманских» [19, с. 7]; «племена, не ведающие истинного Бога» [20, с. 3] и т. д. Подобные представления деятелей РПЦ и миссионеров о коренных народах азиатских окраин не только служили моральным оправданием высокой цивилизующей миссии России и православной церкви, но и выступали ориентиром в организации культуртрегерских практик.

В миссионерском сообществе в этот период отсутствовало единство относительно того, каким образом должен реализовываться интеграционный процесс. Так, ещё в 1885 г. глава Забайкальской миссии епископ Вениамин в одном из писем Н. И. Ильминскому предлагал максимально простое решение инородческого вопроса: «...даём (инородцам) русское имя с русским прозвищем, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду, ...учим его по-русски молитвам» [21, с. 13]. Полемизируя с Ильминским, Вениамин высказывал сомнения в продуктивности масштабной христианизации коренного населения российских окраин и школьного образования как основного миссионерского инструмента, озвучивая при этом трафаретную рецепцию инородцев в российском образованном обществе: «Мы крестим возрастных, неграмотных и часто очень тупых» [22, с. 39].

Сплошной просмотр публикаций журнала «Православный благовестник» позволяет высказать предположение о постепенном смещении в церковной, и прежде всего в миссионерской среде, акцентов от необходимости насильственной ассимиляции и русификации инородцев, к формулированию сценариев их «взросления». Маркируя инородцев как культурно отсталых «детей природы», православные корреспонденты признавали

важность изучения образа жизни, хозяйственных стереотипов и религиозных воззрений коренных народов Азиатской России, полагая, что дорастить инородцев до цивилизованного уровня можно только «приспособившись к внутреннему состоянию души того человека, кого нужно обратить к пути истинному» [23, с. 45; 24, с. 34–35]. На этом основании делался вывод: «Кто идёт проповедовать Евангелие к народам языческим, тот должен...ознакомиться с верованиями того народа, где ему предложит дело» [24, с. 45]. Характерно, что если в публикациях журналистов-миссионеров конца XIX в. настойчиво транслировалась идея о «разумной братской помощи в духе истинно христианском» [15, с. 18], которую обязаны оказать инородцам «цивилизованные» русские миссионеры, то в начале XX столетия корреспонденты признавали несостоятельность своих усилий, связанных с приобщением коренного населения к российским экономическим практикам. Так, например, в описаниях хозяйственной деятельности обских самоедов и остяков в журнале за 1893 г. авторами подчёркивалась неспособность инородцев «освободиться от влияния могучей природы», подпитывавшей религиозные предрассудки; их «рабская зависимость от среды обитания и неумение воспользоваться обилием произведений природы» [15, с. 17]. В статьях начала нового века журналисты издания ограничивались уже простой констатацией приверженности инородцев к веками апробированным промыслам: «Влияние русских на инородцев благотворно только в том, что некоторые из гиляков (автохтоны Амурского края) начинают строить дома русского типа и заниматься огородничеством, которое служит им большим подспорьем в неурожайный год для рыбного промысла (все инородцы стана почти исключительно рыболовы)» [25, с. 25].

Во-вторых, готовность к принятию компромиссных решений в вопросе о методах культурной инкорпорации коренного населения Азиатской России наглядно отразилась в дискурсивном паттерне религиозного просветительства средствами школьного инородческого образования. Обратим внимание, что данная проблема интенсивно обсуждалась в публикациях журнала на разных «площадках» – как в материалах отчётного характера, так и в отдельных публикациях корреспондентов-миссионеров, вовлечённых в образовательную деятельность среди инород-

цев. В конце XIX – начале XX в. ориентиром в религиозно-просветительской деятельности священников-миссионеров являлась система российского востоковеда и педагога Н. И. Ильминского, внедрённая в образовательную практику в Поволжье и получившая признание в периферийных регионах России в начале XX в. Тезис Ильминского о русском культуртрегерстве с опорой на инородческие языки вызывал в церковной среде 1870–1880-х гг. неоднозначную реакцию. Однако очевидно, что в конце XIX – начале XX в. дискуссии о языковых приоритетах стали стихать. Корреспондент «Православного благовестника» священник И. Износков в одной из публикаций предельно точно сформулировал позицию миссионерского сообщества относительно главной задачи распространения идей Н. И. Ильминского: «...Вообще мы думаем, что при обучении инородцев следует более заботиться не о русском языке, а о воспитании их в духе нашей православной веры» [26, с. 48].

Начиная с 1895 г. журнал регулярно публиковал отзывы на книгу архимандрита Макария Глухарёва «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе», лейтмотивом которых являлся сюжет о необходимости подготовки квалифицированных работников миссий, в совершенстве владеющих инородческими языками, знание которых рассматривалось как необходимое условие христианского «обращения» коренных народов и их культурной ассимиляции [27, с. 132, 180–189]. В широко развернувшейся журнальной полемике паттерн трансляции русской культуры и православной веры с опорой на родное наречие в преподавании учебных курсов, дополнялся призывом к привлечению в образовательные практики коренного населения выходцев из инородческой среды. В частности, указывалось, что «...непосредственными деятелями среди инородцев должны быть единоплеменные им лица, а потому Миссионерское Общество поступит рациональнее, если главное свое внимание обратит на образование миссионеров именно из туземцев страны, где им нужно действовать» [27, с. 231]. Объясняя логику привлечения выходцев из коренного населения к учительской работе, корреспонденты-миссионеры проводили чёткую разделительную черту между своими – русскими миссионерами и чужими – инородцами, констатируя,

что «русский миссионер всегда будет казаться инородцам человеком чужим; не может рассчитывать на полную откровенность и доверие..., поэтому он не может обойтись без пособия природных крещеных инородцев» [27, с. 283–284]. Таким образом, в представлениях миссионеров, репрезентируемых на страницах журнала «Православный благовестник», паттерн религиозного просветительства конструировался из двух составляющих элементов: школьного инородческого образования с опорой на инородческие языки и посредническую функцию образованных выходцев из коренной среды.

В-третьих, в репрезентации темы культурной интеграции инородцев Азиатской России корреспонденты «Православного благовестника» регулярно апеллировали к экстремальности миссионерской работы, сооружая образ «одинокого подвижника», действующего в условиях ограниченной государственной и церковной поддержки среди многочисленных оседлых и кочевых племён. Идентичность миссионеров маркировалась в публикациях журналистов в таких категориях, как «ревностные к делу», «несущие тяжкое иго», «видящие безотрадность своего служения» [28, с. 27–33]. Нарратив «отверженности» и «тщеты» миссионерского служения адресовался прежде всего сообществу миссионеров, включённому в коммуникацию с инородцами, и был призван убедить братию в долгосрочности проектов культурной интеграции народов азиатской периферии. Отдельные статьи или фрагменты публикаций демонстрировали, с одной стороны, понимание в миссионерской среде масштабов сложности и непредсказуемости результатов культуртрегерства в отношении инородческой массы, с другой – постоянной готовности к разработке новых сценариев взаимодействия с индигенным населением и принятию быстрых «опциональных» решений.

Показательной в этом плане является заметка настоятеля Обдорской духовной миссии иеромонаха Иринарха, в которой он обратил внимание на факт активного переселения в Обдорский край зырян Архангельской губернии. По мнению корреспондента-миссионера, «...зыряне-ижемцы, посвящённые святой православной верой,.. могут быть полезны для дела миссии, и для привития инородцам начал русской культуры в крае...» [29, с. 22–23]. Предлагаемый Иринархом вариант культурно-колониального посредничества свидетельствовал как

об ограниченности собственных возможностей миссионеров к реализации культуртрегерских актов в отношении коренных групп населения – остяков и самоедов, так и об обнаружении дополнительных инструментов влияния на инородческую массу.

Продуктивным, с учётом реалий, вариантом актуализации русского культурного влияния на инородцев журналисты «Православного благовестника» признавали опыт деятельности братства святителя Гурия, публикуя отчёты о работе этой миссионерской организации [30, с. 14–26]. Знакомство с материалами отчётов позволяет констатировать, что в исследуемый период миссионерство находилось в поиске неординарных подходов к делу культурной коммуникации с коренным населением окраин, отказываясь от практик насильственной христианизации и русификации. Характерным становилось стремление разобраться в ментальном складе характера инородцев, их психологических реакциях и стереотипах поведения. Так, корреспондент Н. Комаров, отмечал, что «...простолоюдины вообще, а особенно инородцы, не доверяют коллективным учреждениям, а только лицу, которое успело на деле заявить пред ними свое прямодушное расположение к ним. Такими лицами, которые успели привлечь к себе доверие народа, только и может быть ведено дело народного образования» [30, с. 25]. Подобный вывод стимулировал большой объём публикаций касательно влияния российской интеллигенции на культурные процессы в инородческой среде, которое реализовывалось посредством опеки и поддержки выдающихся представителей коренного населения. Так, например, в серии статей «Православного благовестника» читателю были предложены многочисленные сюжеты, связанные с научной, просветительской и образовательной деятельностью В. В. Григорьева, Н. И. Ильминского и др., сыгравших знаковую роль в становлении личностей влиятельных в инородческой среде как Ч. Ч. и Г. Б. Валихановы, И. А. Алтынсарин и т. д.

Обсуждение и выводы

Подводя общий итог, отметим, что дискурс культурной интеграции коренного населения азиатских окраин Российской империи в конце XIX – начале XX в., репрезентируемый в публикациях журнала «Православный благовестник» конструировался в тесном «сцеплении» с общественно-политическими

представлениями о решении инородческого вопроса в России в контексте политики населения указанного периода. Русская православная церковь в лице её наиболее активного актора на востоке империи – сообщества миссионеров, формулировала свои представления о коренных народах в соответствии с просветительскими конвенциями прогресса и отсталости, а также широко распространившимся эволюционистским пониманием развития человеческих обществ. Паттерн русского культурного превосходства и делегитимизации нехристианских народов, характерный для отечественной дискурсивной риторики середины XIX столетия, на рубеже веков дополнился идеей о культуртрегерстве РПЦ, направленном на «взросление» инородцев средствами религиозного просвещения и образования. Очевидно, что в условиях активной коммуникации с коренными народами в миссионерской среде постепенно утверждалось понимание об ограниченных возможностях института Церкви и её отдельных представителей в реализации практик христианизации и просвещения, что находило выражение в поиске дополнительных ресурсов взаимодействия с инородцами, отработке различных сценариев колониального посредничества, а также продвижении таковых в обществе Азиатской России силами периодической печати.

Список литературы

1. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / под ред. И. В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. Казань: ГУП ПИК Идел-Пресс, 2004. С. 67–81.
2. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
3. Эткинд А.¹ Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
4. Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
5. Верт П. Православие, инославление, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
6. Ремнев А. В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / под ред. И. В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. Казань: ГУП ПИК Идел-Пресс, 2004. С. 223–243.
7. Малахов В. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 288 с.

¹ Признан иностранным агентом.

8. Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднейимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

9. Григорьев В. В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесенная исправляющим должностю профессором В. Григорьевым. Одесса: б. и., 1840. 18 с.

10. Чуркин М. К. Репрезентации «собственного Востока России» в епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31. № 3. С. 52–59. DOI 10.15372/HSS20240307. EDN: GXLVWZ.

11. Лысенко Ю. А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2011. 155 с. EDN: QVZOIF.

12. Балин М. А. Религиозная политика на восточных окраинах Российской империи: общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 41. С. 31–40. DOI 10.26516/2222–9124.2022.41.31. EDN: UOUUUL

13. Манчестер Л., Сдвижков Д. Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиография и православие в России конца XVII – начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 408 с.

14. Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

15. Сибирские инородцы. Самоеды и остяки // Православный благовестник. 1893. № 14. С. 8–18.

16. Известия и заметки. Церковно-приходские школы среди якутов // Православный благовестник. 1893. № 13. С. 47–49.

17. Елеонский Н. Наши миссионеры на севере Сибири // Православный благовестник. 1893. № 14. С. 3–8.

18. Об образовании инородцев // Православный благовестник. 1894. № 1. С. 5–12.

19. Православное миссионерское общество // Православный благовестник. 1895. № 1. С. 7–21.

20. Об издании миссионерского журнала «Православный благовестник» в 1903 г. // Православный благовестник. 1903. № 1. С. 1–3.

21. Харлампович К. В. О христианском просвещении инородцев: переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н. И. Ильминским // Православный собеседник. 1905. № 7/8. Прил. С. 11–16.

22. Вениамин (архиепископ Иркутский и Нерчинский). Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб.: Тип. А. Н. Котомина, 1885. 75 с.

23. Мелетий (епископ Якутский и Вилюйский) О необходимости для миссионеров изучения языческих религий // Православный благовестник. 1894. № 2. С. 45–51.

24. Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников (миссионеров) // Православный благовестник. 1895. № 1. С. 31–38.

25. Зеленецкий В. Очерки миссионерской деятельности некоторых казанских архипастырей // Православный благовестник. 1901. № 1. С. 20–28.

26. Износков И. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края // Православный благовестник. 1901. № 18. С. 47–52.

27. Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников (миссионеров) // Православный благовестник. 1895. № 3–6. С. 129–136, 180–189, 227–236, 283–294.

28. Прошлое сибирских миссий // Православный благовестник. 1893. № 17. С. 27–33.

29. Иеромонах Иринарх (настоятель Обдорской миссии) Из Обдорской миссии // Православный благовестник. 1903. № 1. С. 22–25.

30. Комаров Н. Казанское братство святителя Гурия // Православный благовестник. 1893. № 19. С. 14–26.

The Discourse of Cultural Integration of the Indigenous Peoples of Asian Russia in the Publications of the Pravoslavny Blagovestnik Journal (late 19th – early 20th centuries)

Mikhail K. Churkin

This article, based on materials from the Pravoslavny Blagovestnik journal, reveals the content of the discourse on the cultural integration of the indigenous peoples of Asian Russia in the late 19th – early 20th centuries. The use of research approaches and practices of “new imperial history” as well as discourse analysis methods made it possible to identify key patterns in the views of the publication's correspondents – missionaries – on models of communication with the non-Russian population of the periphery, as well as scenarios for their cultural integration into Russian society. It has been established that the Russian Orthodox Church, represented by missionaries, while generally sharing the educational principles characteristic of Russian educated society, was an active participant in the colonization process, responding quickly to the real situation. Realising the low productivity of radical Russification, missionary work gradually shifted towards “soft” methods of cultural transmission in relation to indigenous population groups: practices of religious enlightenment and education using native languages, and the organization of “platforms” for colonial mediation in foreign environments. The Pravoslavny Blagovestnik journal, as the missionary community organ, not only reflected the reception of the foreign question in the church environment, but also corrected public opinion by offering constructive options for cultural interaction with the foreign masses.

Key words: Pravoslavny Blagovestnik, Asian Russia, Russian Orthodox Church, missionary work, cultural integration, discourse.

For citation: Churkin, M. K. (2025) Diskurs kul'turnoj integracii korennyh narodov Aziatskoj Rossii v publikacijah zhurnala «Pravoslavnyj blagovestnik» (konec XIX – nachalo XX v.) [The Discourse of Cultural Integration of the Indigenous Peoples of Asian Russia in the Publications of the Pravoslavny Blagovestnik Journal (late 19th – early 20th centuries)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 177–192. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_177. EDN: QYYLXU

References

1. Bekker, S. (2004) Rossiya i koncept imperii [Russia and the Concept of Empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statej (Biblioteka zhurnala «Ab imperio»)* [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles (Library of the Journal Ab imperio)]. Kazan: GUP PIK Idel-Press. Pp. 67–81. (In Russ.)
2. Hodarkovskij, M. (2019) *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [Russia's Steppe Frontiers: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
3. Etkind, A.¹ (2019) *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii* [Internal Colonisation. Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
4. Kruz, R. (2020) *Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Central'noj Azii* [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
5. Vert, P. (2012) *Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznobraziya Rossijskoj imperii* [Orthodoxy, Heterodoxy, and Foreign Faiths. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
6. Remnev, A. V. (2004) *Vdvinut' Rossiju v Sibir'. Imperiya i russkaya kolonizaciya vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Pushing Russia into Siberia. The Empire and Russian Colonisation in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statej (Biblioteka zhurnala «Ab imperio»)* [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles (Library of the Ab imperio Journal)]. Kazan: GUP PIK Idel-Press. Pp. 223–243. (In Russ.)

¹ Recognised as a foreign agent.

7. Malahov, V. (2023) *Politika razlichij. Kul'turnyj plyuralizm i identichnost'* [The Politics of Difference. Cultural Pluralism and Identity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

8. Tol'ts, V. (2013) «*Sobstvennyj vostok Rossii*»: *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperijskij period*. [Russia's Own East: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial Period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

9. Grigor'ev, V. V. (1840) *Ob otnošenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesyonnaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym* [On Russia's Attitude to the East: Speech Delivered by Acting Professor V. Grigoriev]. Odessa: b.i. (In Russ.)

10. Churkin, M. K. (2023) *Reprezentacii «sobstvennogo Vostoka Rossii» v eparhial'noj periodicheskoj pečati Zapadnoj Sibiri i Stepnogo kraja (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Representations of “Russia's own East” in the diocesan periodical press of Western Siberia and the Steppe Region (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. Vol. 31. No. 3. Pp. 52–59. DOI 10.15372/HSS20240307. EDN: GXLVWZ. (In Russ.)

11. Lysenko, Yu. A. (2011) *Očerki istorii Russkoj pravoslavnoj tserkvi v Kazahstane (XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the History of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (18th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka. EDN: QVZOIF. (In Russ.)

12. Balin, M. A. (2022) *Religioznaya politika na vostochnyh okrainah Rossijskoj imperii: obshchestvenno-politicheskiy diskurs vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Religious policy on the eastern fringes of the Russian Empire: socio-political discourse in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [News of Irkutsk State University. Series: History]. Vol. 41. Pp. 31–40. DOI 10.26516/2222-9124.2022.41.31. EDN: UOUUUL (In Russ.)

13. Manchester, L., Sdvizhkov, D. (2019) *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii konca XVII – nachala XX veka* [Faith and personality in a changing society. Autobiography and Orthodoxy in Russia in the late 17th – early 20th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

14. Fillips, N., Jorgensen, M. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis: Theory and Method]. Har'kov: Izd-vo «Gumanitarnyj centr». (In Russ.)

15. (1893) *Sibirskie inorodcy. Samoedy i ostyaki* [Siberian Foreigners. Samoyeds and Ostyaks]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 14. Pp. 8–18. (In Russ.)

16. (1893) *Izvestiya i zametki. Tserkovno-prihodskie shkoly sredi yakutov* [News and Notes. Church Parish Schools among the Yakuts]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 13. Pp. 47–49. (In Russ.)

17. Eleonskij, N. (1893) *Nashi missionery na severe Sibiri* [Our missionaries in Northern Siberia]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 14. Pp. 3–8. (In Russ.)

18. (1894) *Ob obrazovanii inorodcev* [On the education of indigenous peoples]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 5–12. (In Russ.)

19. (1895) *Pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo* [Orthodox Missionary Society]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 7–21. (In Russ.)

20. (1903) *Ob izdanii missionerskogo zhurnala «Pravoslavnyj blagovestnik» v 1903 g.* [On the publication of the missionary journal Orthodox Herald in 1903]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 1–3. (In Russ.)

21. Harlampovich, K. V. (1905) *O hristianskom prosveshchenii inorodcev: perepiska arhiepiskopa Veniamina Irkutskogo s N. I. Il'minskim* [On Christian education of foreigners: correspondence between Archbishop Veniamin of Irkutsk and N. I. Il'minsky]. *Pravoslavnyj sobesednik* [Orthodox Herald]. No. 7/8. Pril. Pp. 11–16. (In Russ.)

22. Veniamin, (arhiepisop Irkutskij i Nerchinskij) (1885) *Zhiznennye voprosy pravoslavnoj missii v Sibiri* [Vital Issues of the Orthodox Mission in Siberia]. St. Petersburg: Tip. A. N. Kotomina, 1885. (In Russ.)

23. Meletij, (episkop Yakutskij i Vilyujskij) (1894) *O neobходимosti dlya missionerov izucheniya yazycheskih religij* [On the necessity for missionaries to study pagan religions]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 2. Pp. 45–51. (In Russ.)

24. Yastrebov, I. (1895) *Vopros ob ustrojstve i organizacii obrazovatel'nyh zavedenij dlya prigotovleniya pravoslavnyh blagovestnikov (missionerov)* [The Question of the Structure and Or-

ganisation of Educational Institutions for the Training of Orthodox Evangelists (Missionaries)]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 31–38. (In Russ.)

25. Zelenekij, V. (1901) Oчерки missionerskoj deyatelnosti nekotoryh kazanskih arhipastyrej [Essays on the missionary activities of some Kazan archpastors]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 20–28. (In Russ.)

26. Iznoskov, I. (1901) Materialy dlya istorii hristianskogo prosveshcheniya inorodcev Kazanskogo kraja [Materials for the history of Christian education of foreigners in the Kazan region]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 18. Pp. 47–52. (In Russ.)

27. Yastrebov, I. (1895) Vopros ob ustrojstve i organizacii obrazovatel'nyh zavedenij dlya prigotovleniya pravoslavnyh blagovestnikov (missionerov) [The question of the structure and organisation of educational institutions for the training of Orthodox evangelists (missionaries)]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 3–6. Pp. 129–136; 180–189; 227–236; 283–294. (In Russ.)

28. (1893) Proshloe sibirskih missij [The past of Siberian missions]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. 1893. No. 17. Pp. 27–33. (In Russ.)

29. Ieromonah Irinarh, (nastoyatel' Obdorskoj missii) (1903) Iz Obdorskoj missii [From the Obdorsk Mission]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 22–25. (In Russ.)

30. Komarov, N. (1893) *Kazanskoe bratstvo svyatitelya Guriya* [The Kazan Brotherhood of St. Gurias]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 19. Pp. 14–26. (In Russ.)

Об авторе

Чуркин Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: proffchurkin@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-1122-0928

About the author

Churkin Mikhail K., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation; e-mail: proffchurkin@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-1122-0928

Статья поступила в редакцию 14.06.2025

Одобрена после рецензирования 25.06.2025

Принята к публикации 09.07.2025

Роль военно-подготовительных учебных заведений в развитии национальных воинских формирований Красной армии на территории Средней Азии и Казахстана в 1920-х гг.

Р. А. Соловьев

В 1920-х гг. одной из самых сложных задач было укомплектование военно-учебных заведений представителями коренных национальностей, особенно в Средней Азии где до 90 % призывников были неграмотными. В связи со слабой общеобразовательной подготовкой поступающих в военно-учебные заведения в ряде республик СССР были образованы специальные школы, в которых подростки получали общеобразовательную подготовку, необходимую для поступления в национальные военно-учебные заведения. В Средней Азии и Казахстане для решения этой задачи действовали Бухарская военно-трудовая школа (с 1926 г. – Узбекская военно-подготовительная школа), а также подготовительные отделения при Объединенной казахской военной школе им. ЦИК Казахской республики и Объединенной военной школе среднеазиатских национальностей. Данные учебные заведения просуществовали до 1929–1931 гг. В статье описаны особенности организации учебного процесса в военных школах, освещены трудности, возникавшие при их функционировании. Особую роль в создании военно-подготовительных школ сыграл И. Э. Якир, занимавший в 1924–1925 гг. должность начальника Управления военно-учебных заведений РККА. Делается вывод о том, что военно-подготовительные школы были малоэффективны и не смогли сыграть значительной роли в комплектовании военных школ и формировании национальных воинских частей.

Ключевые слова: Красная армия, военное образование, военно-подготовительные школы, национальные воинские формирования, БНСР, И. Э. Якир.

Для цитирования: Соловьев Р. А. Роль военно-подготовительных учебных заведений в развитии национальных воинских формирований Красной армии на территории Средней Азии и Казахстана в 1920-х гг. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 193–209. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_193. EDN: WKGBZE

Введение

История национальных военных формирований Красной армии 1920–1930-х гг. в Средней Азии и Казахстане¹ освещалась во многих научных публикациях [1–7], однако тема функционирования военно-подготовительных учебных заведений² в интересах данных частей оказалась вне поля зрения исследователей. Весьма фрагментарные сведения приводятся и в работах по истории отечественного военного образования в указанный период [8–11].

К настоящему времени относительно подробное описание истории создания и функционирования военно-подготовительных школ Красной армии в 1920–1930-х гг., в том числе и для национальных частей в Средней Азии и Казахстане, было представлено в 1967 г. на страницах Военно-педагогического сборника [12]. В редакционной статье, хоть и довольно кратко, было рассказано о деятельности Бухарской военно-трудовой школы и о подготовительных отделениях, существовавших при Объединенной казахской военной школе им. ЦИК Казахской республики и Объединенной военной школе среднеазиатских национальностей. Однако в данной работе ошибочно указано, что Бухарская школа была создана в 1921 г. в г. Фергане [12, с. 54]. На самом деле решение о создании Бухарской военно-трудовой школы было принято в конце 1923 г., а ее формирование началось в январе 1924 г. в г. Старая Бухара [13, л. 30]. Эти неточности были позднее продублированы и у других авторов [14, с. 68; 15, с. 11; 16, с. 490; 17, с. 36].

К сожалению, попытки некоторых исследователей рассмотреть данную тему более подробно оказались неудачными. Например, статья В. М. Курмышова «Военно-подготовительные школы Красной армии 1920–1931 гг.» частично состоит из недостоверных сведений, подкрепленных ссылками на несуществующие архивные фонды, а другая часть работы не имеет отношения к заявленной теме [18].

Таким образом, комплексного научного исследования, в рамках которого был бы осуществлен анализ всех аспектов соз-

¹ В работе используется современное название территории. До установления в регионе советской власти и проведения в 1920–1930-х гг. национального размежевания было принято именовать их Туркестан и Степной край (Киргизские степи).

² Под военно-подготовительными учебными заведениями понимаются «Средние специализированные школы и училища с военно-профессиональной направленностью обучения и воспитания, предназначенные для подготовки подростков к поступлению и военно-учебные заведения». Цит. по: Военная энциклопедия: в 8 томах / Председатель Главной редакционной комиссии Грачев П. С. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 179.

дания и функционирования военно-подготовительных школ на территории Средней Азии и Казахстана в 1920–1930-х гг., в настоящее время пока еще не существует. В то же время актуальность изучения истории специальных военных школ для обучения национальных кадров заключается не только в недостаточной изученности этой темы, но и имеет определенное практическое значение, так как позволяет исследовать различные подходы в привлечении нерусских народов к военной службе. Актуальность исследования обусловлена и востребованностью исторического опыта организации и комплектования, сроков обучения, принципов соединения общеобразовательных и специальных программ, учета особенностей организации воспитательной работы в военно-подготовительных учебных заведениях, ориентированных на подготовку национальных кадров.

В данной работе главным образом использовались неопубликованные делопроизводственные материалы из фондов Российского государственного военного архива, которые впервые вводятся в научный оборот.

Объектом исследования являются военно-подготовительные учебные заведения, функционировавшие в Средней Азии и Казахстане в 1920–1930-е гг.

Предметом исследования стал процесс создания, становления и организации деятельности данных учреждений.

Методологическая основа исследования – принципы историзма, объективности и системности в освещении материала, сравнительный, диахронный и идеографический методы.

Целью статьи является рассмотрение истории создания, становления и развития военно-подготовительных школ как важного элемента в системе подготовки национальных военных кадров на территории Средней Азии и Казахстана в 1920–1930-х гг.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи:

- 1) показать основные этапы развития и структуру военно-подготовительных школ и отделений готовивших будущих курсантов национальных военно-учебных заведений в Средней Азии и Казахстане; 2) отразить особенности учебной и воспитательной деятельности военных школ для подростков; 3) проанализировать причины закрытия школ.

Результаты

Для большей части жителей национальных окраин Российской империи отсутствовала обязательная воинская повинность. Военные власти Российской империи с осторожностью включали в армейские ряды население присоединенных и завоеванных территорий, но были склонны включать местную аристократию в состав офицерского корпуса, в том числе и через предоставление возможности обучения в кадетских корпусах и военных училищах. Но данные примеры единичны. Например, выпускником Полтавского кадетского корпуса был внук Кият-хана, вождя племенной группы иранских иомудов и союзника России в годы Русско-иранской войны (1826–1828 гг.). В 1893–1896 гг. в Пажеском корпусе обучался бухарский эмир Сейид Алим-хан. [19, с. 55]. В 1853 г. Сибирский кадетский корпус закончил сын старшего султана Аманкарагайского округа Чокан Валиханов – видный казахский ученый-этнограф, географ, путешественник.

До 1857 г. в составе Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса действовало азиатское отделение (дивизион), предназначенное в том числе и для обучения «инородцев». Здесь среди прочих предметов воспитанники изучали татарский, персидский и арабский языки, но были исключены занятия по военному делу. Однако количество кадет из числа местного населения было минимальным. Главным препятствием служили сословные ограничения и незнание русского языка. [20, с. 92–95].

Функционировавший в Ташкенте с 1904 г. кадетский корпус также не был ориентирован на подготовку подростков из местного населения.

По статистическим данным, на 1 января 1913 г. в кадетских корпусах «киргиз, хивинцев и др. туземцев» было около 0,04 %, т. е. не более 5 человек [21, с. 286].

Ситуация стала меняться после прихода в 1917 г. к власти большевиков. Процесс установления советской власти в Туркестане и Степном крае был довольно долгим и кровопролитным.

В составе Красной армии из представителей коренного населения Закавказья, Северного Кавказа, Поволжья, Средней Азии и Казахстана началось создание национальных воинских формирований. Изначально это происходило на добровольной основе, а затем – принудительным набором.

В Средней Азии, кроме Туркестанского фронта РККА, в 1920–1921 гг. были сформированы армии формально независимых Хорезмской Народной Советской Республики и Бухарской Народной Советской Республики, образованных на территории бывших Хивинского ханства и Бухарского эмирата.

Командование Туркестанского фронта передало в распоряжение новых правительств ряд воинских частей, состоящих из красноармейцев местных национальностей (узбеков, таджиков и туркмен). Например, Бухарская Красная армия к середине 1921 г. включала одну стрелковую и одну кавалерийскую бригады. Позднее в составе Бухарской Красной армии были созданы учебная артиллерийская батарея, рота связи и ряд других вспомогательных частей [22, с. 30].

Большие затруднения на пути развертывания национальных военных частей из представителей среднеазиатских народностей вызывали специфические особенности призывных контингентов: низкий уровень образования, культурно-языковые различия.

Основным методом комплектования военных школ и курсов для национальных кадров была разверстка через партийные, комсомольские, профсоюзные организации и военкоматы, т. е. осуществлялся принудительный набор. Это приводило к тому, что в военно-учебные заведения направлялись неподготовленные юноши или нежелающие учиться и был велик отсев обучающихся. Распространенным явлением было дезертирство курсантов.

В конце 1923 г. руководством Бухарской Народной Советской Республики была создана специальная комиссия для рассмотрения вопроса о создании специального учебного заведения, где можно было готовить подростков для дальнейшего их обучения в военных школах или на командных курсах.

Итоги работы комиссии были подведены на заседании межведомственной комиссии под председательством командующего Бухарской Красной армии И. Б. Разгона 1 декабря 1923 г. После недолгих обсуждений было принято решение об организации Бухарской подготовительной военно-трудовой школы [23, л. 5]. Штатное число обучающихся в школе было определено в 100 человек. Преимущественным правом на прием в школу должны были пользоваться «дети-сироты местного трудового дехканства, городского пролетариата и вообще трудящегося населения» [24, л. 43]. Срок обучения был установлен 6 лет «с тем, чтобы

по окончании курса, юноши 16-ти лет, достигшие достаточного умственного и физического развития, могли бы продолжать курс на Бухарских командных курсах (в нормальной военной школе)» [23, л. 5]. По своему устройству школа представляла собой учебное заведение закрытого типа с интернатом для своих подопечных. За воспитание, обучение и иждивение в школе никакой платы не полагалось. Расходы на содержание школы были равномерно распределены между Народным назиратом по военным делам и Народным назиратом просвещения [23, л. 5].

С целью отбора кандидатов для поступления в школу было предписано создать на местах специальные комиссии, состоящие из представителя Окровоенназирата, представителя Нарназирата просвещения и врача. Также на совещании было указано на необходимость «в целях популяризации идеи Бухарской военно-трудовой школы и ознакомления широких слоев населения с ее целями и задачами провести агитационную кампанию» [23, л. 5 об.].

Отбор кандидатов начался с 9 февраля 1924 г., однако нужного числа желающих поступить в школу не нашлось, и большая часть воспитанников была принята из интернатов и детских домов республики [13, л. 29, 30]. При этом руководство школы столкнулось с неожиданной проблемой. Многие поступающие не знали своего возраста, и он определялся по заключению врача. В результате классы получились достаточно разновозрастные. К тому же, не имея возможности полноценного отбора кандидатов, были существенно снижены требования к ним, и в числе воспитанников оказалось немало ребят, которые по состоянию здоровья и уровню знаний не соответствовали даже тем минимальным требованиям, которые к ним предъявлялись [25, л. 6].

Большие трудности возникли и с укомплектованием школы постоянным составом, в особенности преподавателями, знающими узбекский язык [24, л. 42].

С мая 1924 г. школу возглавил Н. В. Гижицкий [24, л. 50]. Ему удалось наладить обмен опытом с аналогичной военной школой, созданной в 1921 г. в г. Баку [27, л. 3, 11].

Скомплектованные классы в порядке внутреннего управления составляли роту, которой командовал непосредственно начальник школы. Помощник начальника школы одновременно являлся начальником ученой части. Штатом школы

были предусмотрены также канцелярия, учебная часть, клуб, хозяйственная часть и околоток (медицинский пункт).

Распорядком дня были предусмотрены три урока продолжительностью 45 минут, время для занятий в кружках (с 18.30 до 21.00), а также строевое обучение (в старших классах) и гимнастика. Комплекс гимнастических упражнений был разработан с учетом возраста воспитанников на основе «шведской системы» [23, л. 39].

Занятия в школе проводились ежедневно, кроме пятницы. В этот святой для мусульман день для воспитанников кроме отсутствия занятий в меню столовой было предусмотрено дополнительное сладкое блюдо [28, л. 222]. Хотя религиозное воспитание в школе отсутствовало, такие послабления, вероятнее всего, были данью многолетним традициям региона. Кроме того, в рамках политики «коренизации» признавались мусульманские нормы поведения.

Для воспитанников была установлена особая форма одежды:

1. Головной убор – белая панама («шлем типа бойскаутского») с красной матерчатой пятиконечной звездой и обхватывающими ее слева и несколько снизу красным матерчатым полумесяцем. Головной убор был одинаковым и для летней и для зимней формы. Здесь важно отметить тот факт, что для остальных военнослужащих Бухарской Красной армии в качестве головного убора была предусмотрена круглая барашковая шапка высотой около 10 см с суконным верхом, называемая «бухаркой».

2. Рубаха из черного легкого сукна с красной окантовкой по наружному краю отложного воротника. На воротнике петлицы красного цвета с шифровкой заглавными буквами на узбекском языке «Б. В-Т. Ш». В боках рубахи прорезывающие косые карманы. На левом рукаве установленный в РККА нарукавный клапан [23, л. 13]. Покрой рубахи был установленного в БКА образца, который отличался от принятого в РККА отсутствием нагрудных карманов [29, л. 347]. Летняя рубаха была того же покроя, что и зимняя, но из серой ткани.

3. Шаровары удлиненные, черного легкого сукна, без канта. В боках шаровар поясной ремень из желтой кожи с пряжкой кавалерийского образца.

4. Шинель – обычного красноармейского образца с петлицами и окантовкой, установленными для суконной рубахи.

5. Ботинки армейского образца. Опять же здесь было отличие от норм снабжения красноармейцев, которым для зимней формы полагались сапоги [23, л. 13].

Черный цвет формы воспитанников школы имеет явную отсылку к форме кадетских корпусов дореволюционной России.

В обеспечении воспитанников предписанными образцами формы одежды возникали постоянные проблемы. Например, в первое время менее 25 % воспитанников были обеспечены обувью армейского образца, а остальные носили обувь, привезенную с собой из интернатов. Существовали трудности и с выдачей шинелей [24, л. 43].

В сентябре 1924 г. Всебухарский Курултай Советов принял решение о преобразовании БНСР в Бухарскую Социалистическую Советскую Республику, которая в рамках национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии 27 октября 1924 г. была ликвидирована. Вслед за этим перестала существовать и Бухарская Красная армия.

В феврале 1925 г. прошел первый учредительный съезд Советов Узбекистана, который принял Декларацию об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики.

Руководство военно-трудовой школы направило в адрес съезда приветственное письмо, в котором были описаны главные цели школы: 1. Учебная – за 8 лет обучения дать воспитанникам школы полное среднее образование в объеме школ 1-й и 2-й ступени европейского типа; политическое в объеме областной партийной школы, военное в объеме допризывной подготовки, обучить воспитанника ряду трудовых ремесел и путем научной постановки физического воспитания оздоровить детей. 2. Внешкольная – развить в воспитанниках школы инициативу, самостоятельность, активность. Участием в кружках расширить знания, приобретаемые в классах, познакомиться с различными отраслями искусства. 3. Воспитательная – развить в воспитанниках классовое самосознание, стремление к социализму, чувство своего культурного развития для трудящихся масс, коллективность, спайку, выдержанность, честность, простоту характера, энергичность, энтузиазм в работе, аккуратность и другие необходимые сознательному гражданину СССР качества [26, л. 4].

Новые органы военного управления, созданные в республике, самоустранились от руководства школой и прекратили ее

финансирование. Руководство Народного назирата просвещения также не стремилось брать школу под свое управление. Благодаря усилиям Н. В. Гижицкого удалось сохранить школу и добиться возобновления ее финансирования за счет бюджета Узбекской ССР. Она получила новое название – Военно-трудовая школа Узбекской Красной армии. Срок обучения был установлен в восемь лет, а штат воспитанников был увеличен до 120 чел., но подчиненность школы какому-либо ведомству так и не была определена [26, л. 3].

В апреле 1925 г. Н. В. Гижицкий принял участие в работе Всесоюзного съезда военных школ и курсов усовершенствования на котором обсуждались насущные проблемы системы военного образования. В частности, было принято решение о необходимости создания сети военно-подготовительных учебных заведений в виде самостоятельных школ или подготовительных классов с двухгодичным сроком обучения при нормальных школах [27, с. 163]. Потребность этого решения обосновывалась тем, что «современные требования как в области военной, так и в политической чрезвычайно сложны и разнообразны, а между тем контингент лиц, поступающих в вузы, ныне весьма слаб. В особенности остро стоит вопрос с комплектованием нормальных школ национальных и автономных республик» [27, с. 163].

После окончания работы съезда Н. В. Гижицкий встретился с начальником Управления военно-учебных заведений РККА И. Э. Якиром по вопросу подчинения военно-трудовой школы данному управлению и получил его принципиальное согласие [28, л. 173].

И. Э. Якир с первых дней пребывания на своей должности ратовал за увеличение числа военно-подготовительных школ. Благодаря его усилиям в 1924 г. Управлению военно-учебных заведений РККА была подчинена Закавказская военно-подготовительная школа. В том же году была создана Украинская военно-подготовительная школа. И. Э. Якир максимально способствовал тому, чтобы Военно-трудовая школа Узбекской Красной армии была сохранена и передана под его управление. С его подачи на Всесоюзном съезде военных школ и курсов усовершенствования были рассмотрены и приняты проекты «Положения о военно-подготовительных школах РККА» и «Положения о подготовительных классах» [27, с. 167–177].

Состояние Военно-трудовой школы Узбекской Красной армии в тоже время сильно усложнилось. С выходом в мае 1925 г. в летний лагерь по требованию местных властей занимаемые школой помещения были освобождены, а новые не предоставлены. В итоге к началу нового учебного года личный состав школы продолжал находиться в летнем лагере, где нормально организовать учебный процесс и проживание воспитанников было невозможно. Руководство школы неоднократно обращалось в различные инстанции с просьбой предоставить новые помещения, но решение вопроса затягивалось. Не был решен вопрос и о подчиненности школы [25, л. 8].

Только в ноябре 1925 г. военно-трудовая школа была передислоцирована в г. Фергану, где для нее было выделено здание. К этому времени в школе находилось только 82 воспитанника [38, л. 468].

В начале ноября 1925 г. И. Э. Якир направил в Революционный Военный Совет письмо, в котором сообщил о готовности к принятию под свое управление Военно-трудовой школы Узбекской Красной армии [30, л. 40].

В 1926 г. после подчинения школы УВУЗ она получила новое название – Узбекская военно-подготовительная школа. Срок обучения в школе был установлен 5 лет, тогда как в Закавказской военно-подготовительной школе он был 4 года, а в Украинской ВПШ – 3 года. Увеличенные сроки обучения были обусловлены «различным контингентом обучающихся по своему развитию» [31, л. 637 об]. По этой же причине для Узбекской военно-подготовительной школы потребовалась разработка отдельных учебных программ.

Во исполнение решений Всесоюзного съезда военных школ и курсов усовершенствования в октябре 1925 г. в Объединенной среднеазиатской военной школе (с 1927 г. им. В. И. Ленина) в Ташкенте и в Объединенной казахской военной школе им. ЦИК Казахской республики в г. Оренбурге открылись подготовительные отделения, предназначенные для подготовки подростков к дальнейшему обучению в данных школах. Из-за недостаточного числа кандидатов комплектование подготовительных отделений затянулось до февраля 1926 г. [32, л. 11].

Организационная структура отделений была разной. В школе им. В. И. Ленина подготовительное отделение комплектовалось узбеками, туркменами, таджиками и киргизами в возрасте

16–18 лет и состояло из шести классных отделений, объединявшихся в три класса. Классные отделения состояли из 15–20 воспитанников. Общая штатная численность подготовительного отделения была установлена в 125 чел. [33, л. 63].

В Объединенной военной школе им. ЦИК Казахской республики подготовительное отделение состояло из двух классов, один из которых готовил кавалеристов, а второй пехотинцев. В каждом классе было по четыре отделения. Отделение комплектовалось казахами. Общее число воспитанников было 179 чел. в возрасте от 15 до 19 лет [34, л. 7, 7 об.].

Основной формой проведения занятий в Узбекской военно-подготовительной школе и в подготовительных отделениях был метод живой (активной) беседы [34, л. 7 об.; 31, л. 636 об.]. Аналогичная методика проведения занятий практиковалась во всех школах восточных национальностей. В обычных военных школах и в русских отделениях национальных школ занятия проводились лабораторным методом [31, л. 636 об.].

Обучение проходило на родном для курсантов языке, но команды в строю отдавались по-русски.

Руководство школ вольно или невольно прививало воспитанникам основы русской культуры. В повседневной жизни это выражалось во введении в рацион питания воспитанников блюд европейской и русской кухни. Например, в подготовительном отделении военной школы им. В. И. Ленина это были щи из кислой капусты и гречневая каша. А «туземные лепешки» заменялись постепенно на «общеармейский хлеб» [32, л. 13]. Ранее в меню столовой Узбекской военно-трудовой школы также, помимо традиционных узбекских блюд, были макаронны, котлеты, борщ, винегрет и окрошка [28, л. 222].

При создании подготовительного отделения в Объединенной среднеазиатской военной школе были повторены ошибки, допущенные при комплектовании Бухарской военно-трудовой школы. Из-за отсутствия правильных данных о возрасте поступающих 20-летние и 16-летние принимались одинаково. Среди принятых в подготовительное отделение только шесть человек были младше 16 лет. Основная масса курсантов была в возрасте 16 и 17 лет (72 %) [32, л. 16]. Кроме этого, отсутствовала целевая установка о количественном приеме представителей той или иной национальности. В результате было принято всего восемь

туркмен и пять таджиков, из которых не смогли сформировать учебные отделения для обучения на родном языке, и большая часть из них была отчислена в первый год обучения. Значительной была и «текучка» представителей узбекской национальности. В течение первого года было отчислено более 30 % таких курсантов [32, л. 17].

Укомплектовать подготовительное отделение до полного штата так и не удалось. Одной из причин этого руководству школы виделось «отсутствие побуждений у местного населения к поступлению в военную школу и службу», кроме того, отмечались недостатки в работе местных комиссий по отбору кандидатов для поступления в подготовительное отделение [32, л. 17].

Весьма распространенным явлением в подготовительном отделении Объединенной среднеазиатской военной школы, как и в Узбекской военно-подготовительной школе, было дезертирство воспитанников [32, л. 17].

Более того, уровень подготовки выпускников Узбекской военно-подготовительной школы, по оценке специалистов Управления военно-учебных заведений, был достаточен только для дальнейшего обучения в пехотных или кавалерийских школах, а для обучения в специальных школах, например в артиллерийских, уже требовалась дополнительная подготовка [31, л. 637 об.].

В 1929 г. подготовительное отделение им. ЦИК Казахской республики было закрыто. В этом же году была закрыта Узбекская военно-подготовительная школа, а ее воспитанники были переведены для дальнейшего обучения в подготовительное отделение Объединенной среднеазиатской военной школы им. В. И. Ленина. Но и оно просуществовало еще лишь два года и в 1931 г. было ликвидировано.

На то, что военно-подготовительные школы во второй половине 1920-х гг. не получили развития, возможно повлияла и отставка в 1925 г. И. Э. Якира. Его преемник на посту начальника Управления военно-учебных заведений не считал необходимой подготовку подростков к поступлению в военные школы.

Обсуждение и выводы

Установление советской власти в Туркестане и Степном крае было тесно связано с решением национального вопроса.

В 1920-е гг. в регионе активно проводилась политика «коренизации», которая выражалась в подготовке и продвижении на руководящие должности представителей местных национальностей, внедрении местных языков в делопроизводство и образование. Особое место в данной кампании занимала подготовка кадров для национальных воинских формирований. Этот процесс шел довольно непросто. Местное население в абсолютном большинстве было неграмотным, а главное – не стремились поступать на военную службу. Созданные военные школы испытывали постоянные проблемы с укомплектованием переменным составом.

В начале 1924 г. по инициативе руководства Бухарской Народной Советской Республики началось формирование военно-трудовой школы для подростков со сроком обучения шесть лет. Однако укомплектовать школу по штату не удалось. Учитывая низкую общеобразовательную подготовку воспитанников, учебная нагрузка в школе была невелика: всего три урока в день.

После ликвидации Бухарской республики в конце 1924 г. школа была на грани ликвидации, потому что ни одно ведомство не желало брать ее под свое управление. Только благодаря усилиям начальника школы Н. В. Гижицкого учебное заведение удалось сохранить.

В 1925 г. проблема укомплектования военных школ в национальных окраинах обсуждалась на всесоюзном совещании. Результатом стало принятие школы в подчинение УВУЗ Узбекской военно-трудовой школы и открытие подготовительных отделений при военных школах в г. Ташкенте и г. Оренбурге.

Общими проблемами для военно-подготовительных учебных заведений, за все их недолгое существование, оставались низкая укомплектованность и большая «текучка» воспитанников. Местное население неохотно шло в военные школы, набор осуществлялся фактически в принудительном порядке. «По разнарядке» в школу нередко направлялись юноши, которые ни по своим знаниям, ни по состоянию здоровья не могли обучаться в военной школе, до 30 % не доходили до выпуска.

В 1929 г. военно-подготовительные школы начали ликвидировать, а вскоре и система национальных школ стала сворачиваться.

Таким образом, несмотря на то что за время своего существования из военно-подготовительной школы и подготовительных отделений было выпущено несколько десятков человек, гово-

речь о сколько-нибудь серьезной роли этих учебных заведений в формировании национальных воинских частей не приходится.

Список литературы

1. Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М.: Издательство военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 90 с.
2. Национальные части Красной гвардии и Красной армии в Средней Азии / под ред. Ф. Божко. Ташкент: Госиздат УзССР, 1933. 16 с.
3. Иванов В. Е. Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. высш. шк. МВД Рос. Федерации, 1996. 136 с.
4. Градосельский В. В. Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 2–6.
5. Подпратов Н. В. Национальные части и подразделения Красной армии в 20–30-е гг. XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. 182 с. EDN: QPCXFD
6. Безугольный А. Ю. Источник дополнительной мощи Красной армии... Национальный вопрос в военном строительстве в СССР 1922–1945. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 271 с. EDN: AFOTUT
7. Лысенко Ю. А. Формирование национальных подразделений Красной армии степного края и Туркестана в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Народы и религии Евразии. 2018. № 3. С. 59–75. EDN: XZAXAL
8. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в СССР (1917–1984 гг.). Новосибирск: НВВПУ, 1991. 261 с.
9. Лушников А. М. Советская военная школа в 1921–1941 г.: социально-политические аспекты развития. Ярославль: Яросл. гос. техн. ун-т, 1997. 88 с.
10. Жуковский В. П. Военное образование в России: преемственность, опыт, традиции. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 1999. 253 с.
11. Безуглов С. А. Подготовка командных кадров РККА в первые годы становления советской власти (1917–1924) // Технологос. 2022. № 2. С. 53–70. EDN: JVVTOV
12. К предыстории создания суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ // Военно-педагогических сборник. 1967. Вып. 42. С. 51–73.
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 34934. Оп. 1. Д. 74.
14. Евланов В. К истории создания и развития специальных военно-подготовительных школ и училищ (1921–1955 гг.) // Военно-исторический журнал. 1984. № 8. С. 68–70.
15. Сыченков Б. П. Юные боги войны: краткая история средних военно-учебных заведений Советского Союза. М.: Голос-Пресс, 2006. 380 с.
16. Грабарь В. К. Вскормленные с копыя. Очерки истории детского воинского воспитания. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 580 с.
17. Балакшин А. Б. Мальчики в шинелях (кадеты, «спецы», суворовцы, нахимовцы). Часть II. Пенза: б. и., 2011. 120 с.
18. Курмышов В. М. Военно-подготовительные школы Красной армии 1920–1931 гг. // Клио. 2006. № 4. С. 204–208. EDN: JVXCSL
19. Котюкова Т. В. «...К воинской повинности они питают непреодолимое отвращение». Освобождение народов Туркестана от военной службы в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 55–61. EDN: NCEWJT
20. Матвиевская Г. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 174 с. EDN: WKSMON
21. Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М.: «Самотека», 2008. 432 с.
22. Степанов А. Бухарская Красная Армия 1922–1924 // Цейхгауз. 1993. № 1 (2). С. 30–35.
23. РГВА. Ф. 34934. Оп. 1. Д. 14.
24. РГВА. Ф. 34934. Оп. 1. Д. 19.
25. РГВА. Ф. 34934. Оп. 1. Д. 80.

26. РГВА. Ф. 34934. Оп. 1. Д. 31.
27. I Всесоюзный съезд военных школ и курсов усовершенствования (Речи, доклады, резолюции и постановления). М.: Воен. тип. Гл. упр. РККА, 1925. 210 с.
28. РГВА. Ф. 34934. Оп. 1. Д. 22.
29. РГВА. Ф. 25849. Оп. 1. Д. 6.
30. РГВА. Ф. 62. Оп. 2. Д. 355.
31. РГВА. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1181.
32. РГВА. Ф. 40710. Оп. 1. Д. 26.
33. РГВА. Ф. 62. Оп. 2. Д. 552.
34. РГВА. Ф. 62. Оп. 2. Д. 79.

The Role of Military Preparatory Educational Institutions in the Development of National Military Formations of the Red Army in Central Asia and Kazakhstan in the 1920s

Rustam A. Solovyev

In the 1920s, one of the most difficult tasks was to equip military educational institutions with representatives of indigenous nationalities, especially in Central Asia, where up to 90 % of conscripts were illiterate. Due to the poor general education level of those entering military educational institutions, special schools were established in a number of Soviet republics for teenagers to receive the general education training necessary for admission to national military educational institutions. In Central Asia and Kazakhstan, the Bukhara Military Labor School (since 1926 – the Uzbek Military Preparatory School) operated to solve this problem, as well as preparatory departments at the United Kazakh Military School named after the Central Executive Committee of the Kazakh Republic and the United Military School of Central Asian Nationalities. These educational institutions existed until 1929–1931. The article describes the features of organization of the educational process in military schools, highlights the difficulties encountered in their functioning. A special role in the creation of military preparatory schools was played by I. E. Yakir, the head of the Department of Military Educational Institutions of the Red Army in 1924–1925. It is concluded that military preparatory schools were ineffective and could not play a significant role in the recruitment of military schools and the formation of national military units.

Key words: Red Army, military education, military preparatory schools, national military formations, BNSR, I. E. Yakir.

For citation: Solovyev, R. A. (2025) Rol' voenno-podgotovitel'nykh uchebnykh zavedeniy v razvitiy nacional'nykh voinskikh formirovaniy Krasnoy armii na territorii Srednej Azii i Kazakhstana v 1920-h gg. [The Role of Military Preparatory Educational Institutions in the Development of National Military Formations of the Red Army in Central Asia and Kazakhstan in the 1920s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 193–209. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_193. EDN: WKGBZE

References

1. Zakharov, M. (1927) *Natsionalnoe stroitelstvo v Krasnoy Armii* [National construction in the Red Army]. Moscow: Publishing House of the Military printing house of the Office of the People's Commissariat of Military Affairs and the RVS of the USSR. (In Russ.)

2. Bozhko, F. (1933) (ed.) *Natsionalnie chasti Krasnoy Gvardii i Krasnoy Armii v Srednej Azii* [National units of the Red Guard and the Red Army in Central Asia]. Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. (In Russ.)

3. Ivanov, V. E. (1996) *Natsionalnie voinskie chasti v SSSR: opit stroitelstva i primeneniya* [National military units in the USSR: the experience of construction and application]. Yekaterinburg: Publishing House of Yekaterinburg, higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.)

4. Gradoselsky, V. V. (2001) *Natsionalnie voennye formirovaniya v Krasnoy Armii (1918–1938)* [National military formations in the Red Army (1918–1938)]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal]. No. 10. Pp. 2–6. (In Russ.)

5. Podpryatov, N. V. (2005) *Natsionalnie chasti i podzdelenyi Krasnoy Armii v 20–30 godi XX veka* [National units and subunits of the Red Army in the 20–30s of the 20th century]. Perm: Publishing House of Perm University. (In Russ.). EDN: QPCXFD

6. Bezugolny, A. Y. (2016) *Istochnik dopolnitel'noj moshchi Krasnoy armii... Nacional'nyj vopros voennom stroitel'stve v SSSR 1922–1945* [Source of additional power of the Red Army... The national question in military construction in the USSR 1922–1945]. Moscow: Political Encyclopedia. (In Russ.). EDN: AFOTUT

7. Lysenko, Yu. A. (2018) *Formirovanie natsionalnih podrazdelenii Krasnoy armii stepnogo kraja i Turkestana v period Grazhdanskoj vojny (1918–1922)* [Formation of national units of the Red Army of the steppe region and Turkestan during the Civil War (1918–1922)]. *Narodi i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. No. 3. Pp. 59–75. (In Russ.). EDN: XZAXAL

8. Kamenev, A. I. (1991) *Istoriya podgotovki oficerskih kadrov v SSSR (1917–1984 gg.)* [The history of officer training in the USSR (1917–1984)]. Novosibirsk: NVVPU. (In Russ.)

9. Lushnikov, A. M. (1997) *Sovetskaya voennaya shkola v 1921–1941 g.: social'no-politicheskie aspekty razvitiya* [The Soviet military school in 1921–1941: socio-political aspects of development]. Yaroslavl: Yaroslavl State Technical University. (In Russ.)

10. Zhukovskiy, V. P. (1999) *Voенное образование в России: preemstvennost', opyt, tradicii* [Military education in Russia: continuity, experience, traditions]. Saratov: Saratov state tech. univ. (In Russ.)

11. Bezuglov, S. A. (2022) *Podgotovka komandnyh kadrov RKKa v pervye gody stanovleniya sovetskoj vlasti (1917–1924)* [Training of Red Army command personnel in the early years of the formation of Soviet power (1917–1924)]. *Tekhnologos* [Technologos]. No. 2. Pp. 53–70. (In Russ.). EDN: JWVTOV

12. (1967) *K predystorii sozdaniya suvorovskih voennyh i nahimovskih voенно-morskih uchilishch* [On the background of the creation of the Suvorov military and Nakhimov naval schools]. *Voенно-pedagogicheskij sbornik* [Military pedagogical collection]. Vol. 42. Pp. 51–73. (In Russ.)

13. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* [The Russian State Military Archive] (hereinafter – RGVA). F. 34934. Op. 1. D. 74.

14. Evlanov, V. (1984) *K istorii sozdaniya i razvitiya special'nyh voенно-podgotovitel'nyh shkol i uchilishch (1921–1955 gg.)* [On the history of the creation and development of special military preparatory schools and colleges (1921–1955)]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal]. No. 8. Pp. 68–70. (In Russ.)

15. Sychenkov, B. P. (2006) *YUnye bogi vojny: kratkaya istoriya srednih voенно-uchebnyh zavedenij Sovetskogo Soyuza* [Young gods of war: a brief history of secondary military educational institutions of the Soviet Union]. Moscow: Golos-Press. (In Russ.)

16. Grabar, V. K. (2009) *Vskormlennyye s kop'ya. Oчерки istorii detskogo voinskogo vospitaniya* [Fed from a spear. Essays on the history of children's military education]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University. (In Russ.)

17. Balakshin, A. B. (2011) *Mal'chiki v shineyah (kadety, «specy», suvorovcy, nahimovcy)* [Boys in overcoats (cadets, "specials", Suvorovites, Nakhimovites)]. Part II. Penza. (In Russ.)

18. Kurmyshev, V. M. (2006) *Voенно-podgotovitel'nye shkoly Krasnoy armii 1920–1931 gg.* [Military preparatory schools of the Red Army of 1920–1931]. *Klio* [Klio]. 2006. No. 4. Pp. 204–208. (In Russ.). EDN: JVXCSL

19. Kotyukova, T. V. (2010) «...K voinskoj povinnosti oni pitayut nepreodolimoе otrvashchenie». *Osvobozhdenie narodov Turkestana ot voенnoj sluzhby v konce XIX – nachale*

XX века ["... They have an irresistible aversion to military service". Liberation of the peoples of Turkestan from military service in the late 19th – early 20th century]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], No. 12. Pp. 55–61. (In Russ.). EDN: NCEWJT

20. Matviyevskaya, G. P. (2016) *Orenburgskij Neplyuevskij kadetskij korpus. Oчерk istorii* [Orenburg Neplyuevsky cadet corps. Historical essay]. Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences. (In Russ.). EDN: WKSMON

21. (2008) *Rossiya nakanune Pervoj mirovoj vojny (Statistiko-dokumental'nyj spravochnik)* [Russia on the eve of the First World War (Statistical and documentary reference book)]. Moscow: Samoteka. (In Russ.)

22. Stepanov, A. (1993) *Buharskaya Krasnaya Armiya 1922–1924* [The Bukhara Red Army 1922–1924]. *Cejhgauz* [Tseykhauz], No. 1 (2). Pp. 30–35. (In Russ.)

23. RGVA. F. 34934. Op. 1. D. 14.

24. RGVA. F. 34934. Op. 1. D. 19.

25. RGVA. F. 34934. Op. 1. D. 80.

26. RGVA. F. 34934. Op. 1. D. 31.

27. (1925) *I Vsesoyuznyj s"ezd voennyh shkol i kursov usovershenstvovaniya (Rechi, doklady, rezolyucii i postanovleniya)* [1st All-Union Congress of military schools and advanced training courses (Speeches, reports, resolutions and decrees)]. Moscow: Military. tip. Gl. upr. RKKKA. (In Russ.)

28. RGVA. F. 34934. Op. 1. D. 22.

29. RGVA. F. 25849. Op. 1. D. 6.

30. RGVA. F. 62. Op. 2. D. 355.

31. RGVA. F. 62. Op. 2. D. 1181.

32. RGVA. F. 40710. Op. 1. D. 26.

33. RGVA. F. 62. Op. 2. D. 552.

34. RGVA. F. 62. Op. 2. D. 79.

Об авторе

Соловьев Рустам Арсланович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени профессора И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация; e-mail: solorus@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3494-1047

About the author

Solovyev Rustam A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History, Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, Bryansk, Russian Federation; e-mail: solorus@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3494-1047

Статья поступила в редакцию 25.05.2025

Одобрена после рецензирования 19.06.2025

Принята к публикации 08.06.2025

От сакральности к повседневности: история и современное состояние росписи на стекле в Беларуси

М. А. Михайлец

Роспись на стекле в Беларуси восходит к XVIII в., когда в этой технике писались иконы не только для домашнего использования, но и для храмов. На протяжении XIX в. традиция оставалась преимущественно сакральной, а с начала XX в. с распространением дешевого оконного стекла она выделилась в отдельный вид декоративно-прикладного искусства, распространилась по всей территории Беларуси и стала приобретать все более орнаментально-декоративный характер. С конца 1940-х и до начала 1960-х гг. картинки на стекле широко использовались для украшения интерьера жилья в деревнях и небольших городах, однако к концу 1990-х гг. этот вид народного искусства пришел в упадок, главным образом, из-за снижения спроса. В Пружанском районе традиция возродилась в 2000-е гг. благодаря деятельности народного мастера Беларуси М. Н. Кулецкой. На основании интервью с носителями в статье рассматриваются проблемы сохранения и популяризации росписи на стекле в современных условиях, в том числе благодаря приданию традиции статуса нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: Беларусь, роспись на стекле, иконы, декоративно-прикладное искусство, нематериальное культурное наследие, интерьер, Пружанский район.

Для цитирования: Михайлец М. А. От сакральности к повседневности: история и современное состояние росписи на стекле в Беларуси // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 210–227. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_210. EDN: WKULOS

Введение

Развиваясь вместе с историей человечества, искусство использует для своих нужд практически все материалы, доступные людям в ту или иную эпоху. Стекло – один из древнейших известных людям материалов, причем изначально оно широко использовалось для создания художественных произведений. Еще в IV–III вв. до н. э. в Египте и Сирии стеклом стали заполнять оконные проемы, используя в том числе вставки из разноцветного стекла. Со времен Древнего Рима известна традиция цветных росписей по стеклу, которая впоследствии распространилась по всей Европе, включая Византию. С XVI–XVII вв., с распространением небольших стекольных производств, известных на территории Польши, Украины, Беларуси под названием «гута», декоративное стекло приобрело еще большую популярность. В XVIII в., когда главными центрами росписи по стеклу стали Бавария и Тироль, этот вид искусства перестал быть профессиональным, но стал привлекать большое количество народных мастеров как городских, так и сельских, большинство из которых являлись самоучками. На протяжении XVIII в. роспись по стеклу распространяется по территории Центральной и Восточной Европы, приобретая большую популярность в Словакии, Румынии, Нижней Силезии. В XIX в. в Европе начинается массовое производство оконного стекла, что привело к значительному удешевлению и повышению доступности этого материала, который сразу же стал весьма популярным и способствовал дальнейшему географическому распространению росписи на стекле на территории Польши, Украины, Беларуси, Литвы.

Тематика произведений в этот период была исключительно сакральной, преимущественно копировались иконы, находящиеся в местных церквях. Как правило, контур будущего рисунка переносился с гравюр на дереве [1, с. 65]. В XIX в. гравюры на дереве распространялись далеко за пределы мест своего возникновения, служа основой для картин на стекле. Часто их копировали напрямую, чтобы избежать зеркального эффекта, поскольку живопись на стекле требует иной техники создания, чем обычный процесс рисования картины. Рисунок наносился на заднюю стенку стекла, благодаря чему разноцветные слои краски создавали иллюзию многомерного изображения. Характерная особенность таких рисунков – чрезвычайно яркая цветовая гамма.

Можно говорить о двух направлениях проникновения росписи на стекле на белорусские земли – с территории Польши и Украины. Вероятно, первоначально иконы на стекле были связаны с униатской церковной художественной традицией, которая в целом опиралась на народные формы искусства.

Историография проблемы весьма скромна. Белорусские исследователи обратили внимание на роспись на стекле только в начале 1980-х гг. В 1983 г. была опубликована статья исследователей народного искусства Беларуси Е. М. Сахуты и В. А. Говора «Народная роспись на стекле» [2], где авторы в общих чертах описали технику росписи, привели фамилии нескольких мастериц из полесского региона, высказали свою версию возникновения этого вида народного искусства. Упоминается роспись на стекле в монографии тех же авторов «Художественные ремесла и промыслы Белоруссии» (1988) [3]. В своей монографии «Народное искусство Беларуси» (1997) Е. М. Сахута отметил технологическую тождественность росписи на стекле белорусских мастеров с мастерами соседних народов, указав при этом на орнаментально-декоративный, а не сакральный характер этого вида искусства на территории Беларуси. Также он охарактеризовал композиционные и стилистические решения, применявшиеся белорусскими мастерами, создающими рисунки на стекле, считая временем их появления в Беларуси конец XIX – начало XX в. [4].

Художественной росписи на стекле касается несколько работ О. А. Лобачевской. Первой попыткой проследить пути проникновения этого вида искусства на территорию Беларуси и выявить его основные стилистические особенности была ее статья «Расписные стекла – между примитивизмом и китчем» (1994) [5]. В статье О. А. Лобачевской «Народные картинки на стекле в Беларуси: к вопросу художественной ценности и типологии» (2020) охарактеризованы не только художественно-стилистические особенности, но и социальные обстоятельства создания художественных произведений на стекле. Автор также приводит ценные сведения, полученные во время своих экспедиций, в частности о том, что на территорию западных районов Брестчины картинки на стекле часто привозили из Украины [6].

В публикациях Г. Ф. Шаура «Декоративная роспись на стекле» (2003) [7] и «Развитие народного изобразительного и декоративного искусства Беларуси во второй половине XIX – на-

чале XXI вв.» (2006) [8] рассказывается об истории живописи на стекле в странах Центральной и Восточной Европы, поверхностно касаясь ее истории в Беларуси; предлагается авторская типологизация произведений.

С основами технологии создания росписей на стекле знакомит читателей учебное пособие Н. В. Починовой «Белорусская народная декоративная роспись» (2005), богато иллюстрированное примерами соответствующих современных произведений¹.

Значительный вклад в историю икон на стекле в Беларуси внесли статьи Г. А. Фликоп-Свиты «Иконы "на стекле" и "за стеклом" в греко-католических храмах Беларуси в XVIII–XIX веках» (2013) [9] и «Иконопись на стекле в Беларуси: истоки ремесла, произведения 1920–1930-х гг. в музейных собраниях и частных коллекциях» [10]. В частности, работы Г. А. Фликоп-Свиты убедительно доказали, что первые иконы на стекле в Беларуси датируются не позднее середины XVIII в.

Большой вклад в изучение и популяризацию белорусской росписи на стекле внесла О. И. Трубач. Отдельная ее статья касается историографии проблемы [11], вторая – картинкам на стекле как составляющей сельского интерьера [12]. С целью популяризации росписи на стекле О. И. Трубач ведет страницу в социальной сети, насчитывающую более 1300 подписчиков, а также создала веб-сайт «Видики. Народная коллекция росписей на стекле со всей Беларуси»². На электронную почту автора любой желающий может прислать фотографии картинок на стекле с максимально полной информацией о них для последующего размещения на веб-сайте и странице в социальной сети. На сегодняшний день на сайте размещено около полутора тысяч фотоснимков.

В марте 2023 г. в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь был включен элемент «Традиционная роспись на стекле в Березовском и Пружанском районах Брестской области», информация о нем представлена на веб-сайтах «Живое наследие Беларуси»³, Банк сведений об историко-культурном наследии

¹ Починова Н. В. Белорусская народная декоративная роспись: уч. пос. Минск: Выш. школа, 2005. 175 с.

² Відзкі. Народная калекцыя роспісаў на шкле з усёй Беларусі [Электронны рэсурс]. URL: <https://vidziki-art.tilda.ws/> (дата обращения: 30.06.2025).

³ Традыцыйны роспіс на шкле ў Пружанскім і Бярозаўскім раёнах Брэсцкай вобласці // Жывае спадчына Беларусі. Інвентар нематэрыяльнай культурнай спадчыны [Электронны рэсурс]. URL: <https://living-heritage.by/nks/8154/> (дата обращения: 30.06.2025).

Республики Беларусь¹ и Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь², а также соответствующих райисполкомов³.

Популяризации росписи на стекле в Пружанском и Березовском районах, где данная традиция сохраняется сегодня, посвящены два выпуска телепрограммы «Жывая спадчына» («Живое наследие») на телеканале «Беларусь 3»⁴, а также ряд выставок, информация о которых содержится в каталогах [13] и на веб-ресурсах⁵.

Цель данной статьи – выявить современное состояние традиционной росписи на стекле в Беларуси и обозначить проблемы сохранения данной традиции. Основными источниками для написания статьи стали интервью с носителями и хранителями данной традиции – Марией Николаевной Кулецкой, Верой Викторовной Волчик и Ольгой Николаевной Гордейчик, взятые в мае 2025 г. Дополнительными источниками информации послужили их интервью различным средствам массовой информации, материалы веб-сайтов и телепрограмм.

Краткая история

История росписи на стекле в Беларуси – тема отдельного исследования. Отметим, что своими корнями эта традиция уходит в сакральную живопись, причем иконы на стекле создавались в основном для частного, домашнего использования, хотя Г. А. Фликоп-Свита на основе анализа архивных документов обнаружила 18 упоминаний об униатских храмовых иконах, написанных на стекле, которые датируются 1754–1829 гг. [10,

¹ Традицыйны роспіс на шкле // Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. URL: <https://heritage.gov.by/catalog/tradytsyiny-rospis-pa-shkle> (дата обращения: 30.06.2025).

² Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. URL: <http://gossписок.gov.by/Home/Index> (дата обращения: 30.06.2025).

³ Узорная студыя дэкарацыйна-прыкладнага мастацтва «Шклінка-маляванка» Пружанскага раённага цэнтру культуры // Отдел культуры Пружанского райисполкома [Электронный ресурс]. URL: <https://kultura.pruzhanu.by/uzornaya-studiya-dekaraty-na-prikladnogo-mastactva-shklinka-malyavanka/> (дата обращения: 30.06.2025); Историко-культурное наследие Березовского района // Березовский районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bereza.brest-region.gov.by/ru/2021-11-25-07-11-04-2000001146-ru/> (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ Традыцыйны роспіс на шкле. Бярозаўскі раён Брэсцкай вобласці [Электронны рэсурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=68NbvWA95x0&ab_channel=%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C3 (дата обращения: 30.06.2025); Традицыйны роспіс на шкле. Пружанскі раён Брэсцкай вобласці [Электронны рэсурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=T39yziLSkR0&list=PLmGv3zIroLKD Ux9OaUzXOc5TdWsZ5sT2&index=1&t=720s&ab_channel=%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C3 (дата обращения: 30.06.2025).

⁵ Вілейка дорыць Мінску маляваны рай [Электронны рэсурс]. URL: https://novychas.by/kultura/viliejka_doryc_j_minsku_maliava. (дата обращения: 21.03.2020); Владыка А. Шклянныя дзівосы, зробленыя сваімі рукамі і ад чыстара сэрца [Электронны рэсурс]. URL: <https://ray.ng-press.by/vystavy/shklyaniya-dzivosi-zrobleniya-svaimi-rukami-i-ad-chystara-serca/> (дата обращения: 21.05.2025).

с. 514]. Вероятно, после упразднения унии эти иконы исчезли из храмов и на сегодняшний день не сохранились.

В 1920–30-е гг. на территории Западной Беларуси, которая тогда входила в состав Польши, опять появляется данный вид искусства, который был весьма популярным на польских землях; правда, в этот период иконы создаются почти исключительно для домашнего использования. В те же годы с распространением более дешевого стекла и новых красок и лаков мастера начинают создавать всё больше произведений декоративного, а не религиозного содержания, заложив фундамент той живой традиции, которая существует по сегодняшний день.

Рис. 1. Картинка на стекле «Кот в цветах» (авт. Василевская Елена Моисеевна, д. Здитово Березовского района Брестской области, 1950–1960-е гг. Фото Сергея Василевского)

По-видимому, расцвет традиции росписи на стекле на территории Западного Полесья, преимущественно современных Березовского, Дрогичинского и Пружанского районов, приходится на послевоенный период конца 1940-х – начала 1960-х гг. В это время картинка на стекле, наряду с иными дешевыми продуктами массового искусства, становятся важной частью интерьера сельского жилья, поскольку «Насыщение и оформление интерьера отвечает потребностям ведения домашнего хозяйства, релаксации, реализации форм досуга, демонстрирует состоятельность владельцев и отражает их представления о пре-

стижности, в связи с этим выставляются напоказ наиболее привлекательные и ценные в материальном отношении предметы» [14, с. 89]. Как отмечает О. А. Лобачевская, «Эти вещи выполняют функции симулякров – суррогатных заменителей произведений высокого искусства и предметов обихода [6, с. 134] (рис. 1).

Народный мастер Беларуси и Почетный гражданин Пружанского района Мария Николаевна Кулецкая с детства была знакома с традицией росписи на стекле: «Лет 5 мы жили в Новоселках, и родилась я в наших Новоселках. Родители учителями были, ходили к деткам, а я следом хвостом, или меня за руку водили. И я видела по домам. И когда мы заходили к этим теткам, мама там и вышивки какие-то смотрела, и ткачество, и всё... [...] Потом вот эти котики: как увидела – сразу всё, заболела этими котиками! Это я уже потом повторила (рис. 2). Вот, в таком же духе есть старая работа, у нас там, в Кобыловке, на моей родине. Потом вот такие корзины были с розами. И уже потом, позже, сейчас я уже у многих такое вижу, то там, то там. Кто-то где-то показывает на выставках»¹.

Рис. 2. Картинка на стекле «Котики» (авт. Кулецкая Мария Николаевна, г. Пружаны Брестской области, 2020-е гг. Фото Михайлеца М. А.)

Мария Николаевна подчеркивает стремление людей к прекрасному, желание украсить свое жилье в послевоенное время всеми доступными средствами: «Сразу эти пятидесятые годы, и людям хотелось украсить у себя. Иконки, какие у кого были, иконки висели, ручнички вышитые висели. И потом начали вешать вот эти

¹ Интервью с Кулецкой Марией Николаевной, народным мастером Республики Беларусь, создателем народной образцовой студии «Шклинка-малаянка» Пружанского городского Дворца культуры.

картинки, в том же красном углу – чырвоны кут. А потом, гляжу, что уже и в спальне висит, и в прихожей, и в кухне»¹.

Мастера сами занимались распространением своих работ: носили их по хатам и предлагали приобрести: «Носили по домам. Вот еще для фотографий (*показывает – прим. авт.*). Вот это меня еще тоже привлекало, потому что там были фотографии. Раньше же не было таких альбомов. И вот, если где-то или польский солдат, или свадебная, или какая-то еще, если у кого-то была, такая ценная фотография, они вот так вот сюда вставляли (рис. 3). [...] Просто были такие мастера или художники, которые... Они тоже как-то снимали, друг от друга снимали (*копировали – прим. авт.*), наверное, потому что и в Гродненской, и в Витебской, и в какой хочешь области найдешь похожую, даже точно такую же картину. Не скажешь, что тут именно наша. У нас это давно, это когда ж – пятьдесят пятый год я это всё видела – я 1955 года.

Рис. 3. Рамка для фотоснимка (авт. Гошка Яков Васильевич, д. Шилин Березовского района Брестской области, 1950–1960-е гг. Фото Зданевич Т. Н.)

И цыганки носили... [...] Ездили, ходили, сначала вот это продавали, а потом, если вы видели, вот такие, типа этого фотографии – то молодая пара и написано: счастья вам, тое-сёе... И тоже

¹ Интервью с Кулецкой Марией Николаевной, народным мастером Республики Беларусь, создателем народной образцовой студии «Шклинка-малаянка» Пружанского городского Дворца культуры.

котики... Такие овальные картиночки. Уже фотографию начали носить. Я добра помню, что шестьдесят какой год. И у меня дома три есть: и котики есть, и девочка в розочках, и молодая пара, написано там. И так висели, и так, такое уже пошло в моду дальше»¹.

В 1970-х гг. на Березовщине существовал «Большой базар» (по словам мастера Надежды Зиновук из д. Шилинок), куда многие местные мастера привозили свои произведения и торговали ими².

Кроме произведений декоративного характера, которые доминировали в 1950-е гг., отдельные мастера, преимущественно в Березовском районе, создавали в этой технике и иконы: «Это были домашние иконы. Они не были для того, чтобы в костёле или в церкви. Это были домашние иконы-обереги»³ (рис. 4).

Рис. 4. Икона Богоматери Иерусалимской (авт. Василевская Елена Моисеевна, д. Здитово Березовского района Брестской области, 1950–1960-е гг. Фото Василевского Сергея)

¹ Интервью с Кулецкой Марией Николаевной, народным мастером Республики Беларусь, создателем народной образцовой студии «Шклинка-маляванка» Пружанского городского Дворца культуры.

² Традиційны роспіс на шкле ў Пружанскім і Бярозаўскім раёнах Брэсцкай вобласці // Жывая спадчына Беларусі. Інвентар нематэрыяльнай культурнай спадчыны [Электронны рэсурс]. URL: <https://living-heritage.by/nks/8154/> (дата абрачэння: 30.06.2025).

³ Интервью с Волчик Верой Викторовной, руководителем народной образцовой студии «Шклинка-маляванка» Пружанского городского Дворца культуры.

К 1990-м гг. практикующих мастеров на Пружанщине уже не было, хотя некоторые хорошо помнили особенности техники росписи на стекле и давали свои советы. На территории Березовского района роспись по стеклу еще практиковалась в 1990-е гг. Для многих мастеров это ремесло было существенным источником дохода, но после 1990-х гг. роспись по стеклу и на Березовщине пришла в упадок, поскольку население предпочитало покупать для украшения интерьера фабричные изделия.

Современное состояние

Возрождение традиционной росписи на стекле в Пружанском районе неразрывно связано с личностью народного мастера Беларуси Марии Николаевны Кулецкой. Сама мастер так рассказывает об этом: «Это хороба! А получилось что – с Бреста приехали, в центре нашем, в ОКЦ (*Брестский областной общественно-культурный центр – примеч. автора*), а у нас тогда выставка какая-то была в городе. [...] У меня там несколько картинок этих было. И они так вот стояли, смотрели. И им пришло до головы, и мне тоже, что оно интересно. Вот, стояли люди, смотрели. Нехта: "О, у нас у бабушки такая! О, у нас там это! О, мы такое видели!" И всё! Заразили меня гэтым, что мы видели, мы знаем, мы понимаем, и это у нас было и есть и всё такое. Ну и всё, они меня тогда на выставке подхвалили, поддержали, и пошло, и поехало. [...] Хотя я в библиотеке работала, я уже начала это делать. Я просто не могла, чтоб вот это не увидели люди, чтоб и дети и вообще... И мне тогда предложили, чтоб я кружок этот вела. И получалось, что я с 9 до 6 вечера работала в библиотеке, приходила домой, чуть-чуть там туда-сюда, и за торбу – и сюда к детям. И я около 15 лет с 6 вечера до 9 с детьми занималась тут, в Доме культуры. Мне было так напряжно, так напряжно, но настолько мне нравилось, что я просто заболела этим, и всё! У меня любовь эта с самого-самого детства, с этих вот котиков началась (*показывает на картинку с котиками – прим. авт.*)»¹.

Мария Николаевна стремилась воспроизводить как традиционную технику, так и традиционные сюжеты и образы, для чего активно изучала и собирала произведения местных мастеров. Эту работу мастер продолжает и сегодня.

¹ Интервью с Кулецкой Марией Николаевной, народным мастером Республики Беларусь, создателем народной образцовой студии «Шклинка-малаяванка» Пружанского городского Дворца культуры.

Довольно продолжительное время у Марии Николаевны не было непосредственных последователей: «С того времени я всё одна была. И на Славянский базар ездила, и за границу, в Польшу ездили. [...] И дети нормально занимались. Детям нравится. Конечно, чисто такие, народные, они не это... Что им хочется – теперешние картинки, вон *(показывает на рисунки детей, висящие на стене – прим. авт.)* им уже с мультиков. Я разрешаю – рисуй. Но им вот это перо взять, тушь – им очень интересно. Вот сразу приходят с карандашом, кисточкой, альбомом, а потом всё – альбом в сторону: "Дайте мне стекло, мне стекло!" А стекло где взять? Ходила тут за бутылку у мужиков просила, они мне вырезали всякого размера. Было интересно работать»¹.

Сегодня дело Марии Николаевны успешно продолжает ее ученица Вера Викторовна Волчик, которая теперь руководит студией «Шклінка-маляванка», которую основала М. Н. Кулецкая: «И уже Викторовна закончила тоже университет культуры и всё на свете, и она тоже умеет, всё это понимает и знает. Я ее очень давно, с маленькой знаю. И так уже ее просила, просто просила: "Вера, иди на мое место! Никуда не ищи ничего!" Потому что мне жалко это всё кидать. И я не знаю, кто бы тут еще мог прийти, но Вере я доверила полностью. [...] А детки тоже у нас занимаются. Сколько Вера уже дипломов получила! Я такая довольная, думаю: "Слава Богу!"»².

Таким образом, непосредственными носителями традиции на Пружанщине, мастерами, которые хорошо владеют техникой росписи на стекле и создают действительно качественные художественные произведения, являются Кулецкая Мария Николаевна и Волчик Вера Викторовна (рис. 5). В то же время благодаря их усердной работе мастерством росписи на стекле овладели десятки, а может и сотни детей, с которыми они занимались, а косвенно с традицией познакомились их родители, родственники, знакомые. Несмотря на то что подавляющее большинство из них уже не занимается этим видом народного искусства, знакомство с ним наверняка оставило след в их сознании, что способствует формированию уважения к данной традиции и более глубокому знакомству с ней.

¹ Интервью с Кулецкой Марией Николаевной, народным мастером Республики Беларусь, создателем народной образцовой студии «Шклинка-маляванка» Пружанского городского Дворца культуры.

² Там же.

Рис. 5. Кулецкая Мария Николаевна и Волчик Вера Викторовна, 23 мая 2025 г.
(Фото Михайлеца М. А.)

Обсуждение и выводы

Основная проблема сохранения традиций росписи на стекле сегодня – это невозможность реализации этого без государственной поддержки, которая выражается в том, что практически все мастера являются сотрудниками государственных учреждений культуры или образования. На прямой вопрос, возможно ли сегодня зарабатывать, занимаясь исключительно созданием произведений в данной традиционной технике, все мастера ответили решительно отрицательно: «Если бы просто не сохранять традицию... Нет, это невозможно. Если просто свои авторские работы делать, и то если бы попасть как-то, и интерес какой-то вызвать, а вот просто сохраняя традиционные работы – нет»¹.

Иные механизмы помощи со стороны государства, помимо предоставления рабочего места, формально существуют, но работают не так эффективно. Это касается, в частности, факта взятия традиции под охрану государством путем внесения ее в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь в марте 2023 г. К сожалению, никаких дополнительных бонусов такое включение мастерам не дало.

Проблемой является также обеспечение студии материалами, так как деньги на них со стороны государства не выделяются. В последние годы у студии появилась возможность

¹ Интервью с Волчик Верой Викторовной, руководителем народной образцовой студии «Шклинка-маляванка» Пружанского городского Дворца культуры.

зарабатывать деньги на материалы путем проведения платных мастер-классов: «У нас студия, мы сами себе зарабатываем на материалы. У нас платные мастер-классы. Проводим экскурсии, мастер-классы и за эти деньги мы покупаем эти рамочки, какие-то краски, всё вот это»¹. Сами картинки на стекле сегодня большой популярностью у покупателей не пользуются: «Они не пользуются спросом в принципе сейчас у современного поколения»². «Когда мы ездим на всякие ярмарки, это часто бывает, мы часто, много ездим. Покупают не так часто. Это уже люди, которые знают об этом и прямо для какого-то действительно сувенира. И чаще всего это котики»³.

В Беларуси действует общественное объединение «Белорусский союз мастеров народного творчества», главная задача которого состоит в поддержке и сохранении самобытного народного искусства, народных художественных промыслов и ремесел, а также их интеграции в современную культурную и социальную среду. Отношение информантов к деятельности Белорусского союза мастеров народного творчества неоднозначное. Надо признать, что многие мастера, даже будучи его членами, не осознают тот факт, что это общественное, а не государственное объединение, существующее за счет взносов самих членов. На вопрос, какие преимущества дает им членство в союзе, информанты отвечают: «Ну, грамоту дадут. Фотографируют, похвалят»⁴. «На выставку красивую пригласят. На семинар если... Вот, был семинар в Бресте – нам там прям и материалы, и кормили, и мы там занимались росписью»⁵. К выставкам, особенно если они проводятся далеко, отношение у мастеров довольно скептическое: «На выставки, може только приглашали на выставки. Но тоже мне вот это не понравилось – на Славянский базар пригласили, а сказали: "Вы приехали на конкурс. Продавать ничего нельзя"»⁶.

¹ Интервью с Волчик Верой Викторовной, руководителем народной образцовой студии «Шклинка-малаяванка» Пружанского городского Дворца культуры.

² Интервью с Гордейчик Ольгой Николаевной, заведующей отделом традиционной культуры Пружанского районного центра культуры.

³ Интервью с Волчик Верой Викторовной, руководителем народной образцовой студии «Шклинка-малаяванка» Пружанского городского Дворца культуры.

⁴ Интервью с Кулецкой Марией Николаевной, народным мастером Республики Беларусь, создателем народной образцовой студии «Шклинка-малаяванка» Пружанского городского Дворца культуры.

⁵ Интервью с Волчик Верой Викторовной, руководителем народной образцовой студии «Шклинка-малаяванка» Пружанского городского Дворца культуры.

⁶ Интервью с Кулецкой Марией Николаевной, народным мастером Республики Беларусь, создателем народной образцовой студии «Шклинка-малаяванка» Пружанского городского Дворца культуры.

Склетипическое отношение к выставочной деятельности у многих мастеров связано с тем, что районные власти редко выделяют транспорт, на котором мастерам можно было бы добраться до места проведения выставки и доставить туда свои работы: «Если о наболевшем. Вот, прямо сейчас будет "Вясновы букет". Мы едем туда за свои деньги. Нам нету ни стола, ничего. Нам это тяжело приехать и везти оборудование. При этом нужно заплатить 60 рублей взнос. Как бы не так уж много этих мастеров, которые занимаются традиционными видами, чтобы еще с них это... Это государство могло бы взять на содержание союза. Не с самих мастеров, а для мастеров»¹.

Рис. 6. Работы учащихся образцовой студии декоративно-прикладного искусства «Шклинка-маляванка» Пружанского районного центра культуры, 14 мая 2025 г. (Фото Михайлеца М. А.)

Периодически у мастеров возникают недопонимания с вышестоящими организациями, такими как Брестский областной общественно-культурный центр, который, среди прочего, занимается методическим обеспечением мероприятий по сохранению, пропаганде и популяризации нематериального культурного наследия. Методисты центра иногда обращают внимание мастеров на то, что некоторые их произведения выходят за рамки традиции и аутентичности. В частности, они требуют придерживаться «традиционной» тематики произведений, хотя для продолжения традиции, по мнению самих мастеров, необходимо

¹ Интервью с Волчик Верой Викторовной, руководителем народной образцовой студии «Шклинка-маляванка» Пружанского городского Дворца культуры.

вводить сюжеты, которые более понятны и интересны современным детям, а также возвращаться к ранним религиозным сюжетам, популярным среди людей пожилого возраста (рис. 6).

Для успешного сохранения традиции росписи на стекле необходимо продолжать оказывать поддержку носителям на местном уровне, особенно в том, что касается передачи знаний и навыков; включать традицию в программы, связанные с экономическим и социальным развитием региона, в том числе с культурным туризмом.

Как организаторы различных культурных мероприятий, так и местное руководство должны заботиться о создании участникам культурных мероприятий необходимых условий, с учетом их потребностей: предоставлять транспорт и обеспечивать комфортные и безопасные условия для презентации работ и проведения мастер-классов.

Сотрудникам Министерства культуры и Брестского областного общественно-культурного центра необходимо соблюдать положения Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г., ратифицированной Республикой Беларусь в 2005 г., в частности, не использовать в отношении элементов нематериального культурного наследия категорию «аутентичность», признавать за носителями право самим решать, каким образом следует развивать и сохранять свою традицию, использовать в практике сохранения передовой опыт, рекомендуемый руководящими органами Конвенции 2003 г.

Научным учреждениям Беларуси рекомендуется уделять больше внимания изучению и популяризации сохранившихся живых традиций, лежащих в основе национальной культуры. Основные аспекты, требующие дальнейшего исследования: исторические корни традиции, межкультурные и межэтнические взаимосвязи, связь с определенными конфессиями, географические ареалы распространения локальных традиций в различных регионах, местные стилистические и художественные особенности произведений и техники.

Таким образом, традиционную роспись на стекле как элемент нематериального культурного наследия Беларуси можно отнести к числу менее распространенных элементов, которые, тем не менее, находятся на этапе хотя и скромного, но расширения ареала своего бытования. На сегодняшний день традиция

поддерживается благодаря помощи со стороны государства через включение ее в деятельность учреждений культуры. Перспективным видится развитие росписи по стеклу до такой степени, чтобы она вышла из-под опеки государства, и мастера (хотя бы часть из них) могли бы финансово обеспечивать себя за счет этого ремесла.

Список литературы

1. Błachowski A. Malarstwo na szkle. Lublin; Toruń: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2004. 192 s.
2. Сахута Я. М., Говар В. А. Народны роспіс па шкле // Помнікі гісторыі і культуры. 1983. № 4. С. 31–33.
3. Сахута Е. М., Говор В. А. Художественные ремесла и промыслы Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1988. 272 с.
4. Сахута Я. М. Народнае мастацтва Беларусі. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Пётруся Броўкі, 1997. 287 с.
5. Лобачевская О. А. Расписные стекла – между примитивом и китчем // Примитив в изобразительном искусстве: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. М.: ГРДН, 1994. С. 47–54.
6. Лабачэўская В. А. Народныя карцінкі на шкле ў Беларусі: да пытання мастацкай вартасці і тыпалогіі // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў: зб. навук. арт. Вып. 1 / гал. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Мінск: Права і эканоміка, 2020. С. 133–137.
7. Шаура Р. Ф. Дэкаратыўны роспіс на шкле // Прырода, чалавек, культура: праблемы гармоніі: матэрыялы навук. канф. (Мінск, 25–26 сак. 2003 г.) / рэдкал. М. А. Бяспалая [і інш.]; Міністэрства культуры; БДУК. Мінск: БДУК, 2003. С. 235–241.
8. Шаура Р. Ф. Развіццё народнага выяўленчага і дэкаратыўнага мастацтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XXI ст. Мінск: БДУ культуры і мастацтваў, 2006. 384 с.
9. Флікоп Г. А. Абразы «на шкле» і «за шклом» у грэка-каталіцкіх храмах Беларусі ў XVIII – пачатку XIX стст. // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў: матэр. Міжнар. навук.-практ. канф. (28–29.11.2013 г., г. Мінск): у 2-х ч. Ч. 1 / уклад. Н. С. Бункевіч; гал. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Права і эканоміка, 2014. С. 200–205.
10. Флікоп-Світа Г. Іконопис на склі в Білорусі: витоки ремесла, творы 1920–1930-х рр. в музейних збірках та приватних колекціях // Народознавчі зошити. 2018. № 2 (140). С. 514–522.
11. Трубоч В. І. Беларускі народны мастацкі роспіс на шкле пачатку – сярэдзіны XX ст.: гістарыяграфія даследавання // Подготовка научных кадров: опыт, проблемы, перспективы: материалы III Республиканской научно-практической конференции. Минск, 10 декабря 2021 г. / редкол.: М. Г. Жилинский (отв. ред.) [и др.]. Минск: ИВЦ Минфина, 2022. С. 144–147.
12. Трубоч В. І. Карцінкі на шкле як адзін са складнікаў вясковага інтэр'ера // Сохранение нематериального историко-культурного наследия стран СНГ в контексте глобальных вызовов: Междунар. науч.-практ. семинар, Минск, 15–17 нояб. 2022 г.: сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, Межгосудар. фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ; редкол. Н. В. Карчевская [и др.]. Минск: БГУКИ, 2022. С. 168–177.
13. Прадметы доэору традыцыйнага жыцця: малюнкi на шкле са збору Дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту: каталог выстаўкі / Беларускі дзяржаўны музей народнай архітэктуры і побыту [склад. і аўтар уступ. артыкула М. Баркова; навук. дарадчык Я. Сахута]. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2011. 54 с.
14. Ященко О. Г. Интерьеры жилья горожан Беларуси конца XIX – начала XX вв. // Извещения Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 4(91). С. 89–94. EDN: UHLDCV.

From Sacredness to Everyday Life: the History and Current State of Glass Painting in Belarus

Mikhail A. Mikhailets

Glass painting in Belarus dates back to the 18th century, when icons were painted using this technique not only for home use but also for churches. During the 19th century, the tradition remained predominantly sacred, and with the beginning of the 20th century and spread of cheap window glass, it emerged as a separate type of decorative and applied art, expanded throughout the territory of Belarus and began to acquire an increasingly ornamental and decorative character. From the late 1940s to the early 1960s, glass painting was widely used to decorate the interiors of houses in villages and towns, but by the late 1990s this form of folk art had declined, mainly due to decrease in demand. In the Pruzhany district, the tradition was revived in the 2000s thanks to the work of the Folk Master of Belarus Maria Kuletskaya. Based on interviews with the bearers of the tradition, the article addresses the problems of preserving and promoting glass painting in modern conditions, including by giving this tradition the status of intangible cultural heritage.

Key words: Belarus, glass painting, icons, decorative art, intangible cultural heritage, interior, Pruzhany district.

For citation: Mikhailets, M. A. (2025) Ot sakral'nosti k povsednevnosti: istoriya i sovremennoe sostoyanie rospisi na stekle v Belarusi [From Sacredness to Everyday Life: the History and Current State of Glass Painting in Belarus]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 210–227. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_210. EDN: WKULOS

References

1. Błachowski, A. (2004) *Malarstwo na szkle* [Painting on Glass]. Lublin; Toruń: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. (In Polish)
2. Sahuta, Ya. M., Hovar, V. A. (1983) Narodny rospis pa shkle [Folk Painting on Glass]. *Pomniki historyi i kul'tury* [Cultural Monuments]. No. 4. Pp. 31–33. (In Belarusian)
3. Sahuta, E. M., Govor, V. A. (1988) *Hudozhestvennye remesla i promysly Belorussii* [Arts and Crafts of Belarus]. Minsk: Nauka i tekhnika. (in Russ.)
4. Sahuta, Ya. M. (1997) *Narodnae mastactva Belarusi* [Folk Arts of Belarus]. Minsk: Belaruskaya encyklopedyya imya Petrusya Brouki. (In Belarusian)
5. Lobachevskaya, O. A. (1994) Raspisnye stekla – mezhdum primitivom i kitchem [Painted glass – between primitive and kitsch]. *Primitiv v izobrazitel'nom iskusstve: Materialy vserejskoy nauch.-prakt. konferencii*. [Primitive in Fine Arts: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference]. Moscow: GRDN. Pp. 47–54. (In Russ.)
6. Labacheuskaya, V. A. (2020) Narodnyya karcinki na shkle u Belarusi: da pytannya mastackaj vartaci i tyalogii [Folk Glass Paintings in Belarus: on the Issue of Artistic Value and Typology]. *Tradycyi i suchasny stan kul'tury i mastactvau: zb. navuk. art. Vyp. 1* [Traditions and the Current State of Culture and Arts: Collection of scientific papers. Vol. 1]. Ed. A.I. Lakotka; Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researchers of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk: Prava i Ekanomika. Pp. 133–137. (In Belarusian)
7. Shaura, R. F. (2003) Dekaratyuny rospis na shkle [Decorative Glass Painting]. *Pryroda, chalavek, kul'tura: prablemy harmonii: materyyaly navuk. kanf.* [Nature, Man, Culture: Problems of Harmony: Proceedings of the scientific conference]. Ed. M.A. Byaspalaya etc.; Ministry of Culture. Minsk: BDUK. Pp. 235–241. (In Belarusian)
8. Shaura, R. F. (2006) *Razvycyco narodnaha vyyaulenchaga i dekaratyunaha mastactva Belarusi u druhaj palove XIX – pachatku XXI st.* [The Development of Folk Fine and Decorative Art of Belarus in the Second Half of the 19th – early 21st century]. Minsk: BDU kultury i mastactvau. (In Belarusian)

9. Flikop, G. A. (2014) Abrazy «na shkle» i «za shklom» u greka-katalickih hramah Belarusi u XVIII – pachatku XIX stst. [Icons “On Glass” and “Behind Glass” in Greek Catholic Churches of Belarus in the 18th – early 19th centuries]. *Tradycyi i suchasny stan kul'tury i mastactvau: mater. Mizhnar. navuk.-prakt. kanf. : u 2 ch. – CH. 1* [Traditions and the Current State of Culture and Arts: Proceedings of the International scientific-practical conference: In 2 Vol. Vol. 1]. Ed. A. I. Lakotka. Minsk: Prava i ekanomika. Pp. 200–205. (In Belarusian)

10. Flikop-Svita, G. (2018) Ikonopis na skli v Bilorusi: vitoki remesla, tvory 1920-1930-h rr. v muzejnih zbirkah ta privatnih kolekcijah [Icon Painting on Glass in Belarus: the Origins of the Craft, Works of the 1920s-1930s in Museum and Private Collections]. *Narodoznavchi zoshiti* [The Ethnology Notebooks]. No. 2 (140). Pp. 514–522. (In Russ.)

11. Trubach, V. I. (2022) Belaruski narodny mastacki rospis na shkle pachatku – syardedziny XX st.: historyyahrafiya dasledavannya [Belarusian Folk Art Painting on Glass at the Beginning of the 20th century: Historiography of Research]. *Podgotovka nauchnyh kadrov: opyt, problemy, perspektivy: materialy III Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Training of Scientific Personnel: Experience, Problems, Perspectives: Proceedings of the III Republican scientific-practical conference]. Ed. M. G. Zhilinskij etc. Minsk: IVC Minfina. Pp. 144–147. (In Belarusian)

12. Trubach, V. I. (2022) Karcinki na shkle yak adzin sa skladnikau vyaskovaga inter'era [Glass Paintings as One of the Components of a Rustic Interior]. *Sohranenie nematerial'nogo istoriko-kul'turnogo naslediya stran SNG v kontekste global'nyh vyzovov: Mezhdunar. nauch.-prakt. seminar: sb. nauch. st.* [Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage of the CIS Countries in the Context of Global Challenges: International scientific-practical seminar: collection of scientific articles]. Ed. N. V. Karchevskaya etc.; M-vo kul'tury Resp. Belarus', Belarus. gos. un-t kul'tury i iskusstv, Mezghosudar. fond gumanitarnogo sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov SNG. Minsk: BGUKI. Pp. 168–177. (In Belarusian)

13. Barkova, M (2011) (ed.) *Pradmetry dekoru tradycyjnaha zhyllya: malyunki na shkle sa zboru Dzyarzhavnaga muzeyu narodnaj arhitektury i pobytu: katalog vystauki* [Items for the Decoration of a Traditional House: Glass Paintings from the Collection of the State Museum of Folk Architecture and Rural Lifestyle: Catalog of the Exhibition]. Minsk: Nacyyanal'naya bibliyateka Belarusi. (In Belarusian)

14. Yashchenko, O. G. (2015) Inter'ery zhil'ya gorozhan Belarusi konca XIX – nachala XX vv. [Interiors of Housing of Belarusian Citizens in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny. Ser.: Gumanitarnye nauki* [News of the Gomel State University named after F. Skorina. Series: Humanities]. No. 4(91). Pp. 89–94. (In Russ.). EDN: UHLDCV

Об авторе

Михайлец Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; e-mail: m.mikhaillets@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5184-0670

About the author

Mikhaillets Mikhail A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Ethnology, Museology and History of Arts, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: m.mikhaillets@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5184-0670

Статья поступила в редакцию 05.07.2025
Одобрена после рецензирования 16.07.2025
Принята к публикации 28.07.2025

Правила оформления литературы

(10 кегль, абзацный отступ – 0,4) Список литературы содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). Список оформляется в порядке цитирования (упоминания в работе). К каждому источнику необходимо указывать код EDN при его наличии (его можно узнать на странице публикации eLIBRARY.RU в верху страницы).

МОНОГРАФИЯ

— Езерский Н. Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с. EDN: ABCDEF

— Сабенникова И. В., Гентшке В. Л., Ловцов А. С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с. EDN: YNFSLI

КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

— Гендерный подход в дошкольной педагогике / отв. ред. Л. В. Штылева. Мурманск: КРЦДОи РЖ, 2001. 200 с. EDN: ABCDEF

— Женская активность: история и современность / отв. ред. С. В. Сиражуудинова, О. С. Мутиева, Н. Л. Пушкарёва. Махачкала: АЛЕФ, ДГУНХ, 2021. 325 с. EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

— Дегтярева М. И. Александр Стурдза: консервативный реформизм и критика католической доктрины Жозефа де Местра // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 101–114. EDN: PUVFWL

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI

— Веремко В. А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320–354. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101. EDN: KCFJDI

СТАТЬИ (МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ)

— Зайцева С. В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIX–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2-х т. / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарёва, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 180–182. EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

— Ващева И. Ю. «Церковные истории» поздней античности: социальные функции, смысл и назначение // Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени: сб. науч. ст. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. С. 5–18. EDN: HUFYXJ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

— Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513.

МОНОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Puar J. The Right to Maim: Debility, Capacity, Disability. Durham; London: Duke University Press, 2017. 296 p.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Wenneras C., Wold A. Nepotism and sexism in peer-review // Nature. 1997. Vol. 387. No. 6631. Pp. 341–343.

Примеры описания постраничных сносок

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

— История протестов и самоорганизации в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/istoriya-protestov-i-samoorganizatsii-v-obrazovanii/> (дата обращения: 30.05.2022).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Historical Archives of the European Union. Available at: <https://www.eui.eu/en/academic-units/historical-archives-of-the-european-union> (accessed 20 June 2022).

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

— Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

— Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

— Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 193 с. EDN: NQHTVX

— Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 25 с. EDN: NKMWTN

References

References должны быть представлены на латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать автоматический машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке;
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например <http://translit-online.ru/>, используя две основные формулы:

Для научных статей

— Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya zagolovka stat'i* [Translation of the Headline of the Article]. *Trasliteraciya nazvaniya istochnika* [Translation of the Headline of the Source]. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russ.)

Для книг

— Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya nazvaniya knigi* [Translation of the Headline of the Book]. Place: Izdatel'stvo. (In Russ.)

Примеры оформления References

МОНОГРАФИЯ

— Abramov, YA. V. (1900) *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday Schools. Their Past and Present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva. (In Russ.). EDN: ABCDEF

КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

— Shtyleva, L. V. (2001) (ed.) *Gendernyj podhod v doskol'noj pedagogike: teoriya i praktika* [Gender approach in preschool pedagogy: theory and practice]. Murmansk: KRTSDOi RZh. (In Russ.). EDN: ABCDEF

— Sirazhudinova, S. V., Mutieva, O. S., Pushkareva, N. L. (2021) (eds.) *Zhenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost'* [Women's activism: history and modernity]. Mahachkala: DGU. (In Russ.). EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

— Sinova, I. V. (2016) *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the Working Population in Urban Society in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 3 (52). Pp. 62–69. (In Russ.). EDN: WIDAQZ

СТАТЬИ (МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ)

— Zajceva, S. V. (2018) *Sud'ba nezakonnorozhdennyh detej i ih materej v rossijskikh gorodah vo vtoroj polovine XIX v.* [The Fate of Illegitimate Children and Their Mothers in Russian Cities in the Second Half of the 19th Century]. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov* [Urban Women and Citizens in the Political, Economic and Cultural Processes of Russian Urbanization of the 14th–21st Centuries]. Proceedings of the 11 International Scientific Conference RAIZHI and IEA RAS, 4–7 October 2018, Nizhny Novgorod. In 2 vols. Eds. N. L. Pushkareva, N. A. Gronskaya, N. K. Radina. Moscow: IEA RAS. Vol. 1. Pp. 180–182. (In Russ.) EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

— Vashcheva, I. Yu. (2011) «Tserkovnye istorii» pozdnei antichnosti: sotsial'nye funktsii, smysl i naznachenie [“Church Histories” of Late Antiquity: Social Functions, Origin and Purpose]. *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Almanac on the History of the Middle Ages and the Early Modern Era]. Nizhny Novgorod: UNN. Pp. 5–18. (In Russ.). EDN: HUFYXJ

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 3 (35)

2025

Редактор **Т. Г. Захарова**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 15.09.2025. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,5.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 2058

На обложке размещена картина М. С. Сарьяна

«Улица. Проходящие», 1929 г.

Государственный музей Востока, Россия

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru